

ЦСБур
Д 90

-50686-

Г. А. Дырхеева

Бурятский язык в условиях двуязычия:

проблемы функционирования
и перспективы развития

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Г. А. Дырхеева

Бурятский язык в условиях двуязычия:

проблемы функционирования
и перспективы развития

А

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2002

УДК 49-942.3
ББК 81+60.5 (2P54)
Д 90

Ответственный редактор
д-р филол. наук, проф. *В. И. Рассадин*
Рецензенты
д-р филол. наук, проф. *Л. Д. Шагдаров*
канд. филол. наук *С. П. Маккуойд*
канд. филол. наук *С. М. Трофимова*

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия:
Д 90 проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-
Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

ISBN 5–7925–0111–4

Монография является результатом многолетних исследований особенностей существования бурятского языка в условиях контактирования с русским языком. Ее отличает комплексный подход к выявлению проблем бурятско-русского двуязычия, к роли и месту русского языка в жизни бурятского населения, а также в попытке выявления динамики и перспективы процесса проникновения русского языка в различные слои бурятского населения. Особое внимание в работе уделено функционированию бурятского и русского языков среди учащейся молодежи, реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», мерам по улучшению языковой ситуации в республике относительно бурятского языка.

Книга заинтересует социолингвистов, широкий круг специалистов, занимающихся проблемами национальных языков, общественность.

ISBN 5–7925–0111–4

Д $\frac{4602000000-3}{042(02)5-2002}$ П.л.–2002

© ИМБиТ СО РАН, 2002
© Г. А. Дырхеева, 2002
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Совместное проживание различных по культуре и языку этносов в российском государстве обусловило специфическое своеобразие развития почти во всех областях человеческой жизни (социальных, экономических, политических, образовательных и др.), включая культуру, в различных регионах страны. Процессы индустриализации, урбанизации, интернационализации вызвали глубокие культурно-языковые, ментальные изменения в бытии контактирующих народов. Одним из основных следствий этих процессов явилось динамичное приобщение культур малочисленных этносов к языку и культуре основного, русского, этноса. В конце XX в. большинство этносов столкнулись с рядом проблем, многие оказались в критическом положении. Особенность современной этноязыковой ситуации в России – повышенный интерес народов к своей культуре, языку, обычаям, традициям. Перед наукой же встали задачи изучения проблем этнокультурного сосуществования, тенденций изменений национального самосознания, языковой ситуации в процессе происходящей в российском обществе демократизации.

Как и другие многонациональные республики страны, Бурятия имеет свои языковые проблемы. Наиболее острой является современное состояние литературного бурятского языка, бурятско-русского двуязычия. Бурятские ученые считают проблему сохранения и возрождения национальной культуры, прежде всего языка, самой насущной, причем язык признается наиболее значимой идеологемой бурятского национального самосознания. Исследованию взаимодействия бурятского и русского языков уделяли внимание ведущие лингвисты-бурятоведы. В последние годы интерес к проблеме проявляют историки, философы, социологи¹. Как отмечают последние, несмотря на то, что десятилетие демократизации общественно-политической жизни России создало благоприятные условия для национального возрождения, активизации культурной жизни, языковая ситуация в Бурятии характеризуется продолжением процесса интернационализации и русификации. Принятие в 1992 г. закона «О языках народов Республики Бурятия», в котором бурятский и русский языки были признаны государственными, не изменило ситуацию. Динамика развития двуязычия в настоящее время идет не в пользу бурятского языка.

Работа является результатом продолжающихся в отделе языкознания исследований особенностей существования бурятского языка в условиях языкового контактирования. В ней делается попытка всестороннего комплексного изучения проблемы бурятско-русского двуязычия, места и роли русского языка в жизни бурят, динамики процесса проникновения русского языка в различные слои бурятского населения, диалектики языковых контактов на примере бурятского и русского языков, а также возможностей выхода из той критической ситуации, которая сложилась с бурятским языком. Монография не претендует на полноту освещения, учета всех материалов и публикаций по этому очень актуальному и болезненному для бурят вопросу.

§ 1. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Параграф посвящен обзору наиболее значимых событий, повлиявших на эволюцию (преимущественно в XX в.) бурятского языка, анализу влияния экстралингвистических факторов на его состояние, становлению и развитию национально-русского двуязычия на примере бурятско-русского, вопросу о том, почему бурятский язык, как и многие другие языки бывшего Союза, за относительно небольшой исторический срок оказался на грани вымирания, практически вытесненным из многих сфер общественной жизни, почему сегодня для многих бурят русский язык стал родным.

Национальный состав Бурятии складывался веками и изменения в нем косвенно или прямо определялись государственными решениями. Поэтому нами делается попытка воссоздать на основе документальных материалов наиболее объективную картину тех противоречий, в условиях которых происходило языковое развитие бурятского народа, а также их осмысление с позиций современного поколения лингвистов. Очевидно, что невозможно дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы, поскольку факторов, определяющих развитие, распространение любого языка или, наоборот, его упадок, деградацию, достаточно много. Обычно в случаях сосуществования двух и более языков те факторы, которые способствуют популяризации и развитию одного языка, соответственно снижают престиж другого. Необходимо отметить и тот факт, что в ходе подбора материала остро чувствовался недостаток официальных документов бывших центральных союзных органов по вопросам национально-языкового планирования. Документы архивов Бурятии являются отголосками тех решений, которые принимались наверху. Иногда можно лишь догадываться о первопричинах принятия на местах того или иного постановления или указа.

1.1. История развития бурятско-русского двуязычия начинается с появления в данном регионе в середине XVII – начале XVIII в. русского населения. В дореволюционный период наблюдалось несколько крупных переселений русских на территорию Восточной Сибири. В середине XVII в. сюда была сослана партия ссыльных старообрядцев, в начале XVIII в. для охраны русско-монгольской границы были отправлены русские казаки. Строительство Сибирского тракта в

XVIII в. и Сибирской железнодорожной магистрали в конце XIX – начале XX в. привлекло огромное число переселенцев из европейской части России. В начале XIX в. началось освоение природных богатств региона, что значительно увеличило численность русского населения. Все это время продолжалась крестьянская колонизация как в виде административного, так и в виде вольного переселения. Кроме того, данный регион, как и многие другие регионы России, был местом политической ссылки и каторги. Местное население было оттеснено в глубь тайги, в междуречные пространства и мелководные степи. Лучшие угодья и земли захватывались переселенцами. В 1897 г. доля русского населения была 57,1 %, а в 1926 г. – 68,9 %². Число бурятского населения существенно сокращалось в результате эпидемий, болезней, большого количества лам (12 % населения), которым запрещалось жениться, а также миграций бурят в Монголию и их частичной ассимиляции (ясашные, обрусевшие буряты).

Для дореволюционной Бурятии в целом было характерно моноязычие, несмотря на то, что характер расселения, в основном, был чересполосный. Школы еще в 20-е гг. имели однородный этнический состав³. Переселенцы, если они селились рядом с бурятскими селами, обычно усваивали язык и обычаи старожилов-бурят. В частности, о массовом распространении двуязычия среди русских старожилов региона в прошлом свидетельствуют различные источники и исследователи⁴. Буряты же в массе своей были одноязычны, а те, кто вступал в контакт с русскими, осваивали русское просторечие и диалектную речь. Тесные хозяйственные и культурные связи отразились в языках, в обоих языках имеются целые пласты заимствованной дореволюционной лексики. Массовое освоение русского литературного языка бурятами началось в 20-е гг. XX в. через школьное и специальное образование и в процессе все более расширяющегося участия национального населения в социалистическом производстве.

Однако главная причина моноязычия бурят была в культурной отсталости, кочевом и полукочевом образе жизни, малограмотности. «У бурят в школах, например, не допускалось изучение родного языка и грамоты, научное изучение монгольского языка началось у европейцев, в частности у русских..., но изучения, основанного на данных трудах, не было у самих носителей этого языка, так как русский язык этих трудов был недоступен большинству. В специальных учебных

заведениях вообще мало обучалось детей монгольской национальности...»⁵ «К семидесятым годам [прошлого столетия] количество бурятских школ не увеличилось, но число учащихся к 1871 г. возросло до 80 человек. Самым многочисленным было тогда Онинское училище, имевшее 47 учеников (38 бурят) и 2 учителя... В старшем отделении лучшие ученики читают по-русски и по-монгольски без всякого затруднения...»⁶ «По переписи 1897 г. грамотность основной народности бурят-монголов выражалась в 7,2 %, неграмотных же было 92,8 %, и по степени грамотности они стояли только выше племен Крайнего Севера... Грамотность восточных бурят в этот период была выше, чем западных (8,4 и 5,2 %)»⁷. Вероятно, подразумевается знание грамоты старомонгольского и русского языков, поскольку далее отмечается, что «грамотных по-русски среди мужчин было 4,6 %, не по-русски – 6,4 %»⁸. Интересно, что уже в те годы «доля перешедших на русский язык забайкальских бурят составила 5,2 %, иркутских – 12,5 %. Число крещеных бурят достигло 50 тысяч человек»⁹.

Как подчеркивают многие авторы, существовала значительная разница языкового положения в Западной и Восточной Бурятии.

* Существовавшая долгие годы проблема западных-восточных бурят в языковом вопросе на сегодня решилась в пользу западных бурят, поскольку все образование в дореволюционной Западной Бурятии свелось к преподаванию на русском языке. То, что отмечали Б. Барадин и Абашеев в 1931 г., можно отнести к сегодняшней языковой жизни всей Бурятии: «В области языковой культуры западных бурят создались глубокие ненормальности. Роль и значение родного языка усиленно падали в глазах самих носителей его... до сих пор не изжито старое отношение к родному языку: 1) большинство национальных школ работают на русском языке, 2) делопроизводство ведется исключительно на русском языке, 3) собрания, разговор с посетителями-бурятами в учреждениях, доклады и т. п. ведутся на русском языке, 4) районная газета, стенгазеты, плакаты, лозунги – все это на русском языке, 5) часть советской бурятской интеллигенции и низовых работников, партаппарата явно недооценивает значение родного языка и скептически смотрит на перевод делопроизводства и школ на бурятский язык. Часто, окончив среднюю школу, буряты не могут без серьезных затруднений выступать перед массой с докладом на родном языке... в среде этой интеллигенции создается бурятско-русский жаргон» (Барадин Б., Абашеев. О повышении языковой культуры западных бурят, ф. 1, оп. 1, д. № 1744, 1931 г., 250 л., л. 91–96). (Здесь и далее использованы документы Национального архива Республики Бурятия)

В западных аймаках бурятско-русское двуязычие было более распространено, чем в восточных, чему способствовало насильственное крещение бурят, а также то, что школьная сеть до революции здесь была гуще – в 1918 г. 157 школ (у восточных бурят – 48)¹⁰, языком преподавания в них был русский. В Восточной же Бурятии эта разница компенсировалась большим числом хуvaraков в дацанах и, как следствие, более высоким процентом образованных по-старомонгольски мужчин.

«Хозяйственно и культурно угнетенный и утративший целостность бурятский народ не мог сохранить и культурной целостности, находящей выражение, главным образом, в едином языке. Совершенно ясно, что насильно русифицированная школа и гонения на монгольскую письменность не могли дать места для выработки общего литературного языка»¹¹. Таким образом, основы для развития бурятско-русского двуязычия были заложены государственной и образовательной политикой царского правительства в дореволюционной России.

Говоря о низком уровне грамотности бурят в тот период, необходимо особо отметить почти полную безграмотность женщин: на 1000 восточных буряток приходилось 6 грамотных, а среди западных – 8¹². Как и у других народов, у бурят не поощрялось обучение в школах девочек: «Грамотная женщина не сможет занять какую-либо должность и вообще грамота и образование для женщин излишни»¹³. Уровень владения тем или иным языком женщинами или мужчинами – один из важных и интересных социолингвистических параметров. И можно даже утверждать, что обучение женщин грамоте и языкам дало мощный толчок развитию образования и соответственно двуязычия,

Несмотря на распространенное мнение о том, что западные буряты сильно обрусели, Н. Поппе в статье «К изучению бурятских говоров» по результатам исследования аларских говоров пишет, что его постигло приятное разочарование, «передо мною раскрылась во всю ширь вся картина образного и богатого, в высшей степени художественного языка героических сказаний. Я убедился в том, что буряты тех мест сохранили свой язык и произведения народной словесности ничуть не хуже бурят многих других районов. ...Конечно, отрицать того, что в повседневном языке наблюдается довольно много русских слов, не приходится» (Жизнь Бурятин. 1928. № 10–12. С. 97–98).

поскольку именно в семье и с семьи начинается языковая политика. Убеждения родителей, и очень часто именно матери, закладывают основу отношения к родному языку. В этом смысле термин «язык матери» приобретает одно из решающих значений.

Низкий уровень образования, с одной стороны, способствовал консервации, сохранению бурятского языка, поскольку его носители не изучали и не знали ни русского, ни тем более какого-либо иностранного языка; но он и не способствовал его развитию, изучению, выработке каких-либо литературных норм. В частности, это одна, по нашему мнению, из причин, почему до революции не была решена проблема реформы старомонгольского письма. Кстати, Н. Н. Поппе объясняет низкий уровень образования отчасти трудностью монгольской письменности, несовершенством алфавита, несоответствием разговорного языка языку письменности¹⁴.

Проблема реформы старомонгольской письменности так и не была решена. П. Кудрявцев пишет: «Это объясняется вовсе не тем, что сама реформа монгольского письма была преждевременной или ненужной. Нет, недостатки этого письма были ясны и русским миссионерам, и тибетскому ламе Агван Доржиеву, и националисту народнику Б. Барадину. Причины неуспеха дореволюционных начинаний в области реформы письма лежат, прежде всего, в социально-политических условиях и объясняются тем, что эта реформа оказалась не по плечу бурятской прогрессивно-националистической буржуазии, которая не смогла разрешить в условиях царизма ни одной сколько-нибудь крупной задачи культурно-национального возрождения бурят-монгол, в том числе и реформы монгольского письма.

Русские же миссионеры подходили к реформе письма не с точки зрения развития бурят-монгольского литературного языка, а ставили перед собой практические задачи облегчения своих связей с бурят-монголами. Они ограничивались лишь кустарным творчеством в этой области, не будучи серьезно заинтересованы в поднятии языковой культуры бурят-монгол, хотя и имели наиболее широкие возможности научно поставить разработку проблем реформы письма. Эти миссионерские начинания были пропитаны русификаторской установкой, которая нашла яркое выражение во всей практической деятельности их среди бурят-монгол. По этим причинам и миссионерская реформа монгольского письма не имела успеха»¹⁵. Кстати, эту же мысль под-

тверждает Н. Поппе: «Цель миссионеров была как раз русификация»¹⁶.

1.2. То, что не смогли сделать миссионеры до революции, с успехом сделала советская власть, полностью выполнив «русификаторскую установку» путем ряда реформ письменностей, переведя все существовавшие тогда в России графики на кириллицу, постепенно отменив преподавание на родном языке, увеличив количество часов в школьной программе для русского языка и уменьшив – для национальных, проведя определенную социальную миграционную политику.

Экстенсивное развитие Сибири было продолжено в советское время. Население региона росло, в основном, за счет переселенцев из центральных районов страны в национальные окраины, что сопровождалось ростом их полиэтничности, массовыми переселениями, утратой этнических территорий, обычаев, традиций, смешением языков и культур, а в ряде случаев вытеснением и ассимиляцией более слабых, малочисленных народов. Причем политика советского государства не способствовала тому, чтобы русские, переезжавшие в национальные регионы и порой составляющие там меньшинство, психологически ощущали себя таковыми и соответственно старались реализовать свои права и обязанности. Вот почему сегодня приходится прилагать немало усилий для создания определенного общественного мнения и снятия социальной напряженности.

В настоящее время в оценке роли Великой Октябрьской революции в решении различных национальных вопросов и проблем, в том числе и национально-языковой, уже нет той однозначности, которая присутствовала в донерестроечное время, когда языковедами страны, безусловно, признавалось ее величайшее значение. В частности, бурятские лингвисты считали, что Октябрьская революция подняла бурятский язык до уровня письменного литературного языка и наделила его рядом новых общественных функций. И трудно что-либо возразить, поскольку, действительно, у многих народов, как и у бурят, родной язык стал не только средством общения в семье, быту, на работе, но и языком художественной литературы, публицистики, школьного образования.

Образование в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР ознаменовало новый этап в становлении бурятской нации. Были созданы условия

для национально-государственного строительства, консолидации бурят¹⁷, ликвидации неграмотности. Интересно в этом плане замечание Л. В. Курас, О. Д. Базарова о том, что при создании бурятской государственности возникла уникальная ситуация: деятельность советского руководства фактически совпала с подлинно национальными интересами, которые выдвигали лидеры бурятского национального движения¹⁸. В частности, авторы приводят мнение Д. А. Аманжоловой о причинах поражения национальной политики советского государства: «...Искусственное огосударствление этничности, проведенное по произволу советского руководства, не опиралось ни на подлинно национальные интересы, ни на достаточно компетентную научную доктрину»¹⁹, извлечение идей федерализма в ходе национально-государственного строительства «стало возможным не столько вследствие осознанного замысла политического руководства, сколько в результате опоры, может быть, не всегда объективно отслеживаемой, на устойчивые ориентиры массового сознания, вследствие неразвитости элементов гражданского общества, незавершенности нацееобразующих процессов, к тому же деформированных мощным воздействием политики»²⁰. В Бурятии в эти годы национально-языковое строительство ориентировалось на общность монголоязычных народов. Успешно развивались традиции старомонгольского письменного языка, начал создаваться во многом общий с халха-монголами литературный язык на базе восточных говоров.

В первые послереволюционные годы ничто не предвещало тех изменений, которые произойдут в национально-языковых отношениях. Школьные отчеты 20-х гг. показывают, какая сложная ситуация была в сфере образования на территории Бурятии. Тяжелое материальное положение, отсутствие школьных помещений, нехватка учебников и учебных пособий, недостаток и низкая квалификация учителей, часто недоброжелательное отношение населения к образованию, полукочевой образ жизни бурятского населения, разный уровень подготовленности учащихся и иногда просто голод не способствовали быстрому распространению образования среди коренных жителей. Так, в 1925 г. грамотные среди бурят составляли 14,3, среди русских – 33,4 %²¹.

В 1922 г. было разработано положение о единой школе Бурят-Монгольской автономной области²², которое содержало ряд положи-

тельных моментов: преподавание всех предметов на родном языке, введение таких предметов, как бурятоведение, востоковедение, история культуры. Ученые отмечали, что взятый Наркомпросом курс на насаждение многокомплектных школ совпадает с задачей укрепления бурятских школ с преподаванием на родном языке и через несколько лет бурятская национальная школа положит основу единому литературному языку²³. Однако национальная школа в то время не успела сформироваться и ее постепенно стали заменять русской школой. В статье «Русский язык в школах нацмень» Л. В. Чехов утверждает, что русский язык в школах национальных меньшинств не должен быть на положении иностранного и методы его изучения должны отличаться от методов изучения иностранного языка. Он предлагает начинать обучение русскому языку со второго года и отводить на него 6 часов в неделю²⁴. В эти годы БурОНО был распространен циркуляр о введении преподавания русского языка с первых классов обучения, причем этот факт преподносился как положительный момент в деле преодоления отсталости национальных регионов. Именно тогда образование, как и многие другие стороны жизни, начинает идеологизироваться, достаточно много места в отчетах уделяется нартийным и политическим вопросам.

Интересно, как в тот период решался вопрос о языке делопроизводства. В 1921 г. X съезд РКП(б) предложил развитие институтов государственного строительства на родном языке нацменьшинств²⁵. До революции «только упорные хоринцы добивались, что в их нородческих управлениях терпелось делопроизводство на монгольском языке»²⁶. После революции вопрос о делопроизводстве возник с новой остротой, так как «бурятское население в большинстве своем обслуживалось русским аппаратом до низовых ячеек власти включительно, что вызвало вполне естественное недоумение среди населения, не выдавшего никакой разницы между политикой русификаторской и автономной. Дабы сдвинуть этот вопрос с мертвой точки и заставить местных работников приступить к черновой работе по реализации языка, ЦИК в апреле 1924 г. издал два постановления и инструкции, которыми частично проводил в жизнь реализацию языка в аймаках: Баргузинском, Хоринском, Агинском, Троицкосавском и Верхнеудинском. Работники-буряты обязывались к изучению бурят-монгольской письменности и языка»²⁷. Процесс принял затяжной ха-

ракти, в результате чего при ЦИКе была учреждена комиссия по реализации бурят-монгольского языка, на которую возлагалось планомерное и систематическое проведение в жизнь мероприятий, направленных к приближению советского аппарата к массам.

Для решения вопроса предполагались следующие мероприятия: «...За знание двух языков (русского и бурятского как письменного, так и устного независимо от национальной принадлежности) разработать меры поощрения (повышение тарификации, преимущество при предоставлении работ и т. д.)», а также «...открыть ликпункты по ликвидации монгольской неграмотности в западных аймаках»²⁸. Причем уже в те годы осознавалось, что делопроизводство можно поставить на должную высоту при условии немедленного выпуска руководства по делопроизводству и отчетности на бурятском языке, «регулярного устройства курсов от 4 до 6 месяцев»²⁹.

Однако, как и многие другие благие намерения того периода, все эти идеи и устремления канули в вечность: «Сами руководители отдельных учреждений по вопросу перехода на бурят-монгольское делопроизводство имеют весьма своеобразные мнения. Например, Наркомпрос считает, что переход на бурят-монгольское делопроизводство крайне трудная и почти неосуществимая задача, а Наркомпромторг на запросы БЦИКа в своем ответе горячо и откровенно убеждает: «В отношении перевода делопроизводства на монгольский язык Наркомпромторгом никаких мер в этой области не предпринималось и проведение этого вопроса в данное время невозможно и нецелесообразно».

По-видимому, эта философия своим социальным корнем питается соками великорусской, единой державной почвы и является отражением настроения, игнорирующего интересы трудящихся угнетенных национальностей и не понимающего задачи перестройки методов нашей работы³⁰.

О какой-либо добровольности изучения языков разговоры и не велись: «В целях приобщения к коренному населению государственного, хозяйственного и кооперативного аппаратов обязать всех служащих – не бурят в течение 1932 и 1933 гг. овладеть бурят-монгольской письменностью и языком, прежде всего, служащих учреждений, отнесенных к первоочередной группе (ЦИК, СНК, НКирос, НКЗДРАВ, Прокуратура, Главсуды и Милиция)... Селения вменяет в

обязанность всем государственным и хозяйственным организациям, всем исполнительным комитетам и советам рассматривать дело всеобщего ликбеза и НА, как боевую задачу Советской власти»³¹. В 1940 г. в связи с переходом бурят-монгольского языка на новую письменность вышло директивное указание об организации групп руководящих и партийных работников по изучению новой письменности, а для не знающих бурят-монгольский язык – по его изучению³².

30-е гг. оказались решающими, переломными как для бурятского языка, так и для многих других сторон жизни Бурятии и всей страны. Решались вопросы экономической и культурной «отсталости» национальных регионов. Принятые меры вскоре дали положительные результаты: вырос культурный уровень населения, начала развиваться сеть издательской деятельности на бурятском языке, формироваться национальная интеллигенция и наука. Однако большинство вопросов было решено далеко не в пользу той или иной национальности, хотя по документам намерения руководящих органов были самые благие. Первоначально политика советского государства относительно малых народов строилась с учетом их самобытности и преемственности дореволюционного права, но в дальнейшем все свелось к опеке и ускоренной интеграции «отсталых» народов в социалистическое общество. Официальное употребление языков в республиках регулировалось Конституцией СССР, текстовые трансформации которой относительно национальных прав подробно освещены в работе М. Н. Губогло³³. Внутриреспубликанские постановления и решения принимались обычно «в свете реализации» союзных решений, распоряжений и руководств. Конституция СССР гарантировала равноправие языков, обучение на родном языке, его использование в судопроизводстве.

На XII съезде партии отмечалось: «Необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа». Однако здесь же добавляется: «Только при этом условии мы получим возможность советскую власть из русской сделать межнациональной, близкой, понятной и родной для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении»³⁴.

1.3. Если во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. национальный вопрос решался в духе идей XII съезда РКП(б) при сочетании национально-государственной автономии и защите интересов всех народов национальных регионов, то во второй половине 30-х гг. наблюдается сокращение прав и полномочий автономий. С этих пор они существуют только формально, основное внимание партии и правительства уделяется коллективизации и индустриализации. Считалось, что с этого периода национальный вопрос в стране решен и начался процесс слияния наций.

Именно в 30-е гг., годы так называемого языкового строительства, для многих языков была «решена» проблема письменности, причем, как показывают документальные материалы, все решалось не просто.

Так же, как и во многих других языках, проблема графического оформления, тесно связанная с культурно-религиозной, а иногда и политической ориентацией носителей языка, в бурятском языкознании обсуждалась не один десяток лет. Вопросы письменности всегда принадлежали к наиболее сложным и больным прошлого бурят. Еще в 1906 г. на съезде учителей при обсуждении национализации школ прежде всего был поднят вопрос об алфавите «ввиду малой распространенности грамоты среди бурят Иркутской губернии, ввиду требования Министерства народного просвещения применить русский алфавит для обозначения бурятского наречия»³⁵. И тогда, и после русский алфавит был отвергнут. Причем, если судить по литературе и документам, для большинства языков первоначально (зadolго до реформ 30-х гг.) предпочтение отдавалось латинской графике. Возможно, единственное исключение составлял вотский язык³⁶, для которого еще в 1917 г. был выбран русский алфавит. Среди доводов в его пользу отмечалась легкость перехода при обучении в школах от вотского языка к русскому.

В бурятоведении в те годы господствовали два мнения по поводу графической реформы: А. Доржиева о реформе старомонгольской письменности, не меняя основ, и Б. Барадина о переходе на латинскую графику³⁷. В феврале 1910 г. в свет вышел труд Б. Барадина «Отрывки из бурятской народной литературы», в котором он использовал латинский алфавит. В том же году агван-доржиевской группой были изданы букварь и книжка для чтения на реформированном мон-

гольском алфавите. Эти книжки служили как бы декларациями взглядов двух противоположных групп.

Б. Барадин считал, что существенный недостаток старой письменности в том, что она тормозила развитие и распространение просвещения. Однако в 30-е гг. главной причиной смены алфавита стала классовая сущность старой письменности, письменности лам и нойонов. Интересно, что еще в 1926 г. на культурно-национальном совещании БМАССР была принята резолюция, в которой говорится: «...Вопрос о повышении квалификации языковой культуры бурят-монгольского народа должен быть разрешен в масштабе общемонгольском. Отрыв языков, культуры бурят-монгольского народа от соседних монгольских племен, путь создания какой-либо самостоятельной бурят-монгольской письменности считать совершенно недопустимым...»³⁸ На том же совещании высказывались разные мнения, среди которых было и мнение, точнее, предсказание Г. Цыбикова: «Приобщение к культурному движению своего северного соседа будет достигнуто скорее всего принятием его алфавита, т. е. русского, что повлечет материальных и нравственных затрат гораздо в меньшей степени, чем новый, хотя бы латинской основы, алфавит»³⁹.

Латинизация бурятского алфавита (1931 г.) так же, как и любое мероприятие такого масштаба тех лет, сопровождалась обширной дискуссией и критикой, в основном, политического характера: «Тенденцию к отрыву от живого разговорного языка трудящихся масс в практике разработки нового литературного языка в связи с латинизацией письменности следует решительно осудить, как реакционное явление, могущее дискредитировать латинизацию письменности, проводимую партией как революционное классовое мероприятие против враждебных «классов» с их культурой и письменностью»⁴⁰. Кстати, в период с 1931 по 1936 гг. латинский алфавит был использован при издании 587 наименований книг – произведений классиков марксизма-ленинизма, художественной, детской, учебной литературы. Данный период характеризуется многими исследователями как период расцвета художественной бурятской литературы, в эти годы шло активное обогащение языка за счет живой разговорной речи, кладовых устного народного творчества. Такая характеристика скорее всего связана с общим подъемом в экономическом, культурном развитии республики, с распространением грамотности. Новый алфавит поль-

зовался популярностью. В 1936 г. грамотность населения была доведена до 70 %, а в 1938 г. – до 90 %.

Однако уже в 1934 г. стало очевидно, что новый алфавит в Бурятии не привился, о чем свидетельствовали такие показатели: в 1929–1930 гг. газета «Унэн» печаталась на старом алфавите тиражом 10000 экз., а в 1931 г., после введения нового алфавита тираж упал до 5160, в 1933 – до 1350 экз.⁴¹ Причину неудачи видели в том, что за основу нового бурятского языка был взят сначала халха-монгольский язык, а затем селенгинский говор, а не живой разговорный язык всех «трудящихся масс». Но фактически главная причина была в излишней идеологизации проводимых мероприятий, объявлении языка орудием классовой борьбы, внедрении нового алфавита «сверху» насильственными методами, без объяснения, убеждения его преимуществ. Вся кампания по ликвидации неграмотности на родном языке проводилась без серьезной методической проработки и подготовки и совпала с материальными трудностями, отсутствием учебников, пособий, программ, неподготовленностью кадров, общим низким уровнем образования. С преподаванием русского языка среди бурятского населения дела обстояли также неважно.

Вплоть до 40-х гг. высказывались мнения о необходимости сохранения старомонгольской письменности с учетом небольших реформ, однако после «чисток» наступило «единодушие». И лишь позже, уже в 80-е гг., многие осознали необходимость изучения старомонгольской письменности, поскольку многие материалы и документы на старомонгольском языке оказались невостребованными, прервалась связь времен, ученые-гуманитарии почувствовали недоста-

* «Положение русского языка также неблестяще. Русский язык преподается со второго года обучения, но обучение идет настолько слабо, что ученики четвертой выпускной группы почти совершенно не говорят по-русски и с трудом понимают самые обыкновенные житейские фразы. При таких условиях не приходится говорить ни о программе, ни о методах преподавания русского языка ... В остальных школах при бурятских учителях наблюдается смешанное употребление русского языка в старших классах, но, благодаря слабому знанию его учителями, результатов с усвоением русской речи незаметно... Методика обучения монгольской грамоте не имеется. Методика обучения русской грамоте – хотя и имеется, но учителя с большим трудом с ними справляются...» (Рысин А. Опыт изучения бурятской школы и бурятского ребенка // Жизнь Бурятии. 1927. № 1. С. 42–43.)

ток, нехватку именно этих материалов, а бурятский народ оказался лишенным значительного исторического пласта своей прошлой духовной культуры, ценностей восточной философии, науки. В 80-е гг. перевод многих языков СССР на кириллицу был оценен как закономерный, поскольку «в едином и обособленном от остального мира государстве единая графическая основа языков более естественна, чем графическое многообразие»⁴². Однако было признано «диалектически противоречивым» развитие национальных языков до уровня полного выражения всей совокупности понятий, свойственных мышлению цивилизованной нации, а создание в 30-х гг. письменности на родном языке для многих народов за короткое время было признано невозможным, нецелесообразным, в конце концов, в «этом н е б ы л о и н е о б х о д и м о с т и» (выделено автором). В статье А. И. Федорова указано, что «ительмены, коряки, нанайцы и др. малые народы из-за малочисленности н е с м о г л и (выделено автором) создать свою художественную литературу, что сдерживало развитие их языков». Они самоассимилировались, перешли на литературные языки других народов или на русский язык. Автором признается, что «процесс сужения сферы применения родного языка, сокращения его функций и переход на двуязычие, таким образом, обусловлен социальными факторами. Поэтому он носит необратимый характер»⁴³.

Почему мы так подробно останавливаемся на событиях и вопросах, связанных с реформой письменности, которые, казалось бы, мало связаны с двуязычием? Как известно, в языке все тесно взаимосвязано и резкая смена письменностей в течение одного десятилетия сначала на латинскую, а затем на русскую графику не только, как отмечают сегодня многие ученые, нарушила культурные и языковые традиции. Фактически она затормозила развитие языка, заставив народ дважды переучиваться новой графеме, она способствовала активному, ускоренному усвоению национальными районами русского языка и развитию национально-русского двуязычия. Тем более, что ликвидация всеобщей неграмотности проходила на основе русской графики, а позднее приобщение к мировой культуре шло через русский язык, хотя, как утверждали многие бурятские лингвисты советского периода, «процесс формирования нового литературного языка был п о д к р е п л е н (выделено автором) еще переходом в 1939 г. на письменность, основанную на русской графике»⁴⁴. Удивительно в этом плане

заявление Ы. Барадина, сделанное в 1926 г. на I-м культурно-национальном совещании БМАССР: «Наша работа для других монгольских народов будет опытом, ошибки которой можно будет потом исправлять»⁴⁵.

Вопрос о переходе на старомонгольскую письменность сегодня не стоит. Считается, что принятая графика (кириллица) соответствует бурятской фонетике, хотя старомонгольское написание более полно отражает этимологию слов и при обучении дает больше возможностей пользоваться аналогиями с другими монгольскими языками. Хочется подчеркнуть, что исторически естественно, что в определенный период большинство лингвистов-бурятоведов утверждали вслед за ведущими советскими языковедами, что бурятский язык является младописьменным⁴⁶, что, как большинство малочисленных народов СССР, буряты обрели свою письменность в советское время. Однако существуют и существовали другие мнения. Вероятно, можно согласиться с позицией Ц. Б. Цыдендамбаева⁴⁷ о том, что до революции бурятский язык не был бесписьменным. Старомонгольская письменность, использовавшаяся в Бурятии с XVII по XX вв., практически удовлетворяла языковые потребности грамотных бурят. В соответствии с общественными функциями, которые выполнял старописьменный язык, в нем можно выделить следующие жанры: научный (философия, медицина, языковедение и др.); учебно-дидактический; язык делопроизводства; язык религиозных сочинений; устного народного творчества; документальный (летописи и исторические сочинения); публицистический (газеты «Жизнь на восточной окраине», «Кооперативное слово»). На этой письменности в виде ксилографов существовала довольно обширная литература, ее использовали при официальной и частной переписке, при делопроизводстве вплоть до перехода на латинскую графику. Другое дело, что пользовалась ею, в основном, верхушка дореволюционного бурятского общества, что объясняется скорее всего недоступностью в те годы образования вообще, а не только письменности. Для большинства языков России того периода вообще была характерна социально-функциональная ограниченность. Кстати, и в период до принятия латинской графики старомонгольская письменность довольно успешно обслуживала существовавшие тогда сферы функционирования бурятского языка. Новые термины, слова обычно не заимствовались, а создавались на базе собственных обще-

монгольских ресурсов. В настоящее время имеется более категоричное мнение Д.-Н. Д. Доржиева⁴⁸ о том, что до революции бурятский народ имел свой литературный язык и свою старобурятскую письменность.

1.4. Процесс демократизации литературного языка, приближения его к речи масс бурятского населения был связан не только с реформой письменности, но и с выбором диалектной основы, поэтому второй и наиболее трудной задачей языкового строительства конца 20–30-х гг. в Советской Бурятии было определение живой основы для нового литературного языка.

Принятое в январе 1931 г. решение о выборе в качестве основы бурятского литературного языка халхаского наречия уже через несколько месяцев было отменено, хотя, как пишет В. М. Алпатов, оно было «оптимальным в лингвистическом плане: халха-моигольские нормы уже существовали, а любые другие для бурятских диалектов еще надо было создавать, снималась проблема соперничества между носителями разных диалектов, но политически в условиях того времени оно не могло быть приемлемым: культура бурят тяготела бы к Улан-Батору, а не к Москве, что могло когда-нибудь поставить и вопрос о границах»⁴⁹. Также «сыграли роль научная разработанность реформы, простота большинства ее правил, а также ее совпадение с периодом коренной ломки всех общественных отношений».

В сентябре 1931 г. состоялся Объединенный пленум ОК и ОКК ВКП(б), на котором в развитие решений ЦК был сформулирован курс на строительство социалистической по содержанию и национальной по форме культуры бурятского народа. Перед институтом культуры (бывшим Буручкомом) ставилась задача выработки нового литературного языка на основе одного из бурятских наречий⁵⁰. Выполняя это решение, в 1931 г. бурятский язык был переведен на латинский алфавит, а за основу литературного языка было взято селенгинское наречие. Однако и эта реформа, считалось, не дала положительного результата. Поэтому после многолетних и жарких дискуссий в 1936 г. было принято решение ориентироваться на восточнобурятское н-акающее наречие.

Насколько это решение было верным, до сих пор дебатруется учеными-филологами, историками, поскольку при естественном ходе развития скорее всего за основу нового литературного языка был бы

взят диалект или койне авторитетного политического и экономического центра, чаще столицы республики. Но так как все было решено насильственно-административным путем, данный выбор оказался недостаточно эффективным: практически до сих пор существует многодиалектность, что естественно, поскольку любой язык обладает весьма значительной устойчивостью. Существенные изменения в нем происходят в течение жизни нескольких поколений его носителей. При частых переменах в языке одно поколение людей оказалось бы не в состоянии понимать другое, и язык не смог бы выполнять свои коммуникативные функции.

Как считает Ш. Б. Чимитдоржиев, в данном случае затрагивается проблема престижности того или иного диалекта. Прав Б. Я. Владимирцов, который писал, что литературный язык, базирующийся на одном из собственных диалектов, со стороны представителей других диалектов вызывает неприятие, что мы и наблюдаем сегодня, когда «общественные функции бурятского литературного языка с каждым днем сужаются, а разговорная речь все более превращается в русско-бурятский жаргон»⁵¹. Носители же западных диалектов не могут читать периодику и книги на бурятском литературном языке, не всегда понимают носителей других диалектов, что отчасти способствует переходу на русский язык общения.

Языковое строительство в Советской Бурят-Монголии свелось, во-первых, к выбору опорного хоринского диалекта в качестве основы для литературного бурятского языка, во-вторых, к переходу на другую, «более совершенную письменность» и экстенсивное создание на ее основе нового литературного языка. Возможно, это одна из причин того, что такой форсированный подход к созданию литературного языка привел к нулевому результату – единого бурятского литературного языка пока нет. Современный бурятский литературный язык обычно отождествляется с хоринским диалектом, хотя очевидно, что литературный язык обычно обособляется, отвлекается от своей диалектной основы, приобретает собственные строгие нормативные формы и постепенно развивается самостоятельно.

* История становления бурятского литературного языка отражена в ряде публикаций: Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967; Дарбеева А. А. Нормализация бурятского литературного языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996. С. 366–383.

Можно задаться вопросом: можно ли сравнивать ситуацию со старомонгольской письменностью у бурят с латынью для народов Западной Европы, арабским – для мусульман, церковно-славянским – для народов Центральной и Восточной Европы? В частности, В. К. Журавлев⁵² утверждает, что в донациональный период в качестве письменной формы существования языка выступает «чужой» книжно-литературный язык для многих народов, объединенных некоей общностью истоков духовной культуры. Возможно, существует зависимость: с повышением грамотности происходят децентрализация, выделение (отделение) культур, языков? В таком случае при естественном ходе развития истории мы бы имели старомонгольскую письменность, а на ее основе – единый бурятский литературный язык.

1.5. Концепция приоритетного внедрения русского языка в контексте развития и сближения наций была успешно решена именно в эти годы. Как пишет М. И. Исаев, всеобщее мероприятие по смене письменностей в те годы объяснялось тем, что «во-первых, русский язык широко распространился среди всех народов СССР, его изучают во всех школах. Значит, нечего усложнять изучение двух языков (родного и русского) наличием у них разных систем письма. Во-вторых, в русском языке больше букв, чем в латинском, и, следовательно, он имеет больше возможностей для адекватного отображения фонемного состава различных языков. Разумеется, не говорилось о том, что к этому времени (конец 30-х гг.) надежды на «перманентную революцию» оставили руководителей партии и государства, которые взяли курс на «построение коммунизма в отдельно взятой стране». Следовательно, нужны были процессы унификации во всех областях жизни, включая языковую»⁵³. Как показывают исследования лингвистов различных регионов страны, истории развития многих национальных языков в советский период во многом схожи. Н. Г. Самсонов, отмечая факторы ухудшения положения национальных языков после 30-х гг. и говоря о господстве в советский период командно-бюрократической системы, указывает: «Процесс свободного развития народов в результате искажения национальной политики был загнан в жестко централизованные рамки и деформирован. Центральными экономическими ведомствами игнорировались национальные и экономические интересы регионов страны. А местные партийные, советские и хозяйственные органы не смогли противостоять давлению централь-

ных министерств и ведомств»⁵⁵. Социолингвисты центральных институтов, соглашаясь, что «в отношении хозяйственных и культурных нужд малых народностей применялся так называемый «остаточный принцип»», в то же время добавляют, что «подобная общегосударственная политика усугублялась на местах, где представители более крупных этносов и наций старались всячески «растворить» малые этносы в среде своих наций»⁵⁵. Однако это была общегосударственная политика и на местах обычно исполняли то, что приказывали сверху или повторяли то, что там происходило.

Еще раз подтверждается, что в XX в. в России решающими оказались политико-идеологический фактор, а также бюрократическая централизация политической и экономической власти. Так называемый суверенитет так же, как и многие другие основополагающие понятия государственности, оказались фикцией. Можно только надеяться, что в XXI в. основным фактором, влияющим на развитие языков, будет культурно-исторический.

Политикой в 30-е гг. были охвачены все стороны языковой жизни, в первую очередь, образование. В марте 1938 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁵⁶, которое ввело единую централизованную (и соответственно контролируемую) систему обучения русскому языку. Оно фактически утвердило привилегированное положение русского языка, с него началось сокращение часов преподавания национальных языков в школах, сужение сфер их функционирования. Как отмечает Н. С. Бабушкина⁵⁷, Бурятия опередила выход этого постановления. С 1931 г. после республиканского совещания по вопросам строительства национальной бурятской школы началось изучение русского языка во всех бурятских школах, что значительно ускорило усвоение русского языка бурятами, развитие бурятско-русского двуязычия.

Большой вред в 30-е и более поздние годы «малым» языкам был нанесен излишней централизацией общества, его идеологизацией, различными декларативными рассуждениями, теориями и дискуссиями по языковому развитию, вульгарными противопоставлениями классовых и национальных интересов. Утверждения типа «каждый язык имеет классовую сущность», «литературный язык всегда является орудием господствующего класса», «все языки сольются в единый

общий язык», тезисы о постепенном стирании национальных различий вовсе не способствовали лингвистическим исследованиям, вызывали излишние споры, в конечном счете, отвлекали ученых от научной работы*. Превращение некоторых словосочетаний в идеологему, которая влияет на ход мыслей и формирует определенное социальное сознание – отдельный разговор и тема для научного исследования, но в сознании обывателя, несмотря на то, что было широкое освещение подобных дискуссий, оседали именно такие краткие лозунги, тезисы и высказывания. Это в немалой степени способствовало формированию мнения об отсталости аборигенных культур, отмирании так называемых «малых» языков, о том, что их языковых средств недостаточно для отражения быстрого развития действительности современного цивилизационного мира, что нет необходимости в их изучении и вообще существовании. Такие высказывания, как «язык наш беден, алфавит нуждается в переработке, так как существует много лет и устарел»⁵⁸, способствовали быстрому внедрению в бурятский язык русских заимствований, интенсивным реформам в сторону замены письменности. Априорная недооценка своей культуры, языка, словарного запаса, выразительных и грамматических средств, словообразовательных возможностей создала и до сих пор создает социальные, психологические и лингвистические проблемы.

Данный период в советском языкознании было принято называть культурной революцией, он характеризуется возросшим сознательным вмешательством общества, а точнее государства, в функционирование и развитие языков. Это влияние на состояние бурятского языка опосредованно сказалось через разнообразные административные и социально-экономические реформы. Наиболее значительным и наиболее дискуссионным является вопрос об объединении территорий, на которых проживают буряты, которые были искусственно разделены в 1937 г. на три административные части: Агинский бурятский национальный округ, Усть-Ордынский бурятский национальный

* Курс на «единый язык единого мирового коммунистического общества», провозглашенный на XVI съезде партии, получил научное подкрепление в виде «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра (Слепцов П. А. К новому этапу языковой политики и языкового строительства в Республике Саха (Якутия) // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 199).

округ и Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, хотя очевидно, что, чем выше концентрация определенной нации, тем менее конфликтна ситуация, тем меньше языковых проблем. Эта акция, естественно, повлекла за собой изоляцию целых групп бурятского населения (удельный вес бурят в республике сократился до 21 %) от начавшегося в 20–30-е гг. этнокультурного консолидирующего процесса. Другим значительным социально-экономическим фактором того периода, повлиявшим на языковую ситуацию, является начавшееся интенсивное строительство ряда крупных предприятий в республике, повлекшее приток русскоязычного населения из центральных регионов России, что сократило долю бурятского населения при увеличении русскоязычного в полтора раза. В эти же годы усилилась мобильность сельского населения, связанная с коллективизацией сельского хозяйства. Приобщение к русскому языку осуществлялось активным развитием изб-читален, домов культуры, распространением радиовещания.

Переход на кириллицу совпал с массовыми репрессиями 30–40 гг., в том числе и ведущих ученых, занимавшихся и участвовавших в реформировании бурятского литературного языка. Одновременно проходила и «зачистка» языка, были изъяты так называемые панмонголизмы, слова монгольского и тибетского происхождения, многие исконно бурятские слова. Авторитарный стиль руководства страной тяжелым катком прошелся по культуре и языкам народов России. Вероятно, именно с этого периода язык периодики стал сухим, бедным, казенным, выхолощенным. Скорее всего, в эти годы мы начали терять язык. Многие представители старшего поколения бурят, прекрасно владея бурятским языком, иногда затрудняются или стараются говорить по-русски, т. е. акты репрессий и давления, страх перед национализмом, его «опасностью», о которой говорилось со всех официальных трибун, подействовали на подсознание людей, психологию народа. Но, в первую очередь, пострадали от этого сами представители «большого народа», выросли и воспитались поколения некультурных людей, неуважительно относящихся к «малым» народностям, их культуре, языку и бумерангом – к себе.

Одним из своеобразных факторов, повлиявших на языковую ситуацию, является Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Все взрослое мужское население, возвратившееся с фронта, было актив-

ным носителем русского языка. За четыре года значительно увеличился контингент носителей бурятско-русского двуязычия.

Многие из возвратившихся с фронта переезжали в город, и весь послевоенный период характеризуется активным процессом урбанизации, быстрым изменением социально-профессионального состава бурятского населения, ростом его образовательного уровня, увеличением доли бурят-горожан. В 1899 г. в Верхнеудинске проживали 52 бурята, в 1904 – 90 (10 юрт)⁵⁹. В 1928 г. городское население Буреспублики составляло 9 %, среди которых бурят было и того меньше⁶⁰, в 1959 г. их было 17 %, в 1979 – 36 %⁶¹.

Город с нетрадиционной для бурят промышленностью, социальной средой, негативным отношением вновь прибывшего русскоязычного населения к культуре, языку, традициям бурят оказал и оказывает сильнейшее влияние на языковую ситуацию, положение бурятского языка. Воспитание подрастающего поколения в дошкольных учреждениях и обучение в школах города почти полностью осуществлялись на русском языке. В столице республики ни в одной школе бурятский язык не преподавался. Многонациональность населения к тому же выработывала привычку постоянно общаться на русском языке. Все это способствовало качественному раннему усвоению русского языка, что заметно выделяло городское бурятское население, особенно молодежь, родившуюся в городе и говорившую по-русски практически без акцента.

Однако в тот период позиции бурятского языка были еще сильны. 20–30-е гг. характеризуются активизацией функционирования бурятского языка в различных сферах, обучение в школах велось на бурятском языке, большое внимание было уделено языковым проблемам, формированию и становлению бурятского литературного языка, местное русское население, проживавшее рядом с бурятами, продолжало знание бурятского языка. В те годы было принято, чтобы руководящие работники, переезжавшие в национальные окраины из Центральной России, изучали местные языки за 4–6 месяцев, причем в отсутствии достаточного количества учебников и словарей.

1.6. Уровень развития двуязычия очень часто определяется уровнем преподавания каждого из взаимодействующих языков в отдельности. Состояние преподавания бурятского и русского языков, судя по отчетам школьных проверок, вплоть до 50-х гг. было неудовлетво-

рительным, несмотря на достаточную обеспеченность уже в 40-е гг. учебными пособиями. Основной причиной такого положения в те годы признавалась низкая методическая подготовка преподавателей-языковедов. В эти же годы было принято решение, которое, возможно, во многом способствовало постепенному вытеснению бурятского языка из школы, был сделан следующий шаг в сторону усиления бурятско-русского двуязычия: преподавание всех учебных дисциплин с 5-го класса было переведено на русский язык, родной язык и литература остались в бурятской школе только как учебные предметы. Сделано это было, насколько явствует из документов, по просьбе самих бурят: «Бурят-монгольский обком ВКП(б) просит ЦК ВКП(б) разрешить в ближайшие годы, до создания всех необходимых условий, ограничить коренизацию бурятских школ республики в пределах подготовительного – четвертого класса, а с пятого класса преподавание учебных дисциплин вести на русском языке»⁶².

Главной причиной отступления от «коренизации» считалось то, что бурятский литературный язык находился еще в стадии становления. Большие трудности испытывались в преподавании, издании учебников и пособий на бурятском языке, отсутствовало достаточное число квалифицированных переводчиков, не была разработана естественнонаучная и техническая терминология. Сложно обстояло дело и с обеспеченностью национальных школ педагогами, владеющими бурятским литературным языком. Поскольку преподавание в Бурятском государственном педагогическом институте осуществлялось на русском языке, его выпускникам легче было вести уроки на русском, чем на бурятском языке. Однако, насколько можно судить по вышеупомянутому документу, переход на русский язык обучения с пятого класса был поддержан родителями учащихся, интеллигенцией и учителями. Основной довод: хорошее знание русского языка способствует дальнейшему повышению образования бурятских детей, а иначе «все это становится в известной мере серьезным тормозом в деле подготовки и выращивания национальных кадров интеллигенции».

Руководство в данной ситуации посчитало, что легче перейти на русский язык обучения, чем способствовать становлению бурятского литературного языка. Движение снизу было подкреплено давлением сверху: «Нам не совсем понятна тенденция, заложенная в проекте учебного плана, следствием которой является резкое сокращение

учебного времени на изучение русского языка по сравнению с действующим в настоящее время в бурятских школах единым и общим для подавляющего большинства нерусских школ РСФСР учебным планом»⁶³.

Процесс освоения русского языка бурятами в данный период был настолько интенсивным, что в 1958 г. Ц. Б. Цыдендамбаев писал: «Бурят-монгольский язык – это язык бытового общения и сельскохозяйственного производства, это язык национальной литературы и искусства, начального и отчасти семилетнего школьного образования, письменной, а также устной агитации и пропаганды. Сфера употребления бурят-монгольского языка, как видно, довольно еще широка.

Бурят-монгольский литературный язык, не говоря уже о разговорном, будет существовать до тех пор, пока останется национальная культура бурят-монгольского народа»⁶⁴.

Интенсивное внедрение русского языка в развитие народного образования, проведенное в 60–70-е гг., дало обильные всходы. Проблема преподавания русского языка в бурятской школе была решена, справки и отчеты по состоянию изучения русского и бурятского языков в общеобразовательных школах испещрены различными цифрами роста и улучшения. Если судить по данным преподавания на национальных языках, то в целом по стране шло неуклонное сокращение национальных школ: «В годы советской власти в системе школьного образования (включая подготовительные и начальные классы) в СССР обучение велось на 94 языках национальностей. А на стыке 1970–1980-х гг. обучение в средней общеобразовательной школе велось на 52 наиболее распространенных языках народов СССР. В 1982/83 учебном году 49 языков являлись языками обучения или преподавания в школах Российской Федерации»⁶⁵. В период 1974–1979 гг. 1100 национальных школ СССР были переведены на русский язык обучения даже без преподавания национального языка как предмета. В Бурятии с 1931 по 1960 гг. число бурятских школ сокра-

⁶³ «В национальных школах республики проводится значительная работа по улучшению обучения русского языка. С этой целью в 1968 г. были открыты первые 30 подготовительных классов. В 1976/1977 учебном году функционировало 153 подготовительных класса, в текущем учебном году – 154 с охватом более 2 тыс. детей (практически всех нуждающихся)» (НАРБ, ф. 1, оп. 37, д. 65, 1978 г., 19 л., л. 3).

тилось с 317 (46 % общего числа школ республики) до 170⁶⁶. Отрицательные тенденции в сфере образования способствовали сокращению социальных функций бурятского языка, снижению его социального статуса, престижа.

В середине 70-х гг. переход на русский язык обучения считался очень положительным явлением: «Улучшению учебно-воспитательной работы бурятских школ во многом способствует переход их на русский язык обучения с 1-го класса по желанию родителей, что свидетельствует о большой тяге населения к русскому языку, языку дружбы и братства народов СССР»⁶⁷. При этом ставилась задача «широко разъяснять родителям и населению социально-политическое, образовательное и педагогическое значение перехода на русский язык обучения»⁶⁸. Во всех национальных регионах престиж русского языка определялся тем, что это язык межнационального общения, носитель мировой цивилизации. Однако данный обзор показывает, что в отношении малых языков, преподавания их в школе проводилась планомерная политика вытеснения национального языка как предмета и как языка обучения из школьной программы. Наблюдается периодичность в среднем в 16–20 лет введения определенных языковых реформ, в основном, через школьное образование, направленных на постепенную ассимиляцию национальных языков. Отмечая в целом достижения советской системы образования в поднятии общего уровня образования, необходимо все-таки подчеркнуть, что его унифицированная система не допускала наличие какого-либо этнического аспекта, что в общем русле ассимиляционного процесса привело к снижению престижа национальных языков, переориентации национально-духовных ценностей.

1.7. Те годы в отношении национально-языкового развития, в основном, характеризуются благодушием и прославлением ленинской теории национального развития. Ведущие социолингвисты страны Ю. Д. Дешериев, В. А. Аврорин, А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский* определяли основные направления исследований и соответствующие выводы. В их трудах отмечалось, что у нас все языки равноправны,

* Подробнее об истории социолингвистических исследований в СССР и России см.: Михальченко В. Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы филологии. М., 1999. № 1. С. 22–28.

что принципы равноправия языков в СССР осуществляются наиболее последовательно и полно, ведя к сближению, слиянию наций, что сегодня можно определить, как «ассимиляцию нации на базе русского языка». Действительно, мероприятия по «сближению наций» и языков проходили последовательно, а точнее регулярно, если судить по реформам в языковом образовании, каждые двадцать лет.

Языковеды национальных республик руководствовались, главным образом, трудами социалингвистов центральных школ, изучение взаимодействия языков проходило под эгидой исследований по сближению языков и роли русского языка в этом процессе как основного фактора их сближения, что отвечало требованиям, предъявляемым к таким работам в то время. Основное внимание в работах лингвистов национальных республик уделялось сравнительно-сопоставительным исследованиям, теории и практике преподавания русского языка в национальной аудитории. При этом бурятские лингвисты отмечали возрастающую роль русского языка в жизни бурят, массовость двуязычия в Бурятии и прогрессивное влияние двуязычия на бурятский язык. Активное усвоение бурятами русского языка объяснялось такой объективной причиной, как преимущество русского населения на всей территории этнографической Бурятии и широкое распространение высшего и среднего образования среди бурят. Сокращение функций языков объяснялось «желанием их носителей, отсутствием социальных потребностей» для их использования, «разумным распределением общественных функций, присущих литературным языкам»⁶⁹. В большинстве работ рисуется «картина» вполне разумного распределения между бурятским и русским языками сфер обслуживания общественной жизни бурят, считается, что «бурятский язык должен использоваться прежде всего как средство раскрытия и развития творческих способностей данной нации»⁷⁰, «расширять функциональную нагрузку языков малых народов Сибири в новой этнолингвистической ситуации нецелесообразно»⁷¹.

В 1978 г. Л. Д. Шагдаров писал, что нельзя пока делать вывод «об отмирании бурятского языка, об отсутствии у него иных общественных функций»⁷², еще 92 % бурят считали родным бурятский язык. В этнографической Бурятии в селах проживали 237 тыс. человек, в городах – 77. Бурятский язык полнокровно функционировал как язык сельскохозяйственного производства, художественной литературы,

искусства и периодической печати. Однако уже в 1984 г. указывает, что в условиях, когда «подавляющая масса национального населения является двуязычной, естественно (выделено нами), что некоторые общественные функции бурятского литературного языка постепенно переходят к языку межнационального общения»⁷³. Если в более ранних работах неиспользование бурятского языка в таких сферах, как наука, делопроизводство, преподавание, еще как-то оправдывалось, то в более поздних данный факт уже считается естественным и относительно спокойно говорится о сокращении изданий на бурятском языке, о переходе обучения на русский язык в бурятских школах. При этом не учитывался тот факт, что при относительно высоком проценте признавших родным бурятский язык количество, активно им владеющих, резко сократилось.

Наиболее последовательными и близкими к социолингвистике по постановке задач и исполнению являются исследования, проведенные А. А. Дарбсевой в рамках комплексного изучения национально-русского двуязычия, произведенного сотрудниками Института языкознания АН СССР в 1969–1973 гг. и изложенного в монографии «Развитие национально-русского двуязычия», а также А. Р. Бадмаевым, участвовавшим в организованном в 1967–1968 гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В. А. Аврорина социолингвистическом исследовании, целью которого было выявление особенностей языковой ситуации у коренных народов Сибири⁷⁵. Основная задача исследования, которое проводилось коллективом Института языкознания, — изучение состояния развития двуязычия с русским языком в функции второго языка. Основные выводы и рекомендации касались повышения качества владения русским языком.

Анкета, предложенная авторами, исследовавшими сибирские национальные языки, состоит только из социологической части, в нее не включены вопросы на знание языка, которые обычно имеют целью подтверждение отдельных пунктов социологической части вопросника, носящих субъективный характер. А. Р. Бадмаевым было опрошено более 3000 человек бурятского населения, начиная с 8-летнего возраста. Исследование должно было позволить, во-первых, сделать объективные выводы о целесообразности использования тех или иных языков в культурно-воспитательной и образовательной работе среди

населения национальных районов и, во-вторых, правильно определить перспективы дальнейшего развития и взаимодействия языков в национальных районах страны. Основной вывод проведенного исследования: в связи с интенсивным развитием бурятско-русского и отчасти русско-бурятского двуязычия языковая ситуация в Бурятии усложнилась. Как и другие исследователи, А. Р. Бадмаев констатировал, что процесс взаимодействия бурятского и русского языков проходит очень динамично, очевидна тенденция к увеличению группы бурятско-русских билингвов среди сельских бурят, роль русского языка в сельской местности возрастает, хотя, по его данным, родным признали бурятский язык 98,7 % респондентов. Очевидно, что данные исследования проводились давно, а языковая ситуация с тех пор претерпела существенные изменения. Кроме того, цели, поставленные исследователями того времени, несколько отличаются от тех, которые стоят теперь. Соответственно различается и методика. Поэтому результаты, полученные этими авторами, к сожалению, трудно использовать при сопоставлении особенностей языковой ситуации прошедшего и современного периода, хотя и интересно было бы это сделать, поскольку минуло более 30 лет, сменились поколения носителей языка.

Направление, тон и характер исследовательских работ, как и вся языковая политика, менялись в зависимости от политических установок руководства страны. Так называемый период «потепления» 50-х, 60–70-е гг. способствовали расцвету бурятской литературы, возврату в лексикон отдельных старобурятских, монгольских слов, реабилитации эпоса «Гэсэр». В эти годы были сделаны существенные шаги в области развития науки о языке, подготовлены и изданы учебные и академическая грамматики, словари, труды о бурятском литературном языке, бурятских диалектах. В середине 70-х гг. политическая установка снова сменилась. В данный период считалось, что естественный мировой лингвистический процесс идет по пути сокращения числа языков и преимущество социализма перед капитализмом в том, что эти ассимилятивные тенденции являются только одной стороной процесса взаимодействия языков. При капитализме языки малых этнических групп исчезают бесследно, а при социализме они сохраняются как носители и трансляторы традиционных элементов культуры, развития и поддержания национального самосознания на определен-

ном отрезке процесса интернационализации. При этом официально говорилось о дальнейшем их развитии и взаимообогащении, т. е. связывались довольно противоречивые процессы сближения языков и их дальнейшего развития.

В начале 80-х гг. ставилась задача четко регулировать процесс массового перехода на русский язык, задача поиска эффективных форм массового освоения русского языка. Утверждалось, что в процессе быстрого (в сжатые сроки) освоения опыта человечества малыми народностями с помощью русского языка их собственные языки были неспособны удовлетворить возросшие интеллектуальные и коммуникативные потребности, они не могли обслужить все сферы жизнедеятельности в равной мере⁷⁶. Именно в этот период – с 1976 по 1981 гг. – в большинстве автономных республик страны было отменено преподавание на родном (и родного языка) языке в национальных школах.

1.8. В начале 80-х гг. в справках о состоянии изучения бурятского языка в школах Бурятии впервые прозвучали сигналы бедствия: отмечалось ежегодное сокращение количества бурятских классов и учащихся, изучающих родной язык, их перевод на русский язык обучения: «2. О языке обучения. Во всех бурятских школах, начиная с 1-го класса, предметы изучаются на русском языке. Обучение учащихся-бурят на русском языке успешно осуществляется в Хоринской средней школе, в Атангинской и Амгалантинской начальных классах»⁷⁷. Кроме того, указывалось на отсутствие учебной и художественной литературы на родном языке, необходимость удовлетворения нужд бурятской школы. Школы республики с переходом на русский язык обучения перешли на учебный план русских школ. В едином учебном плане, утвержденном МП РСФСР, на родной язык и литературу отводилось 47 часов, в том числе в 4–10-х классах – 22 часа. Изучение в эти годы состояния преподавания родного и русского языков, регулярно проводимое сотрудниками Бурятского филиала НИИ национальных школ, показало, что культура как родной, так и русской речи учащихся многих бурятских школ находилась не на должном уровне⁷⁸. Показателем критического состояния бурятского языка был постоянно снижающийся тираж центральной газеты на бурятском языке «Бурят Уиэн».

Политика гласности середины 80-х гг. разрушила видимость гармонии национально-языковых отношений в СССР. В последующие годы в связи с обострением национальных и национально-языковых проблем, выходом республиканских законов о государственных языках в Бурятии прошла волна бурного обсуждения современного состояния бурятского языка. Одной из главных причин его плачевного состояния выдвигался факт перехода в середине 70-х гг. всей республики на русский язык обучения с 1-го класса. «Наряду с названными крайними мерами по смене алфавита отрицательное для развития бурятского языка и культуры значение имело решение 1976 г. о прекращении обучения на родном языке во всех школах. Эта мера была принята по прямому указанию первого секретаря Бурятского обкома КПСС и была распространена на начальное обучение в школах даже тех населенных пунктов, где проживают только буряты, дети которых, естественно, не знали никакого другого языка, кроме родного. На этот чрезвычайно важный акт не оказалось никакого официального решения – ни постановления правительства, ни решения партийных органов»⁷⁹. В результате отмены преподавания на бурятском языке и обучения бурятскому языку, как отмечалось большинством оппонентов, целое поколение молодых бурят не владеет письменной формой языка, не знает бурятской литературы. Меньшим спросом стала пользоваться литература на бурятском языке, значительными оказались потери учителей-бурятоведов, хотя некоторые энтузиасты на местах, вопреки указаниям сверху, продолжали вести преподавание в младших классах на бурятском языке.

Отдельные ошибки командно-административной системы, допущенные в системе образования, были исправлены в начале перестройки. В 1986 г. было принято постановление Бурятского ОК КПСС «О дальнейшем улучшении преподавания родного (бурятского) языка в общеобразовательных школах республики». С этого времени восстановлено обучение на бурятском языке в начальных классах бурятских школ, во всех бурятских детских садах занятия стали проводиться на бурятском языке. Впервые преподавание бурятского языка началось в городских школах. Так, в 1987/1988 учебном году бурятский язык изучался в 35 школах г. Улан-Удэ и 34 русских школах районов республики. В основном, он преподавался факультативно, его изучали дети-буряты. В 1991–1992 гг. он изучался уже в 108 русских школах, что составляет около 20 % всех школ.

Реакцией на эти события было принятие в 1992 г. закона «О языках народов Республики Бурятия». Безусловно, принятие закона было, с одной стороны, следствием невозможности найти иной путь для сохранения бурятского языка. С другой, этому способствовала цепная реакция принятия законов сначала в союзных республиках, а затем и в автономных.

Демократизация общественно-политической жизни республики создала благоприятные условия для национального и соответственно языкового возрождения. Активизировались культурная жизнь, государственные органы образования, науки, творческая и культурная интеллигенция. Однако этот процесс сталкивается со значительными трудностями разного плана, и пока социальное пространство функционирования бурятского языка не расширяется, оно все еще незначительно, среда общения и информационное поле русского языка намного шире. Процесс потери языка зашел так далеко, что многие буряты пока не видят социальных причин и перспектив обучения детей родному языку.

1.9. В своем развитии бурятский язык претерпел наибольшие изменения в XX в. Для советской науки и лингвистики, в частности, было традиционным проведение периодизаций, в том числе и в развитии того или иного языка. Как показывает данный обзор, периодизацию развития бурятского языка можно провести относительно разных факторов: общественно-исторических, политических, социальных, внутриязыковых, образовательных.

А. А. Дарбеева⁸⁰ историю бурятского языка делит на два периода: дореволюционный и советский, которые характеризуют коренные изменения социальных функций письменного языка, обусловленные сменой общественных формаций. В дореволюционный период (XVII в. – начало XX в.) письменный язык обладал минимальными социальными функциями. В советский период, по мнению автора, его социальные функции максимально расширились, в связи с переводом на собственную бурятскую диалектную основу произошли изменения на всех уровнях языка.

Наиболее известной является периодизация Л. Д. Шагдарова, который делил современную советскую историю развития бурятского литературного языка на два периода: с 1917 г. до конца Великой Отечественной войны, когда «основная масса местного населения была

однойязычной. В этот период его общественные функции были максимально широкими. Именно в этот период бурятский язык сыграл основную роль в просвещении отсталого в прошлом бурятского народа»⁸¹. Второй период – с 1946 г. до настоящего времени, когда среди бурят развивается массовое двуязычие, создается новая языковая ситуация. Однако в другой своей работе⁸² он приводит четырехэтапную периодизацию В. И. Затеева, с которым он, видимо, солидарен: 1-й этап (20-е гг.) – первоначальный этап формирования национального литературного языка; 2-й этап (30-е гг.) – ориентация литературного языка на народно-разговорную основу; на 3-м этапе (40–50-е гг.) наблюдается развитие литературного языка после перехода на русскую графику в условиях массового распространения бурятско-русского двуязычия. Можно добавить, что в этот период расширяются функции русского языка, сокращаются функции бурятского. На 4-м этапе (60–80-е гг.) завершается формирование бурятского литературного языка, наблюдается его стабилизация. На этом этапе происходит особая активизация бурятско-русского двуязычия, начинается распространение двуязычия в сельских районах, увеличивается число бурят, признающих родным русский язык.

Если же анализировать внутриязыковые процессы, то, вероятнее всего, было бы выделение периодов, связанных со сменами письменностей, установлением базовых нормативных основ литературного языка. Так, И. Д. Бураев и Л. Д. Шагдаров⁸³ выделяют три периода в истории бурятского литературного языка: 1) начальный (20-е гг.), 2) этап ориентации на собственную диалектную основу и новые алфавиты (30–40-е гг.), 3) завершение формирования литературного языка (50–80-е гг.). В сборнике «Гуманитарные исследования в Бурятии» Л. Д. Шагдаров⁸⁴ послеоктябрьский период делит на два периода: 1) старописьменный монгольский язык и ориентация литературного языка сначала на халха-монгольский язык, затем – на селенгинскую диалектную основу (1918–1936 гг.); 2) развитие лексики литературного языка на собственно бурятской, хоринской диалектной основе в период латинизированного письма и после перевода письменности на русскую графическую основу (с 1936 г. по настоящее время).

Допуская в целом возможность такого типа языковой периодизации, хотелось бы отметить основные общественно-исторические события XX в., оказавшие влияние на языковое развитие: Октябрьская

революция, ленинизм, сталинизм, перестройка и период коренного общественного переустройства 90-х гг., реформы, которые были осуществлены в русле этих событий.

По нашему мнению, очевидно, во-первых, выделение типов естественной и искусственной языковой эволюции. Если первый тип характеризуется временной длительностью и, в основном, безучастностью общества в его развитии, то для второго типа характерно то, что на развитие языка оказывается сознательное влияние социума, государства, конкретных носителей языка. И соответственно он более динамичен. Во-вторых, достаточно очевидной является периодизация относительно активного и пассивного развития языка, а точнее его упадка. Так, наиболее интенсивное функциональное развитие бурятский язык получил в 20-е – начале 30-х гг., когда социальная потребность вызвала его активное совершенствование, усиление нормализационных процессов, создание учебников, словарей, расширение общественных функций в новых областях деятельности (делопроизводство, литература, печать, образование), усилилась стилистическая и жанровая дифференциация языка. С тех пор до 80–90-х гг. историю его развития можно охарактеризовать как чересполосную, но в целом как период постепенной потери языка, его отступления по всем фронтам социальной жизни, утраты сфер функционирования, роста числа билингвов.

* * *

Результатом существования в составе единого федеративного государства обусловлены общие черты в истории развития большинства малых языков России в советский период. В 20–30-е гг. происходила национальная и территориальная консолидация населения многих национальных республик. В эти годы в ходе национально-государственного строительства были созданы условия для развития языков. Для многих из них была разработана письменность, шла повсеместная ликвидация неграмотности, началось формирование литературных языков, создавались учебники, словари, начали развиваться языки средств массовой информации, периодики, открывались первые национальные вузы, учреждения культуры, активизировалось научное исследование многих малых языков. Бурное развитие языков шло во многом за счет русского языка, из него заимствовались слова, синтаксические модели, изменялся порядок слов. Как отмечают сей-

час историки, этнографы, социологи, данный период, как и настоящий период демократических изменений, характеризуется отсутствием четких политических целей, какой-либо научной проработки вопросов национально-государственного строительства⁸⁵. Для 30-х гг. были характерны нуристические тенденции, сторонники которых затем были объявлены националистами, сепаратистами, из языков стали изгоняться нововведенные неологизмы, монголизмы, арабизмы. С этого периода начинается постепенный упадок национальных языков, сокращаются функции, падает престиж, в жизни общества и языков существенную роль начинает играть идеологический фактор. В 50-е гг. повсеместно были проведены серии языковых конференций, которые стимулировали в 60-х гг. развитие языков, появление высокохудожественных произведений. Однако в 70-е гг. во многих национальных школах было отменено преподавание родного языка, что во многом ухудшило положение, еще больше сузило сферы функционального применения малых языков. Лишь в середине 80-х, когда стало очевидным плачевное состояние многих из них, когда стали вспыхивать национально-языковые конфликты, на малые языки снова обратили внимание.

Безусловно, что в разных языках возможны небольшие отклонения в периодизации и степень девальвации языков была разной, но в целом ускоренная и целенаправленная интернационализация, индустриализация, урбанизация, унификация культуры плюс факторы объективного общественно-исторического развития способствовали утрате национальной культуры многими народами, ассимиляции их языков, распространению национально-русского двуязычия. Причем двуязычие и многоязычие распространились среди малочисленных народностей и функционируют в сферах обслуживания, сельского хозяйства, бытового общения. Как отмечается большинством авторов, процесс сближения языков должен быть постепенным, регулярным и плавным. Интенсификация же языковых процессов в сторону ассимиляции малых и искусственное расширение сфер применения русского языка в советский период вызвали естественную обратную реакцию, наблюдавшуюся в начале 90-х гг., когда практически все этносы в лице политических, общественных и культурных деятелей выразили обеспокоенность языковым состоянием вплоть до языковых обострений и конфликтов. Примеров того, как игнорирование языковых про-

тиворечий приводило и приводит к внутреннему недовольству, его накоплению и дальнейшему перерастанию в сложные конфликтные антагонистические ситуации вплоть до гражданских войн, к сожалению, сегодня достаточно, это и Нагорный Карабах, Приднестровье, Прибалтика, Южная Осетия, Корсика, другие регионы России и мира.

Отмечая двойственную социально-противоречивую природу советского государства, которая имела своим последствием разросшуюся насильственную ассимиляцию, разрушение национальных языков, можно, в основном, согласиться с Т. М. Михайловым⁸⁶, который пишет, что в советский период произошли противоречивые процессы: с одной стороны, дальнейшая консолидация, невиданное развитие культуры, сознания, ментальности, а с другой – начался процесс деэтнизации, ассимиляции и аккультурации. Объективное общественно-историческое развитие было усилено в СССР политико-идеологическими методами. Кроме того, очень важными моментами были динамика, скорость социальных, а отсюда – и языковых изменений. Как подчеркивал Л. В. Щерба, «ускорение изменений, происходящих в ходе истории языка, всегда связано каким-либо образом с ослаблением социальных связей»⁸⁷. Об ускоренном движении пишет также К. М. Герасимова, считая, что буряты от сосуществования с русскими получили существенное ускоренное общественное, политическое и культурное развитие, за короткий срок прошли большой путь, ускорилась этническая и социально-политическая консолидация разрозненных родовых групп бурят и выходцев из Монголии. Однако это «привело к деформации поступательного движения развития»⁸⁸, видимо, не только в обществе, но и в языке. Несмотря на все эти активные глобальные социальные изменения: индустриализацию, урбанизацию, интернационализацию с сопутствующими ассимиляционными процессами на рубеже 80–90-х гг. – периоде коренной общественной ломки России – бурятский этнос, согласно Т. М. Михайлову, сохранил все факторы этнической идентификации: территорию, язык, формы хозяйства, традиционную культуру, символику, религию, в настоящее время находится в фазе пассионарного подъема.

Данный обзор показывает, что наше время чем-то напоминает далекие 20-е, послереволюционные годы, когда многие вопросы общественной жизни решались резко, бесповоротно отменялось, уничтожалось все, что было достигнуто и нажито в прошлом. Остро встала

национальная проблема, одним из основных составляющих которой является языковой вопрос. Все как бы вернулось на круги своя, но уже при других социолингвистических составляющих. Как и восемьдесят лет назад, у малых народов присутствует страх перед ассимилятивными процессами, а решение проблемы видится в возрождении национальных культур. Можно констатировать, что острота некоторых вопросов и проблем не усилилась, а еще более увеличилась. Особенно это касается состояния малых языков, поскольку процесс демократических преобразований, начавшийся с периода перестройки и имевший своим итогом в области языковой политики принятие серии законов о государственных языках, пока ни к чему не привел. В отличие от периода 20–30-х гг. прошлого века сегодня решать национальные, в том числе национально-языковые проблемы, необходимо, тщательно все продумав и взвесив. И с этой позиции можно только приветствовать наблюдаемую в мире тенденцию к сохранению культуры и языков каждого этноса в их неповторимом виде.

§ 2. БУРЯТЫ, БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА, ФАКТОРЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Изучение состояния любого языка предполагает знание не только истории его развития, анализа сфер функционирования, уровня языковой компетенции носителей, но и влияния на это развитие множества разнообразных факторов, определяющих данное развитие. Особенностью этого раздела работы является попытка не только показать традиционно рассматриваемые в подобных исследованиях внешние и внутрilingвистические факторы, но и выявить степень их влияния на языковую ситуацию в республике, состояние бурятского языка сегодня.

2.1. Бурятский язык входит в группу монгольских языков, и в настоящее время бурятский языковой ландшафт можно охарактеризовать наличием достаточно развитого литературного бурятского языка, в основе которого лежат диалект хоринских бурят, старомонгольский язык, бурятский фольклор, а также ряда диалектов и говоров, которые, в основном, функционируют в бытовой сфере, и разговорного языка, занимающего промежуточное положение между бурятским литературным языком, диалектами и русским языком. Несмотря на наличие достаточно большого числа вопросов и проблем бурятского

языкознания, можно утверждать, что уровень нормированности литературного бурятского языка относительно высок: последний свод правил орфографии утвержден в 1961 г., в 1962 г. издана академическая грамматика бурятского языка, имеются переводные и орфографический словари, а также разнообразные учебные пособия и грамматики. Все эти меры, а также развитие науки о языке способствовали стандартизации бурятского языка⁸⁹. Для литературного бурятского языка характерно стилистическое многообразие, обычно в нем выделяются художественно-литературный, общественно-публицистический, учебно-педагогический, литературно-разговорный стили, ему свойственно наличие лексико-орфоэпических иорм.

Особенностью современной национально-языковой ситуации в республике является то, что впервые в истории бурятского народа бурятский язык приобрел юридический статус. Основными государственными документами по юридическому статусу бурятского языка являются Конституция Республики Бурятия (статья 67), принятая 22 февраля 1994 г., и закон «О языках народов Республики Бурятия» (статья 1), принятый 10 июня 1992 г., согласно которым русский и бурятский языки были признаны государственными языками. Основная масса носителей бурятского языка проживает в Российской Федерации.

2.2. По данным переписи населения 1989 г., всего в СССР проживали 421380⁹⁰ бурят, в том числе в РФ – 417425. В 1979 г. – около 353 тыс. человек. Основная масса проживает на территориях трех административных подразделений Восточной Сибири: в Республике Бурятия, Агинском и Усть-Ордынском национальных округах. Всего бурят здесь насчитывается 341185 человек, что составляет одну четвертую часть населения этих территорий. В Республике Бурятия – 249525 (59,2 %), в Иркутской области – 77330 (18,4 %), из них в Усть-Ордынском округе – 49298 (11,7 %) (36,3 % всего населения округа), в Читинской области – 66625 (15,8 %), из них в Агинском округе – 42362 (11,1 %) человека. Остальные проживали в Якутии, Магадане, Москве, Красноярском крае, Казахстане. Всего за пределами РБ оказалось 40,2 % бурят. Ни в одном административном подразделении, кроме Агинского округа (54,9 %), буряты не составляют большинства населения. За рубежом они компактно проживают в Монголии (около 60 тыс. человек) и Китае (около 6000 человек).

На 1 января 1992 г., в РБ насчитывалось 1059400 человек, представителей 112 национальностей, в том числе 726200 русских, 249500 бурят, 22900 украинцев, 10500 татар, 1800 эвенков. В 2000 г. соотношение русского и бурятского населения составляло 60,8 % и 32,5 %. Согласно Концепции государственной национальной политики РБ, коренными народами республики являются русские, буряты и эвенки. В республике существуют различные национальные объединения: Конгресс бурятского народа, ВАРК, «Русская община», этнокультурный центр русских, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Бурятии, национально-культурные центры (армянский, азербайджанский, еврейский, немецкий, польский, корейский, татарский, эвенкийский и др.), землячества районов и округов Бурятии.

В городах и поселках городского типа проживали 640 тыс. человек, в том числе 111069 бурят (17,3 % городского населения), в сельской местности – 398 тыс., в том числе бурят – 138456 (34,8 % сельского населения). В Республике Бурятия – 21 район, 6 городов, 29 поселков городского типа⁹¹. Столица республики – г. Улан-Удэ, из 367500 жителей столицы 78700 – буряты. По данным статистического сборника, в 1994 г. родным из них признали бурятский язык 78,3 %, русский – 21,7 %. В г. Гусиноозерске из 30300 тыс. жителей 4100 – буряты, из них 83,2 % родным признали бурятский язык. В г. Северобайкальске бурят еще меньше: из 30 тыс. – 1600 человек. Соответственно меньше процент признавших родным бурятский язык – 71,4 %. Доля бурятского городского населения постоянно растет: в 1970 г. она составляла 23 %, в 1979 г. – 36, а в 1989 г. – 45 %; в г. Улан-Удэ: 18, 24 и 32 %. Прирост городского населения идет за счет миграции сельских жителей республики и национальных округов, что существенно сказывается на языковом соотношении, языковой компетенции, образовательном и культурном уровне. По последним данным, за последние 10 лет население г. Улан-Удэ выросло на 50 тыс. человек.

По переписи 1989 г., в РБ было всего 6 районов из 21, в которых преобладало бурятское население: Еравнинский (50,4 % – буряты), Закаменский (57,3 %), Кижингинский (56,2 %), Курумканский (63,9 %), Окинский (90,7 %), Тункинский (61,4 %). Относительно высокий процент бурят в Селенгинском (49,3 %) и Джидинском районах (42,3 %). В последнее время отмечается этнотерриториальное размежевание сельского населения республики: появились чисто бурятские

и чисто русские села, что является одной из характерных черт социально-экономического кризиса. Доля бурятского населения в Бурятии, по данным переписей, представлена в табл. 1⁹².

Табл. 1. Доля бурятского населения в Бурятии

Показатель	1926 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.
Абсолютное число, тыс. чел.,	130,2	135,8	208,8	249,5
%	33,4	20,2	22,9	24,7
Доля русского населения, %	61,2	74,7	72,0	69,9

Темп прироста населения в последние годы снизился в два раза и составляет 11,3 человека на 1000 населения в 1998 г. Значительно сократилось количество детей до 6 лет, на 61 тыс. человек. Средняя продолжительность жизни мужчин составляет 56,3 года, женщин – 70 лет в городе и 79 – в селе, в том числе у мужчин-бурят она уменьшилась на 5, а у женщин – на 1,7 года. Постоянно увеличивается число межнациональных браков. В 1986 г. в СССР было зарегистрировано 6900 смешанных браков, каждая шестая семья была межнациональная. Причем, как считает О. В. Бураева, доля смешанных браков в XVIII и XX вв. стабильно составляла 10–12 %, хотя в абсолютном числе она, естественно, увеличилась. В Бурятии в 1970 г. было зарегистрировано 15097, а в 1979 – 19804 смешанных браков. Ожидается, что по новой переписи населения их доля увеличится до 25 %. Длительное совместное проживание бурят и русских, активное взаимодействие в процессе хозяйственной деятельности, обмена товарами, культурными ценностями привели к образованию значительного слоя населения метисов, карымов. Как показывают опросы⁹³, около 50 % населения республики положительно ответили на вопрос о наличии родственных связей с представителями других национальностей.

«К началу 1990 г. общая конфигурация социальной структуры бурятской нации была следующей: рабочий класс – 49,4 %, слой интеллигенции и служащих – 41,9 %, колхозное крестьянство – 8,7 %. Численность бурят-рабочих достигла порядка 65 тыс. человек, в том числе в промышленных отраслях – свыше 17 тыс. человек, в сельском хозяйстве – свыше 30 тыс. человек, в сферах обслуживания – около 18 тыс. человек. Удельный вес городского населения достиг 44,5 %, занятые умственным трудом – 39 %... В рассматриваемый период

среди бурятского населения республики на каждые 1000 человек в возрасте 15 лет и старше 215 человек имели высшее образование, 161 человек – среднее техническое и 304 человека – общее среднее образование»⁹⁴. В настоящее время, как и во всей социальной системе России, произошли сильные изменения. Данных о современной социальной структуре пока не имеется, однако, если судить по социологическому опросу 1999 г., довольно существенную группу населения составляют так называемые предприниматели и лица без определенного рода занятий. Что касается образования, то «буряты, занимавшие по уровню образования первое место в стране, отошли на 5-е–6-е»⁹⁵.

2.3. Решение проблем любого национального языка тесно связано с вопросами развития национальной культуры: литературы, искусства, издательского дела, средств массовой информации, народного творчества, школьного и вузовского образования, системы обрядов и традиций, поскольку язык является составной (и довольно существенной) частью этнической культуры, одним из основных признаков этноса. Точнее, именно язык является духовной основой, сутью культуры любого этноса. Любая культура существует только на определенном языке, и смерть языка означает, что исчезнут литература, фольклор, песни, драматическое искусство, тексты, включая религиозные, ибо, как считает Р. М. Фрумкина, «все языки адекватно обслуживают свою культуру. ...Перерыв культурно-бытовой традиции погружает личность в полукультуру, а ее носителей в полужычие. Слом какой-нибудь традиции порождает ценностный конфликт. ...Полужычие порождается полукультурой»⁹⁶. «Способность языка удовлетворять коммуникативные и культурные потребности всей этнической общности на каждом этапе ее развития объясняет его восприятие каждым членом этноса, независимо от сословно-классовой принадлежности, как присущего ему по природе общего достояния»⁹⁷.

Культура бурятского народа, как и любая национальная культура, уникальна, в ней отражена многовековая история народа. Особенно бурятской культуры считаются богатейшее устное народное творчество, традиции и обычаи, высоконравственные этические нормы, которые складывались веками и в которых нашли отражение вековой уклад народа, его духовное развитие, неповторимое декоратив-

но-прикладное искусство, живопись, песни. В частности, одним из показателей культурного развития бурят является тот факт, что он один из немногих народов России имеет свой эпос «Гэсэр».

Особенностью становления бурятского народа, его культуры и языка были его способность, умение не обособляться, а вступать в активные контакты с этносами сопредельных территорий. На его развитие оказали влияние и буддийская, и христианская традиции. Последнее столетие, предоставившее бурятскому народу возможность большого культурного и социального рывка, привело к отрыву от своих восточных корней. Насаждение западной культуры, по мнению Т. М. Михайлова⁹⁸, через посредство русской привело к утрате многих элементов национальной культуры и языка, к бездуховности. Несмотря на эти и многие другие отрицательные факторы, культура бурят развивается, она не утратила способности создавать духовные ценности. Однако, по мнению Ю. Б. Рандалова⁹⁹, процесс утраты национальных духовных ценностей опережает процесс восстановления и их развития.

Положение на границе двух культур и языков (монгольского и русского) обусловило наличие значительного числа элементов, иногда и реликтов, обоих языков в бурятском языке. Монголизмы наиболее характерны для языка медицины, культуры, религии. Русскими заимствованиями изобилуют такие классы слов, как административная и научная терминология, торговая номенклатура, обращения, предметы быта и др.

2.4. Одним из наиболее универсальных видов духовной культуры, участвующих в формировании национального самосознания, важнейшим компонентом неформального общения и мощнейшим стимулом поддержки языковой традиции является литература. Литература наряду с профессиональным искусством считается ядром национальной культуры, она наиболее доступна широким массам в силу содержательных возможностей и простоты распространения. Если раньше отсутствие письменности, неграмотность «заставляли» народ сохранять язык, свое культурное достояние в виде преданий, различных форм устного народного творчества, то с письменной фиксацией это свойство было ослаблено. Еще более оно ослабляется в условиях культурной интерференции, взаимопроникновения культур, а ныне – в условиях активной компьютеризации, освоения Интернета. К сожа-

лению, негативные тенденции имеет и сегодняшняя демократия; одно из них – уменьшение ассигнований на финансирование объектов культуры, а состояние культуры и художественной литературы является объективным отражением реальной языковой ситуации и языковой политики, проводимой государством.

Для бурятской литературы все это вылилось в жесточайший кризис, наблюдаемый в настоящее время. Об этом, в частности, можно судить по количеству изданий: в 90-е гг. наблюдался резкий спад литературного процесса. В этот период было издано 5 романов. В 1995 г. Бурятским книжным издательством было выпущено 7 книг и брошюр на бурятском языке. В 1998–1999 гг. Бурятским книжным издательством издано 8 книг (все на русском языке), в 2000 г. – 20, из которых только 2 на бурятском языке и одна – на эвенкийском и русском языках. Опубликованный роман «Тоонто нютаг» тиражом 1000 экз. реализуется с большим трудом. Совершенно не издаются детские книжки. Всего за последние 10 лет вышло в свет 3011 книг, из них на бурятском языке – 148 (5 %).

Причина видится не только в увеличении цен, диктате издательств, общем экономическом спаде, главное – отсутствие пишущих на бурятском языке писателей, сложная языковая и личностная трансформация, которая длится уже не одно десятилетие. Как нам кажется, сейчас в период нестабильности и духовного вакуума, когда можно констатировать тенденцию или стремление к росту образовательного и культурного уровня, увеличению слоя национальной интеллигенции, бурятский народ наиболее остро нуждается в исторических сочинениях, исторической беллетристике. Исследования показывают, что книги по истории своего народа являются наиболее популярными среди читателей. Это своего рода противовес против манкуртизации. Издание подобного рода литературы сыграло бы значительную роль в духовном подъеме народа, хотя, безусловно, необходимы увеличение и свободная продажа учебной, справочной, художественной литературы. О недостатке художественной, детской,

* По архивным данным с 1970 по 1974 гг., на бурятском языке было издано 655 наименований, в том числе 100 – партийно-идеологическая, 68 – художественная проза, 69 – поэзия, 135 – детская литература, 65 – учебные пособия, 40 – научно-популярная, краеведческая. Переводилась вся идеологическая литература, художественная классическая литература.

учебной литературы говорят и пишут многие исследователи. Возможным выходом было бы переиздание отдельных художественных произведений прошлых лет, хотя издательский вопрос необходимо решать кардинально.

2.5. Средства массовой информации, особенно радио и телевидение, охватывающие сегодня практически все население мира, имеют огромное влияние, воздействуя на образ жизни людей, общества. Особенно оно ощутимо в речевом и языковом поведении и очень важно для национальных меньшинств: помимо того, что СМИ должны способствовать сохранению и развитию языков и культур, они являются эффективным средством обучения языкам, привлечения к изучению и употреблению языков национальных меньшинств, способствовать развитию билингвизма.

Проведенное в конце 80-х гг. обследование показало, что информационное обслуживание на бурятском языке очень незначительно, лишь около 20 % бурятского населения регулярно слушали радио, смотрели телепередачи, читали периодику на бурятском языке. В результате анализа данных 1998 г. по селам Бурятии было отмечено, что ситуация резко изменилась. Практически всю внешнюю информацию люди получают по каналам телевидения, в каждом доме целый день работают телевизоры, т. е. вся информация воспринимается в селах на русском языке. Газеты и журналы почти никто не выписывает. Вторая программа ТВ, по которой передачи на бурятском языке идут в среднем 1 час в сутки, причем только в рабочие дни, принимается лишь в 14 районах РБ. При опросе многие отмечали необходимость включения второго канала, а еще лучше – создание отдельного бурятского канала. Многие годы бурятская общественность, работники радио ставят вопрос об увеличении объема времени передач на бурятском языке. В 1999 г. доля вещания на бурятском языке на местном телевидении составляла 1/4 часть, местного радио – 1/3 и 1/18 общего государственного вещания. Однако в общей массе центрального и местного вещания она составляет примерно 1 %, что не соответствует доле бурятской теле- и радиоаудитории.

Пресса в настоящее время представляет собой смешанные русско-бурятские издания. Кроме республиканской газеты «Бурят Унэн», выходит шесть районных газет, в том числе «Ажалай туг» (Закаменск), «Мундарга» (Тункинский район), «Ярууна» (Еравнинский

район) и «Хэжэигэ» (Кижингинский район)*. В 2000 г. вышел в свет первый номер газеты «Эблэл» (Ассоциация), учредителем которой явились Правительство и Народный Хурал РБ. Ее выпуск стал важным шагом реализации программы единого информационного пространства между тремя субъектами РФ: Агинским и Усть-Ордынским округами и РБ. Газета является еженедельным приложением к газете «Бурят Унэн», печатается на двух языках, как и другое приложение «Спорт-тамир». Выпуск газет на двух языках, как считают издатели, увеличил их тираж, хотя ясно, что этот шаг сделан не от хорошей жизни. Не выявлено насколько данный акт способствовал развитию языка средств массовой информации, а ведь именно через СМИ происходят не только информационное обеспечение и формирование общественного мнения, но и каждодневное культивирование, закрепление основных форм существования языка как средства коммуникации.

2.6. Из трех основных сфер использования бурятского литературного языка, регламентируемых государством и поддающихся законодательному регулированию (народное образование, духовная культура, массовая коммуникация), только в одной – народном образовании – более или менее планомерно ведется работа по внедрению закона «О языках народов Республики Бурятия».

Министерством образования РБ была разработана и в 1996 г. принята Концепция национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов. Суть национально-регионального компонента образования – комплексный характер на основе билингвизма при многообразии организационных форм: школ, гимназий, лицеев с углубленным изучением бурятского литературного языка, старомонгольской письменности, различных восточных и европейских языков, разнообразных эко-, этно-, социо-, педагогических комплексов; со ставкой на расширение международного сотрудничества, эффективное развитие системы иноязычного образования, уси-

* В 1994 г. издавались одна республиканская газета на бурятском языке «Бурят Унэн» тиражом 4320 экз. (в 1970 – 6600 экз.), 6 районных: «Толон» (Агинский округ, 1000 экз.), «Усть-Ордын Унэн» (100 экз.), «Хэжэигэ» (100 экз.), «Ажалай туг» (Закамна, 80 экз.), «Мундарга» (Кырен, 200 экз.), «Бурин Хаан» (Петропавловка, 200 экз.); журналы «Байгал» тиражом 1400 экз. и «Хараасгай» (1570 экз.).

ление лингвострановедческих, информативных научных основ при изучении иноязычной культуры.

Как результат процесса повышения эффективности образования среди бурятского и русского населения изменились ориентации на типы школ с различным языком обучения, вырос показатель предпочтения национальных школ: около 60 % русских и бурят хотели бы, чтобы их дети обучались в русскоязычной школе с изучением бурятского языка¹⁰⁰. В то же время лишь 13,9 % бурят ответили, что хотели бы, чтобы их дети получили полное образование в бурятской школе с изучением русского языка. Среди русских положительно на данный вопрос ответили 2,2 % опрошенных.

Изменения были внесены на всех ступенях национального образования, обновлены программы обучения в дошкольных и школьных учреждениях, средних школах, касающиеся обучения бурятскому языку. Появились бурятская школа-интернат, бурятский лицей, аграрный национальный колледж, национальные гимназии, лицей для одаренных детей. Наряду с ними, в республике функционируют классическая русская гимназия, турецкий лицей. Изучение бурятского языка вводится во многих обычных школах, в ПТУ в виде кружков, курсов, факультативов.

В настоящее время в республике 164 национальные бурятские школы (25 тыс. учащихся), в 15 школах преподается старомонгольская письменность¹⁰¹, в 104 общеобразовательных учреждениях из 400 изучается бурятский язык, из них в 46 школах г. Улан-Удэ (около 4500 учащихся). Создается впечатление, что процент школ с преподаванием бурятского языка соответствует проценту бурятского населения республики.

В 10 школах преподается эвенкийский язык. Данных о преподавании других национальных языков (кроме иностранных: английского, немецкого, французского) не имеется, хотя известно, что в Бурятии проживают достаточно крупные диаспоры украинцев, немцев, евреев, китайцев, армян и представители других народов, которые, вероятно, тоже хотели бы обучать детей в школе родному языку.

Бурятский язык преподается в 1–3-х классах, а иногда факультативно до 7–8-го класса, но всего по 2 часа в неделю и по программе бурятский язык как иностранный. Обучение национальному языку в республике ведется по трем учебным планам. Наиболее благоприят-

ными и перспективными для бурятского литературного языка являются первый и второй планы, когда основная масса уроков в начальных классах ведется на бурятском языке. При переходе же в средних и старших классах на русский язык обучения сохраняются 5–6 часов учебного плана на бурятский язык и литературу. Таким образом, основными носителями бурятского литературного языка в будущем будут именно учащиеся сельских национальных школ, обучающиеся по первому и второму плану обучения. Это более 7300 учащихся на 2000/2001 учебный год.

Для усиления национально-регионального компонента в образовании республики в школах введены предметы, спецкурсы, факультативы «История Бурятии», «География Бурятии», «Этнография», «История мировых религий». Вышел ряд пособий и учебников бурятского языка для школ с русским языком обучения. Бурятский язык преподается в ряде средних специальных учреждений, в том числе в Улан-Удэнском педколледже для учащихся – будущих учителей национальных школ и в педучилище № 2 – для будущих воспитателей детских национальных садов. Произошли некоторые изменения в сфере высшего образования: в 1991 г. в Бурятском государственном университете был открыт специальный факультет бурятской филологии, позднее – отделение журналистики. Кроме бурятского факультета, язык изучается на национальном отделении факультета начального обучения БГУ, где готовят учителей начальных классов. С 1996 г. на факультете экономики и управления все студенты обучаются бурятскому языку. В Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств бурятский язык преподается на четырех факультетах. Кафедра бурятского языка имеется в Иркутском государственном университете.

Обучение бурятскому языку было восстановлено в бурятских национальных округах. Особенно это было важно для Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области, где преподавание родного языка было отменено раньше, чем в республике. В Аларском районе округа только в одной школе велся бурятский язык, на острове Ольхон – ни в одной. С 1990 г. во всех детских садах округа было введено обучение родному языку. Число знающих бурятский язык в садах резко выросло с 5 % в 1990 г. до 55 % в 1997 г. Школы округа работают по трем вариантам программы обучения бурятскому

языку, готовятся и издаются словари, пособия на бурятских диалектах округа¹⁰². На заседании Ассоциации парламентов Агинского автономного бурятского округа, Республики Бурятия и Усть-Ордынского автономного бурятского округа в конце 1999 г. было отмечено, что в Бурятии и Агинском округе родному языку обучаются 70 и 80 % детей соответственно, а в Усть-Орде только более половины детей имеют возможность изучать бурятский язык. Во многих школах, где контингент детей-бурят составляет 40 и более процентов, он не изучается. На заседании было принято решение о разработке общей для всех трех субъектов Российской Федерации программы по возрождению и развитию национальной системы образования. Как отметил А. Н. Болдырев на ежегодном семинаре «Этносоциальные процессы в Сибири» (Улан-Удэ, 2001), в настоящее время на базе Обусинской экспериментальной площадки создается модель бурятской школы на основе западного диалекта. В 2000 г. был принят закон «О языках Усть-Ордынского бурятского национального округа». В школах округа изучают украинский, татарский, польский языки.

Несмотря на эти изменения, проблемными остаются вопросы неполного охвата обучением детей бурятской национальности, сокращения объема преподавания бурятского языка, научно-методического и кадрового обеспечения высшей и средней школы, качества преподавания бурятского языка в школах, языкового нигилизма отдельных учащихся и их родителей.

2.7. Что касается области театрального и киноискусства, то можно отметить наиболее сильный и авторитетный коллектив Бурятского академического театра драмы, который формирует и поддерживает высокий уровень устного сценического искусства Бурятии благодаря высокой квалификации актеров и достаточно богатой, разнообразной драматургической литературе на бурятском языке. Производства кинофильмов на бурятском языке нет и не существовало. В последние годы наблюдаются попытки возрождения различных самодетельных коллективов, выступающих на бурятском языке, но из-за общего экономического кризиса, особенно сказавшегося на культуре, их немного. Как показывают все опросы, среди населения очень популярно бурятское песенное искусство. Данный фактор можно было бы использовать для популяризации бурятского языка.

2.8. Доминирующим в социально-коммуникативной системе, особенно в официальной, является русский язык, который обслуживает весь спектр общественных сфер. В республиканских органах законодательной и исполнительной власти бурятский язык фактически не используется, хотя при Правительстве РБ в 1998 г. была создана государственная служба языкового перевода правительственных документов, состоящая из 4-х человек, в функции которой входит перевод законодательных документов РБ. Все законы, постановления и указы пишутся и принимаются на русском языке. Более того, органы государственного управления оказались пассивными в вопросе реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», до сих пор отсутствует научно проработанная концепция о внедрении закона, не создана структура, отвечающая за его исполнение. Лишь отдельные законы Народного Хурала (Парламента) РБ и некоторые указы в переводе на бурятский язык дублируются в газете «Бурят Унэн». Вся документация, делопроизводство, официальная переписка даже с районными администрациями, в которых преобладает бурятское население, ведутся на русском языке. Это подтверждается и результатами обследования: в сельской местности все чаще на производстве используется русский язык. Руководство республикой ведется на русском языке. Только отдельные руководители бурятской национальности могут беседовать с собеседниками-бурятами на бурятском языке. В последние годы после принятия закона стало ирактпковаться открывать конференции, снмпозиумы, крупные совещания на бурятском языке.

В марте 2000 г. в Улан-Удэ состоялось заседание Ассоциации законодательных органов РБ, Агинского и Усть-Ордынского автономного округов¹⁰³, на котором обсуждалась ситуация с современным состоянием бурятского языка. Законодатели еще раз констатировали, что оно остается неудовлетворительным. Было принято решение о разработке членами межпарламентского Совета и специалистами соответствующих министерств и ведомств РБ, Аги и Усть-Орды межрегиональной целевой программы «Бурятский язык». Спикер Усть-Ордынского законодательного собрания Л. Хутанов отметил, что сокращение в округе бурят, владеющих родным языком, – процесс объективный, поскольку они живут в окружении русскоязычного большинства. В последние годы в округе увеличилось число школ с пре-

подаванием родного языка, в Боханском педучилище открыт филиал БГУ, возможно создание своей телекомпании, что было бы крупным шагом к образованию единого информационного пространства с Бурятией и Агинским округом. Языковой вопрос постоянно находится под пристальным вниманием законодательных органов. Кстати, одним из спорных при обсуждении кандидатуры на пост Президента Республики был именно языковой вопрос: должен ли Президент Республики Бурятия знать бурятский язык? Этот момент нашел свое отражение в работе М. Н. Губогло «Языки этнической мобилизации»¹⁰⁴.

2.9. Бурятский язык практически не функционирует в судопроизводстве, промышленности, сферах обслуживания, торговли, связи. В научно-преподавательской деятельности, сферах естественных и технических наук господствует русский язык. В гуманитарных науках бурятский язык представлен в отдельных работах, имеется несколько кандидатских диссертаций, написанных на бурятском языке. В сфере сельского производства бурятский язык используется чаще в устном общении, иногда – в выступлениях в однородной бурятоязычной аудитории. Несмотря на то, что в законе указано, что все объявления, вывески, знаки маркировки продукции должны быть оформлены на двух государственных языках, этот пункт выполняется не всегда.

2.10. В сфере бытового общения буряты преимущественно применяют родной язык, однако для городского населения все более характерным становится использование русского языка даже в быту. Число лиц, пользующихся только бурятским языком, небольшое, в основном, это дети дошкольного возраста и женщины преклонного возраста, живущие в отдаленных улусах. По данным социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира»¹⁰⁵, число бурятских монолингвов составляет в России 58738 человек (14 % всего бурятского населения), в Республике Бурятия – 39209 человек (15,7 %).

Как и у других народов, основная часть носителей владеет диалектной и просторечными формами языка. Но, если для большинства из этих народов характерно, что доля носителей литературных форм не превышает 10–12 %, то, по мнению У.-Ж. Ш. Дондукова¹⁰⁶, доля носителей литературного бурятского языка не выше 50 %. Этот факт объясняется тем, что за его основу был взят хоринский диалект, носители которого составляют значительную группу бурятского населения.

В сельских районах РБ и округах бурятско-русское двуязычие носит диглоссный характер, с достаточно широкой областью равного употребления бурятского и русского языков.

Уровень владения бурятами русским языком относительно высок, выше, чем родным бурятским, постоянно растет число бурят, признающих родным русский язык (табл. 2). Если учесть, что обычно родным языком владеет существенно меньший процент, чем признают его родным, то количество, активно владеющих бурятским языком, незначительно, хотя, как показало обследование, именно в сфере межличностных отношений самые высокие показатели применения бурятского языка.

Табл. 2. Родной язык бурят по данным переписи населения, %

Показатель	1926 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Родным признали бурятский язык	98,8	95,1	93,1	89,4
Родным признали русский язык	0,6	4,9	6,9	10,56
Свободно владеют русским языком в качестве второго	–	64,97	72,8	73,6

Особый разговор – языковая ситуация в столице республики г. Улан-Удэ. Как замечают многие гости Бурятии, для ее столицы характерно, что очень часто буряты в Улан-Удэ между собой общаются по-русски, т. е. бурятский язык все меньше играет роль национальной идентификации индивида, а значительный рост числа лиц, у которых не совпадают родной язык и их этническая принадлежность, говорит об усиливающемся процессе языковой ассимиляции. Интересно, что в конце 60-х – начале 70-х гг. отмечалось¹⁰⁷, что в Улан-Удэ образуется междиалектное койне, что влияние литературного языка в городе сильнее, чем в селе, где нет радио, телевидения, газет, журналов, театров. Возможно, авторы приняли желаемое за действительное. Или, вероятно, в тот период в городе наблюдался данный процесс. Никаких конкретных сведений по этому поводу не имеется. В настоящее время в Улан-Удэ признаков междиалектного койне нет, хотя очевидно, что язык столицы – очень важная социолингвистическая составляющая, поскольку на него ориентируется сельская Бурятия, для которой многое, что касается Улан-Удэ, очень престижно. И, как будет показано далее для сельской Бурятии престижно то, что в Улан-Удэ везде пре-

валирует русский язык общения. При переезде или приезде в столицу сельские жители стараются разговаривать по-русски. В связи с этим стоит острая необходимость изучения языка городских бурят, особенностей и динамики речевых изменений при переезде сельских жителей в город.

Своеобразна и требует описания и анализа языковая дезинтеграция внутри бурятского макросоциума. Ввиду достаточно большого числа бурят, не владеющих родным языком, особенно в г. Улан-Удэ, а также значительных междиалектных расхождений, наблюдаются существенные нарушения внутриэтнического общения и соответственно недостаточное социальное общение на бурятском языке. И, если бурятская молодежь, не владеющая родным языком, в силу возрастных особенностей не ощущает себя вне собственного этнического поля, то более старшее поколение – 30–40-летние – отчуждение воспринимают более обостренно. Опросы показывают, что жалеющих о том, что они не знают свой язык, и желающих его изучать, больше среди представителей старшей группы бурятского населения. Как указывает Н. Б. Вахтин, «регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры давно описано в социальной антропологии»¹⁰⁸. Данный фактор является одной из причин устойчивости языка, однако механизм регрессивного восстановления языка действует только при условии, что он был усвоен в детстве, был первым, материнским языком, чего, к сожалению, не происходит в случае с бурятским языком.

2.11. Так остро, как сейчас, вопрос о выживании бурятского языка еще не стоял. С одной стороны, очевидно, что в современном многонациональном мире или государстве существование единого языка общения – осознанная необходимость и целесообразность. С другой, языковые изменения, в основном, регулярны, однако интенсивность данного процесса может варьировать в зависимости от степени влияния на него общества и государства. К сожалению, процесс языковой ассимиляции в СССР был ускоренным.

В мире наблюдаются разнообразные формы сосуществования языков, которые обусловлены многонациональностью состава республик, государств, стран. В языковой ситуации России в настоящее время преобладает тенденция к дезинтеграции, начало которой было положено распадом СССР. Наблюдаемые сегодня утверждение суве-

ренитетов, рост национального самосознания, возрождение национально-духовных начал – все это находит отражение и в изменениях языковых систем. Как всегда, любая языковая трансформация обусловлена определенными причинами. Выявление общего и частного, универсального и специфичного, анализ достаточно полного набора факторов сосуществования или функционирования языков дают возможность показать конкретно наиболее актуальные проблемы каждого языка, а также направление решения этих проблем, что связано с дальнейшим культурным развитием народа, состоянием межнациональных отношений.

Языковые изменения связаны со сложной системой взаимодействия исторических, социально-политических, правовых, экономических, культурных, этнодемографических, психологических, лингвистических и других факторов. Идеальным результатом данной работы было бы создание модели языкового развития в условиях постоянного изменения тех или иных вне- и внутрилингвистических факторов. Однако на первом этапе необходимо выявить для каждого языка набор этих факторов и степень их влияния на существование языка, внутренние механизмы его развития. При этом важно учитывать, что влияние многих из этих факторов опосредованно. К таким экстралингвистическим факторам относятся: размеры территории проживания народа, тип ландшафта, природно-климатические условия, количественный состав населения, способ расселения, его национальная и социальная стратификация, хозяйственно-культурная специфика, культурно-образовательный уровень, государственное и общественное устройство, конфессиональная и расовая принадлежность, историческое прошлое народа, степень длительности и интенсивности культурных контактов, современное экономическое положение, интенсивность миграционных процессов. Например, обширность территорий, удаленность от политического и культурного центра, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, малая плотность населения, уровень жизни, миграции являются теми факторами, которые более или менее влияют на состояние бурятского языка. В частности, территориальная разбросанность не способствует становлению единого бурятского литературного языка, но помогает сохранению его диалектов, сохранности языка хотя бы в виде диалектов.

Хозяйственная деятельность, особенно традиционное хозяйство, национальный образ жизни также считаются одним из условий сохранения народа и консервации его языка. Активное разрушение зоны традиционного хозяйства бурят, сокращение поголовья скота плюс интенсивная миграция русского населения в 60–70-е гг. из европейской части страны и соседних регионов в республику в связи с индустриальным развитием промышленности Гусиноозерска, Улан-Удэ, БАМа привели к росту доли бурятского городского населения, усилению урбанизации за счет сельского населения республики, а также бурят из национальных округов, что соответственно увеличило число бурят-билингвов. Своеобразным фактором поддержки языка является этносоциальная организация общества. Скрытая родо-племенная организация многих народов Сибири – один из факторов сохранения этноса и языка.

Как показывают публикации последних лет, обеспокоенность большинства исследователей языков национальных регионов вызвана как внутренним, так и внешним разделением языка, когда носители одного и того же языка проживают не только в разных республиках и областях, но и в разных государствах. Для бурятского языка данная проблема остается также актуальной. Считается, что процесс национальной консолидации бурятского народа прошел всего за 150–200 лет¹⁰⁹, а согласно Ц. Б. Цыдендамбаеву¹¹⁰, начиная со второй половины XVII в. до конца XVIII в., т. е. в период вхождения в состав Российского государства. Процесс же так называемой языковой консолидации у нас до сих пор не закончился, единого бурятского литературного языка пока нет. Причин такого положения много. Внешние факторы, осложняющие процесс языкового единения, остаются те же: бурятское население проживает в трех национальных автономиях, значительная группа бурят обитает вне этих образований, ряд этнических групп утратили свои территории и подвержены сильной ассимиляции. Значительный процент бурят проживает в иноэтнической среде и за рубежом. Территориальная разбросанность способствует диалектной расчлененности, т. е. внутренне многие языки, в том числе и бурятский, диалектно раздроблены, что, в частности, отражается, по нашим данным, на показателе чтения книг, газет и журналов на родном языке. Однако непонятными для носителей разных диалектов часто являются не только диалектизмы, но и неологизмы – кальки

русских слов, искусственные новообразования, архаизмы, а в нашем случае – и монголизмы. К показателям живучести языка относятся стабильность структуры языка по отношению к внешним влияниям, равномерная динамика лексической эволюции, достаточный уровень владения языком его носителями, устойчивость норм.

Среди внешних аспектов взаимовлияния или сосуществования языков часто упоминаются социальные параметры функционирования языков: распространение просвещения, создание новой государственности, территориальное перемещение населения, изменение сфер употребления, круга носителей языка, социальный статус (причем функциональный статус языка очень часто зависит от статуса его носителей), уменьшение эндогамии, «престиж» языка, нормативное влияние, развитие науки о языке. Наиболее влиятельным из них остается государственное учебное образование, которое в России всегда будет диктовать программу приоритетного преподавания русского языка. К указанным выше можно добавить параметры, выделенные А. Ковачецем: многочисленность и компактность языковой группы, ее общественный престиж и экономическое благосостояние, связи с коллективами, пользующимися тем же языком за пределами данного государства, развитие различных институций (СМИ, школа, церковь, администрация), употребляющих этот язык, длительность языковых традиций, необходимость дву- и многоязычия¹¹¹. Причем социолингвистические характеристики любого языка уникальны. Об особенностях социального, исторического и социолингвистического взаимодействия бурятского и русского языков сказано в § 1. Можно лишь добавить, что в отличие от многих малых языков России бурятский имеет сильную поддержку в лице родственного монгольского языка, языка самостоятельного государства. Здесь ситуация несколько схожа с ситуацией в Карелии, где карельский язык поддерживается близкородственным финским. Существенное отличие заключается в том, что в 20-х гг. именно финский язык был признан в Карелии литературным и официальным языком коренного нерусского населения республики. В настоящее время он сохраняет статус официального языка с символическими функциями и очень популярен как язык международного общения в отличие от монгольского языка в Бурятии. В школах количество учащихся, изучающих финский язык, больше, чем обучающихся карельскому¹¹².

Крайним критическим случаем взаимовлияния языков является вытеснение языка национального меньшинства господствующим в данном обществе языком. Это чаще происходит в случае, когда на небольшой территории проживают носители многих малых языков (Дагестан, Папуа). Увеличение носителей одного из языков обычно в таких случаях происходит за счет вступления в брак его носителей с членами других менее многочисленных групп. Например, проживающие в северных районах Бурятии эвенки, вступая в брак с бурятами, более престижным считали переход в семейном общении на бурятский язык.

К причинам стабильности малых автохтонных языков чаще относят закрытость территории, взаимопонимание носителей разных диалектов, использование одного из них в официальной сфере, низкий образовательный уровень, участие носителей языка в правительстве, управлении, сильные родовые, клановые, общественные связи.

К внутриязыковым факторам сосуществования языков относят количество взаимодействующих языков, степень их родства и взаимовлияния, уровень развития (наличие и давность письменных традиций, состояние литературного языка, развитие профессионального и научно-терминологического языкового слоя и др.), наличие языкового законодательства, языковую политику, проводимую в отношении этих языков. К причинам же языкового кризиса относятся обеднение языка, неумение его носителей им пользоваться, расшатывание норм, плохое знание орфографии.

2.12. Помимо внешних и внутренних, существуют еще объективные и субъективные факторы. Раньше, как считают В. Ю. Михальченко и В. М. Солнцев¹¹³, при изучении национально-языковых процессов учитывались прежде всего объективные факторы языковой ситуации: этнокультурные, социально-исторические, демографические, экономические и другие условия развития языковой жизни того или иного региона. Субъективные же факторы языковой ситуации – ценностные ориентации народа, его привязанность к своей культуре и языку, желание расширить социальные функции родного языка, степень национальной терпимости, уровень интернационального воспитания, недостаточно принимались во внимание, а иногда рассматривались как проявление национализма.

В последнее время число субъективных факторов, воздействующих на языковую ситуацию, возрастает, они становятся более разнообразными. Так, в период формирования старописьменного литературного языка слой грамотного населения у бурят был незначителен. Распространение литературного языка шло постепенно. Основной массе населения не оставалось никакого выбора, за них все было решено. В современных условиях, когда решаются какие-либо крупные языковые вопросы, что-то меняется или обсуждается, большинство носителей языка принимают или могут принять участие в решении этих вопросов. Они грамотны и, в основном, являются билингвами. Если что-то их не устраивает, они могут выступить, высказать свое мнение и отказаться от предлагаемого варианта решения. При этом на личностном уровне большое значение имеют такие параметры, как образование, возраст, территориальная принадлежность индивида, социально-общественная среда его обитания, а также внутренние предпосылки к изучению того или иного языка (языковые способности, возраст, образование). В семье использование языка зависит от национального состава семьи, возраста членов семьи, их образования, социального положения, национальных традиций и воспитания. Количество же факторов, влияющих на выбор языка общения билингвами, достигает, по мнению И. Х. Мусина¹¹⁴, порядка 50, начиная от формы национально-государственного устройства и заканчивая недостаточной адаптацией в соответствующем речевом коллективе. Совокупность факторов, определяющих приоритетное развитие того или иного языка в обществе, на личностном уровне часто складывается в понятие престижности языка, языка, способствующего социально-культурной адаптации личности, продвижению по социальной лестнице жизни, служебной карьере.

Одним из наиболее влиятельных факторов, определяющих языковую ситуацию, является уровень национального или этнического самосознания, его отношения к своей культуре и языку, языку и культуре соседствующих народов. Национальное самосознание все более конкурирует с таким мощным элементом этнической идентификации, как язык, существенно влияя, таким образом, на положение языка в обществе, его престижность. Ранее, особенно среди лингвистов, превалировало мнение, что язык – главный этнический самоопределиватель, что язык – основа национального самосознания и большинство

национальных ценностей формируется и сохраняется посредством языка. Современные исследования показывают перемещение в модернизированных нациях этнодифференцирующих факторов в орбиту национального самосознания, социально-психологических установок¹¹⁵, что связано скорее всего с тем, что национальное самосознание стоит на более высоком, чем язык, уровне этнического самоопределения и включает в себя такие составляющие, как этническое, культурное, языковое и религиозное самосознание. Также считается, что национальное самосознание, фактор этничности, тесно связано с ростом образования, культуры, что его приобретают в ходе воспитания и социализации личности¹¹⁶.

Однако среди доминант современной этнической идентичности бурят на первом месте, как отмечает И. Э. Елаева¹¹⁷, стоит «открытость» бурятского этноса как этносоциальной системы для внешних влияний. Степень незамкнутости бурятской культуры помимо воздействия геополитического фактора в неменьшей степени определялась историей межэтнических отношений в регионе и религиозным фактором. Именно фактор «открытости» играет решающую роль в общем процессе ассимиляции бурятского народа, в утрате, потере им родного языка. Известно, что историческое развитие народа, культурно-политические условия существования во многом определяют его отношение к своему языку, языковому развитию. В отличие от некоторых народов, также длительно находившихся в контактах (а иногда и в борьбе) с соседними народами, для бурят не характерны пуризм, отстаивание своей культурной самобытности, ревностное отношение к языку. Они активно приобщаются к современным цивилизационным процессам, урбанизируются, что способствует утрате, нивелировке национального быта, культуры, хотя они прочно владеют достаточным объемом духовных, культурных традиций, которые подпитываются культурными связями с монголоязычными народами. В истории бурят не было крупных войн или вековой борьбы за выживание, насильственной этнической ассимиляции. Это наложило отпечаток на психологию народа, которому свойственны космополитизм, приверженность общим широким национальным интересам. А национальная психология, менталитет – одни из важнейших внутренних факторов формирования межнациональных отношений, отношения народа к своей культуре, природе, обычаям, религии, воспитанию,

хозяйственному укладу и, естественно, к языку – ярчайшему признаку национальной культуры.

Является ли язык основным признаком нации, точнее, какие мнения по этому поводу существуют сегодня? Поскольку от ответа на него во многом зависят и подходы к решению проблем бурятского языка, рассмотрим, как на этот вопрос отвечают исследователи. Наиболее распространенным является мнение, что «язык есть та неотчуждаемая принадлежность любого народа, то культурно-природное наследие, в котором находит выражение его идентичность, самосознание и самобытность. Вне всякого сомнения, именно язык следует считать доминантным признаком этноса. Все другие – общность территории, государственность, социальное устройство – по отношению к языку ирризики сопутствующие. Исчезнет язык – уйдет в небытие и народ, говоривший на нем»¹¹⁸. Именно язык является средством накопления знаний и сохранения национальной культуры, в нем находит отражение исторический опыт народа. С этим мнением не согласен бурятский этнограф Т. М. Михайлов. Он считает, что язык – не главный фактор национальной идентификации. Буряты, не знающие своего языка, проживающие в Улан-Удэ и живущие вдали от Родины – в Москве, Санкт-Петербурге и других городах – осознают себя бурятами. По его мнению, этническое самосознание – главнейший фактор идентификации. Видимо, здесь необходимо разграничить инструментальную и сентиментальную функции языка¹¹⁹. Рассуждения и споры в данном случае связаны с последней функцией, с эмоциональными этническими чувствами бурятского народа в отношении своего родного языка (боль пишущих на русском языке бурятских поэтов и писателей, традиционное уважительное отношение к старшему поколению, своеобразный национальный менталитет – те факторы, которые способствуют изучению родного языка), а не с его эффективным использованием как средства коммуникации.

Большинство историков и этнографов с Т. М. Михайловым не солидарны. Профессор Ю. Б. Рандалов полагает, что трагедия бурятского народа в том, что у нас в этом вопросе несколько истин и, к сожалению, горькая истина – ассимиляция бурятского народа продолжается. Но для национальной самоидентификации нужен структурообразующий элемент – родной язык, причем он не приемлет планирования изучения языка молодежью без тесной связи с системой образования,

воспитания, без учета социальной среды в целом. Г. Л. Санжиев рекомендует при этом обязательно учитывать национальную консолидацию народов республики. Этнопсихолог И. Э. Елаева по результатам своего исследования сделала вывод, что большинство законов и постановлений относительно языка не действуют потому, что они составляются на желаемом, идеальном уровне. В действительности, в настоящее время люди не осознают значения языка как реального компонента национальной идентичности и соответственно его сохранения. При опросе выясняется, что бурят роднят с их национальностью «культура, природа, земля», но не язык. Однако все исследования бурятских ученых показывают, что стержнем бурятской культуры является именно язык и неосознание важности этого фактора способствует языковой ассимиляции. Уровень национально-языкового сознания не всегда соответствует уровню национального самосознания. Необходимо также учитывать, что сознание человека почти всегда отстает от развития объективной реальности и при рассмотрении подобных проблем необходимо учитывать психологический фактор.

Очень важным и актуальным в настоящее время в России субъективным фактором является языковая политика. Как считают многие социолингвисты, одна из современных основных проблем малых языков – отсутствие материальной базы, финансов. Однако, как в экологии, ухудшение ситуации в экономике, промышленности способствовало уменьшению загрязнения окружающей среды, так и в языковой ситуации современный кризис способствует ограничению миграции, изоляции малых языков вплоть до отключения телевидения, большему вниманию народа к своей духовной культуре, религии, повышению национального самосознания, улучшению языковой ситуации в малых языках. Хотя в то же время в ряде регионов обострились национально-языковые отношения. Возможно, что создание экономического благополучия решило бы часть языковых проблем. Но в современной России – правопреемнице Советского Союза, в которой малые языки практически были обречены на вымирание, наиболее важным, влияющим на характер национально-языковой обстановки, является государственно-правовой фактор. Обострение национально-языковых отношений вызвало необходимость разрешения возникших языковых проблем, как и во многих странах мира, с помощью разработки и соз-

дания различных законодательных актов, законов о языке. (Подробнее о факторе государственности языка см. § 5.)

Подчеркивая важность использования государственного языка, многие зарубежные социолингвисты при описании сфер функционирования малых языков, в первую очередь, указывают на язык, используемый в образовании и религии. Религия и национальный менталитет считаются мощнейшими факторами национально-культурного языкового развития. Если до революции религия в России была этнодифференцирующим фактором, то сегодня она приобретает этноинтегрирующий характер. Буряты, как и любая другая малая народность, испытывали и испытывают на себе влияние не только господствующего языка государства, с которым контактируют или в состав которого входят, но и языка религии данией страны. Так, до революции тибетский язык оказывал сильное влияние на языки монголов-буддистов, а русский – на язык крещеных бурят. Сейчас в связи с возрождением буддизма, шаманизма, открытием церквей и дацанов видится перспектива возрождения бурятского языка, языка общения в дацанах, языка шаманских заклинаний. Именно религиозная монолитность усиливает внимание к национальному языку, способствует распространению грамотности на этом языке, хотя до сих пор сохраняется территориальная, религиозная и языковая разобщенность. Кроме того, как считает Т. М. Михайлов¹²⁰, роста религиозности не произошло, но изменилось отношение к религии, ее ценностям. Религия становится частью культуры, одним из важнейших факторов этнической идентификации личности.

* * *

В целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении: от русского языка, который применяется во всех сферах общения, до немецкого, эвенкийского, украинского и других языков, которые используются только в быту. Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком, незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, информационное обслуживание на бурятском языке ничтожно мало. Как считают многие бурятские лингвисты, функциональная дистрибуция русского и бу-

бурятского языка в республике обусловлена социально-демографическими факторами, а также формами их существования.

Однако, как показывает анализ, количество факторов, определяющих функционирование бурятского языка, многочисленно и многообразно. Не все из них играют одинаковую роль в его жизни. Детерминирующими среди объективных макрофакторов можно считать численность бурятского населения, его долю среди населения республики, характер и тип расселения, государственную национальную, языковую и образовательную политику. Среди субъективных – национальное самосознание, «открытость» нации. Существенными являются также скорость, динамика и степень воздействия факторов. Наиболее важные факторы развития современного бурятско-русского двуязычия можно распределить следующим образом:

<u>Положительные факторы</u>	<u>Отрицательные факторы</u>
<p>2. Принят закон «О языках народов Республики Бурятия»</p> <p>3. Имеются попытки сохранения традиционного хозяйства, культуры бурят, создаются национально-культурные центры, землячества</p> <p>4. Рост численности бурятского населения</p> <p>5. Поддерживается параметр «наличие возрастных групп носителей языка», во всех возрастных группах имеются носители бурятского языка</p> <p>6. Восстановлены преподавание на бурятском языке и обучение бурятскому языку. Впервые введено обучение родному языку в городских школах</p>	<p>1. Преимущество русскоязычного населения, дисперсное проживание бурят, причем в трех автономиях</p> <p>2. Закон не выполняется в полном объеме, бурятский язык не функционирует в официально-деловой сфере, судопроизводстве, сферах обслуживания и торговли</p> <p>3. В целом процесс разрушения традиционного хозяйства, утраты национальных духовных ценностей опережает процесс их восстановления и развития. Идет усиленная миграция бурят из сел в города и пригороды</p> <p>4. Увеличивается число межнациональных браков</p> <p>5. Имеется тенденция к сокращению числа молодых носителей бурятского языка</p> <p>6. Обучение в сумме охватывает лишь треть всех школ. Система среднего и высшего образования функционирует только на русском языке</p>

<p>7. Имеется достаточно разработанная нормативная база литературного языка</p>	<p>7. Единого бурятского литературного языка пока нет. Значительно сокращен вынук литературы на бурятском языке, отсутствует необходимое единое информационное поле, нет национального канала телевидения</p>
<p>8. Наблюдаются изменения в сторону улучшения в психологии, касающейся отношения к бурятскому языку русского населения РБ</p>	<p>8. Отсутствует достаточное количество курсов по обучению бурятскому языку</p>
<p>9. Рост национального и религиозного самосознания</p>	<p>9. Нет национальной идеи, которая способствовала бы национальной консолидации</p>
<p>10. Наличие государства (Монголии), жители которого являются носителями родственного языка</p>	<p>10. Возврат в Монголии к старомонгольской письменности. Динамика лексических изменений характеризуется значительными расхождениями бурятского и монгольского языков</p>

§ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ: ТЕНДЕНЦИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ДВУАЗЫЧНОЙ СИТУАЦИИ В БУРЯТИИ

Кардинальные изменения в развитии российского общества в 1985–2000 гг. коренным образом повлияли на все стороны жизни, включая и языковую. В целях изучения тенденций изменения языковой ситуации относительно государственного бурятского языка в 1998–1999 гг. по методике, использованной в 1989–1990 гг., было проведено социолингвистическое обследование в Республике Бурятия с охватом более 500 взрослых респондентов, а в 2000–2001 гг. – обследование учащейся молодежи. В данном параграфе, в основном, дается анализ особенностей бурятско-русской двуязычной ситуации среди учащейся молодежи, по которой в какой-то степени можно судить о будущем состоянии бурятского языка в Бурятии.

3.1. Одним из показателей витальности языка, наряду с количеством говорящих на этом языке, их соотношением с общей численностью данной этнической группы, наличием правовой поддержки, является использование языка молодым поколением. Возраст обследуемой группы респондентов совпадает с периодом введения обучения

бурятскому языку в школах РБ, поэтому было интересно выяснить, насколько этот фактор повлиял на языковую компетенцию молодежи. Кроме того, в данном обследовании по сравнению с предыдущим больше внимания уделяется такому этнопсихологическому фактору, как ценностные ориентации молодежи в области языка, поскольку, как показал анализ десятилетней давности, подобные субъективные факторы играют существенную роль в определении приоритетного развития того или иного языка.

Обследование, главным образом, проводилось с помощью анкетирования (форма анкеты прилагается). Было опрошено более 1500 студентов (всех четырех вузов РБ), учащихся ССУЗов (средних специальных учебных заведений) и старших классов городских и сельских школ республики, что составляет более 2 % обучающейся молодежи указанного возраста.

Всего в 1999/2000 учебном году в 595 школах республики обучалось 176806 учащихся, из них в 148 городских школах – 94869, в 447 школах сельской местности – 81937 человек. В 43-х учреждениях профессионального образования (из них 12 лицеев, 24 профучилища, 6 училищ ИТУ МВД, 1 спецучилище) – 6153 учащихся. В 4-х вузах республики готовятся специалисты по 6 направлениям, 106 специальностям и специализациям. Ежегодный прием студентов составляет 2,3 тыс. человек¹²¹. Всего в высших учебных заведениях обучается более 20000 человек. Так же, как при опросе десятилетней давности, применялась квотная выборка, которая репрезентативна для городских и сельских учащихся.

Поскольку одна из задач данного исследования была оценить эффективность введения преподавания бурятского языка в школах, ССУЗах и вузах, то предпочтение было отдано учебным коллективам со смешанным национальным составом, в которых преподается бурятский язык. В опросе участвовали русские учащиеся (436 человек), что предположительно должно было дать ответ на ряд вопросов, связанных с прогнозом межэтнического согласия на уровне языковой ориентации. Отдельно для сравнения были выделены группы студентов бурятского факультета БГУ и старшеклассников национального лицея № 1 (интерната).

Так же, как и анкета для взрослых респондентов, эта анкета содержит вопросы на определение социальных признаков: год рожде-

ния, пол, национальность, место обучения, место рождения. Данные признаки существенны, они характеризуют место респондента в социальной структуре общества и влияют на языковую компетенцию.

Безусловным, по нашему мнению, было включение в анкету вопросов о преимущественном использовании того или иного языка в дошкольном возрасте, о пользовании языком родными и близкими опрашиваемых, поскольку семья наиболее чутко реагирует на все социальные изменения. В частности, предполагалось, что степень совпадения языковой и этнической принадлежности для этой категории опрашиваемых по данному пункту будет существенно ниже, чем у других народов. К сожалению, неточность определения понятия «родной язык» еще более подтвердилась при опросе молодых респондентов, о чем, во-первых, свидетельствуют их вопросы, что считать родным языком, во-вторых, довольно высокий процент не ответивших на вопрос о родном языке. При этом мы предполагаем, что основными факторами в данном случае являются этническая принадлежность, язык семьи, родителей.

Ответы на 8-й вопрос предположительно должны были дать общую картину владения тем или иным языком обследуемой группой, поскольку знание бурятского языка с детства, подкрепленное школьным обучением, более всего обеспечит высокий уровень владения родным языком.

Качество преподавания языка и критическое отношение к системе образования предполагалось выявить с помощью девятого вопроса. О степени престижности бурятского языка, его востребованности можно судить по ответам на вопросы № 10, 14, 19.

Поскольку сравнение этносов по признакам распространения тех или иных норм затруднительно, для анализа этнолингвистических особенностей был использован ценностный подход, поскольку ценности – мощный нормообразующий фактор, основной стимул человеческой деятельности. Попытка использования такого подхода расширяет диапазон параметров, обычно привлекаемых для изучения вопросов языкового контактирования, а также помогает ответить на ряд вопросов исследования. Так, ожидалось, что вопросы 11, 12, 15, 16, 17 помогут выявить факторы, влияющие на формирование языковой среды, мотивы выбора того или иного языка общения.

Поскольку для бурятского языкознания достаточно актуальной является проблема литературной формы языка, в анкету был включен вопрос № 13, который предположительно должен был дать ответ на вопрос, насколько типично для лиц со средним национальным образованием использование литературной формы языка в макросоциуме и диалектной формы в личном общении.

Пункты 17, 21, 24 должны были выявить связь самондентификации молодых бурят с уровнем языковой компетенции, фоновыми знаниями (включая происхождение): насколько отношение к языку коррелирует с языковой способностью и является ли отношение к своему национальному языку основной характеристикой общности бурят? Учитывая предыдущие исследования, касающиеся некоторых аспектов данного вопроса, делалось предположение, что основным критерием общности бурят является «происхождение», а при определении родного языка более значимым считается знание языка родителями, а не индивидуальное владение им.

Степень социальной активности молодого поколения, его информированности о политической жизни республики, а также отношение к происходящим в обществе языковым процессам должны были помочь выявить пункты 18, 22, 23, 26 анкеты.

Пункт 25 помимо общего освещения вопроса о социологическом аспекте речевого общения молодых жителей республики в различных актах коммуникации или выяснения сфер функционирования контактируемых языков использовался при коррелятивном анализе с социальными признаками респондентов: возраст, образование, национальность, место рождения.

Поскольку анкета ограничена в объеме, лингвокультурологический вопросник включает вопросы на знание лексико-семантической и грамматической системы бурятского языка, которые расположены по мере увеличения их трудности.

Обработка собранного материала, установление параметров и зависимостей языковых изменений от совокупности внелингвистических факторов, определение статистических характеристик выявленных корреляций должны были помочь ответить, в частности, на ряд вопросов: какие факторы являются наиболее решающими для языка такой малочисленной нации, как буряты, насколько принятие закона «О языках народов Республики Бурятия» и мер, предпринимаемых в

связи с его введением, повлияло на состояние языка, изменило языковую ситуацию и способствовало сохранению и развитию бурятского языка. Полученные данные частично сопоставляются с результатами обследования десятилетней давности и опросом взрослых респондентов 1998–1999 гг. с целью выявления динамики социолингвистических изменений в РБ.

3.2. Общие сведения об опрошенных молодых людях представлены в табл. 3. Основная масса опрошенных (87,1 %) 1983–1985 гг. рождения. Всего студентов – 426 (28,3 %) человек, учащихся ССУЗов – 155 (10,3 %), школ – 924 (61,4 %). За вычетом студентов бурфака БГУ и учащихся национального лицея, данные по которым используются для сравнения и которые существенно повлияли бы на общий результат, получается, что обследовано 1363 человека. Для сравнения с результатами предыдущих обследований по параметру город/село выбирались только данные по бурятским учащимся (также без учета бурфака и национального лицея), число которых составило 892, из которых 482 – городские. Однако с учетом того, что 62,4 % студентов-бурят и 77,7 % учащихся техникумов родились в сельской местности, эти сведения вполне сопоставимы с данными по взрослым бурятам.

Как показал сравнительный анализ результатов, почти по всем параметрам разница между показателями 1989–1990 и данных последних лет оказалась не в пользу бурятского языка. За последние десять лет среди взрослого бурятского населения вырос процент признавших родным русский язык с 10 до 13,3, бурятский язык признали родным 84 % (в 1990 г. – 87,2 %). Показатели по учащимся значительно ниже: 66,4 % респондентов бурятской национальности назвали родным бурятский язык (табл. 4). На бурятском факультете БГУ и в национальном лицее № 1 эти показатели чуть выше: 70,6 и 79,1 %. Даже с учетом достаточно большого процента не ответивших на вопрос – 20,2 %, причем среди студентов бурятского факультета – 27,5 %, можно указать, что этот показатель имеет тенденцию к уменьшению. Пять представителей русского населения – 1,1 % от опрошенных русских учащихся – назвали бурятский язык родным, 96,3 % – русский, оба языка – 2 человека. Возможно, что эти молодые люди – дети от смешанных браков, у которых отец или мать буряты. Процент признавших родным русский язык среди бурят относительно невелик (10 %) и примерно равняется такому же показателю у взрос-

Табл. 3. Общие этносоциодемографические сведения об опрошенных (молодежь)

Категория	Всего опрошено, чел.	% от опрошенных	мужчины/ женщины, %	буряты/ русские, %	родились в городе/селе, %	в том числе буряты, %
Студенты	375	24,9	49,1/50,9	56,8/39,7	46,9/52,5	37,1/62,4
Студенты бурфака БГУ	51	3,4	19,6/80,4	100,0	3,9/92,2	3,9/92,2
Учащиеся ССУЗов и техникумов	155	10,3	36,8/63,2	66,5/30,3	25,8/72,3	20,4/77,7
Учащиеся городских школ	299	19,9	38,1/61,9	55,5/40,5	81,3/17,7	74,1/25,3
Учащиеся национального лицея № 1	91	6,0	53,8/46,2	100,0	36,3/62,6	36,3/62,6
Учащиеся пригородных школ	172	11,4	37,8/62,2	74,4/25,0	23,3/73,8	18,8/78,1
Учащиеся школ отдаленных районов	362	24,1	35,9/64,1	77,9/21,0	10,5/89,5	12,4/87,6
Всего	1505	100,0	40,5/59,5	68,7/29,0	38,0/60,9	30,7/68,3

Табл. 4. Общие социолингвистические сведения по обследованному массиву, %

Категория	Признали родным / в том числе буряты			До школы говорили преим. на / в том числе буряты		
	бур. язык	рус. язык	оба языка	бур. языке	рус. языке	обоих языках
Студенты	37,6/65,7	46,4/11,3	1,9/2,8	11,7/20,2	69,9/48,4	16,8/29,1
Студенты бурфака БГУ	70,6	—	2,0	68,6	—	31,4
Учащиеся ССУЗов и техникумов	43,2/64,1	36,8/10,7	1,3/1,0	21,9/33,0	56,8/35,9	20,6/29,1
Учащиеся городских школ	33,8/60,8	48,5/14,5	2,0/3,6	3,3/6,0	82,9/70,5	13,0/31,1
Учащиеся национального лицея № 1	79,1	6,6	1,1	27,5	39,6	29,7
Учащиеся пригородных школ	41,9/56,3	29,7/7,0	3,5/4,7	14,0/18,8	58,1/43,8	27,9/37,5
Учащиеся школ отделенных районов	59,9/75,5	26,5/7,4	1,1/1,4	42,0/53,2	40,3/25,5	15,7/19,1
Всего	46,9/67,7	35,1/9,2	1,5/2,4	21,5/31,0	58,5/40,6	18,7/26,9

Окончание табл. 4

Родной язык отца / в том числе у бурят	Родной язык матери / в том числе у бурят		
	бур. язык	рус. язык	другие языки
бур. язык	бур. язык	рус. язык	другие языки
41,1/71,4	41,9/71,8	39,2/4,7	2,7/1,9
76,5	68,6	—	—
54,8/77,7	53,5/78,6	31,6/2,9	1,3/—
41,8/74,1	43,1/76,5	43,5/6,6	3,0/1,8
86,8	83,5	1,1	1,1
56,4/75,8	58,1/77,3	25,6/3,9	2,3
64,6/81,2	63,5/79,8	23,8/5,3	0,6/0,4
54,0/77,3	53,8/77,0	30,4/4,4	—

дых бурят, хотя пока неизвестно, как в дальнейшем определятся те, кто не ответил на этот вопрос. Однако то, что этот показатель в дальнейшем будет не в пользу бурятского языка, можно констатировать определенно, поскольку доля признавших его родным существенно ниже. Соответственно для города/села равняется 63,7/69,5 %. Интересно, что в пригородных школах (пос. Иволга, Оронгой, Эрхирик) процент признавших родным бурятский язык ниже, чем даже в городских школах. Ситуация чем-то похожа на описанную ситуацию в Закаменске¹²², когда авторитет языка города влияет на выбор речевого поведения.

Относительно высок (63,9) процент опрошенных учащихся бурят (без учета студентов бурятского факультета и учащихся национально-го лицея), которые ответили, что знают бурятский язык с детства. Однако лишь 29,3 % преимущественно говорили до школы на родном языке, что более, чем в два раза, меньше, чем у взрослых респондентов в 1989–1990 гг. Если допустить, что эти учащиеся являются их детьми, то данные цифры приблизительно равны: десять лет назад 33,7 % опрошенных ответили, что дома общаются с детьми преимущественно по-бурятски. Относительно сведений тех лет увеличилось число общавшихся до школы на двух языках, но почти в три раза – на русском языке. Из русских респондентов положительно на данный вопрос ответили 7 человек, причем один студент и один школьник отметили, что до школы преимущественно разговаривали на бурятском языке, а на обоих – 3. 26,1 % русских учащихся указали, что знают бурятский язык со школы. Лишь два студента-буряты ответили, что пытались изучать родной язык самостоятельно.

Довольно значительная разница наблюдается по показателю родного бурятского языка отца и матери. За 10 лет (с 1989 по 1999 гг.) он понизился в среднем на 3 % (по данным взрослых респондентов), а по сравнению с цифрами по молодежи – на 14 %, хотя можно отметить большой процент отрицательных ответов, что объясняется либо тем, что, как и в случае с признанием собственного родного языка, учащиеся затруднились с определением родного языка родителей, либо их отсутствием.

3.3. Показатель признания того или иного языка родным тесно связан с уровнем владения языками. Если за десять лет данные по взрослому бурятскому населению изменились незначительно, в ос-

новном, на 2–3 % и в сторону удовлетворительного владения бурятским языком и очень хорошего владения русским языком, то для молодежи характерно значительное ухудшение владения родным языком (рис. 1–4). В среднем на 20 % ниже оказались показатели по такой форме владения языком, как «понимаю» (очень хорошо и хорошо), на 30 % – «говорю» (табл. 5). Тенденция ухудшения владения устными формами бурятского языка характерна и для города, и для села, причем для села даже больше, чем для города: в селе число плохо говорящих, не говорящих и не понимающих увеличилось в пять раз, а в городе – в 3,5 раза. Что касается письменных форм владения бурятским языком (чтения и письма), то здесь увеличилось число плохо владеющих чтением и письмом и уменьшилась оценка «не владею». Стабильно понижается оценка «очень хорошо» и «хорошо», т. е. повышается количество удовлетворительно владеющих чтением и письмом. На обоих языках очень хорошо и хорошо понимают 57,7 % опрошенной бурятской молодежи, говорят – 30,9 %, читают – 37,7 %, пишут – 29,4 %. Видимо, незначительно, но сказывается обучение бурятскому языку в школе. Интересно, что эта же оценка оказалась выше и у русских учащихся: 17 (3,3 %) из них ответили, что очень хорошо и хорошо читают по-бурятски, 59 – удовлетворительно. 16 человек очень хорошо и хорошо пишут по-бурятски, но в такой же степени понимают по-бурятски только 14 человек, а говорят всего 6. Обучение бурятскому языку в школе более эффективно сказалось на письменных формах владения бурятским языком. Возможно, это связано с трудностями бурятского произношения либо со сложностями построения фраз или диалектными различиями. Очевидно, что все эти причины взаимосвязаны и особое внимание должно быть уделено методике преподавания языка.

Самые высокие показатели владения всеми формами бурятского языка у студентов бурятского факультета БГУ, у них единственных уровень владения бурятским языком выше, чем русским, по всем формам, кроме письма. Причем число респондентов «очень хорошо» владеющих родным языком превышает количество тех, кто владеет им хуже. Что касается русского языка, то среди опрошенных больше «хорошо» говорящих (64,8 %), пишущих, читающих, чем «очень хорошо». Данная оценка характерна и для учащихся ССУЗов, и отдален-

Рис. 1. Понимают по-бурятски

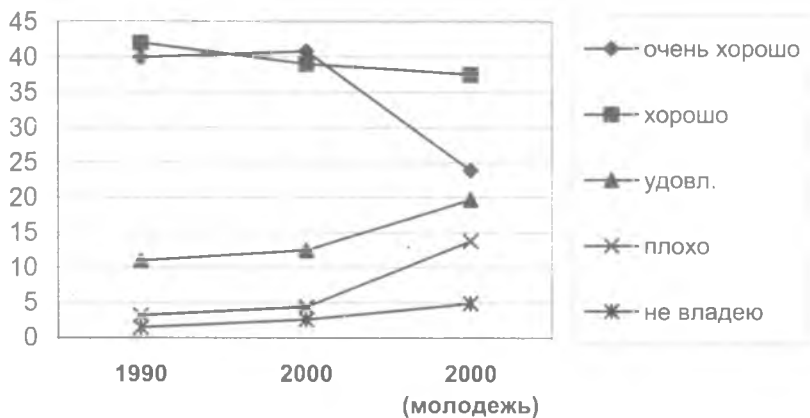

Рис. 2. Говорят по-бурятски

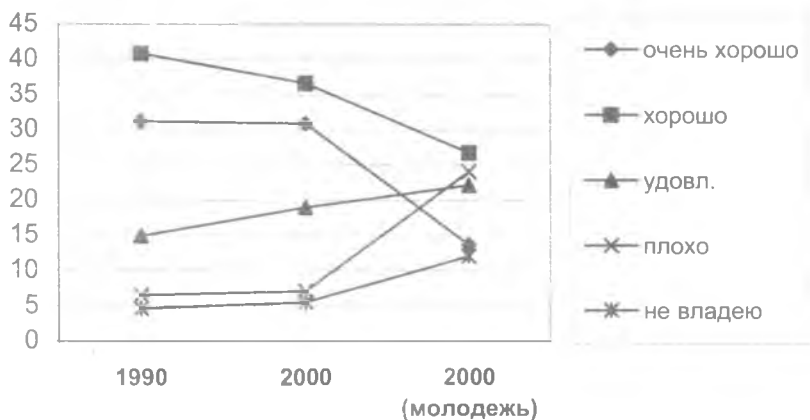

Рис. 3. Читают по-бурятски

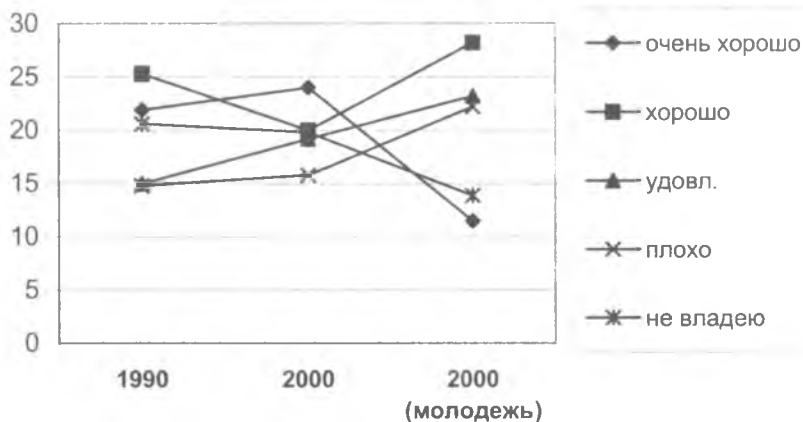

Рис. 4. Пишут по-бурятски

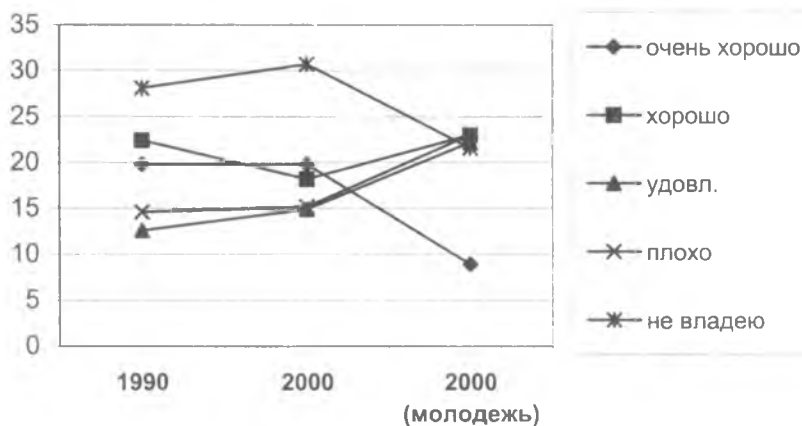

Табл. 5. Формы и степень владения бурятскими учащимися бурятским и русским языками, %

Показатель	По-бурятски						По-русски					
	очень хорошо	хорошо	удовл.	плохо	не владею	очень хорошо	хорошо	удовл.	плохо	не владею		
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Студенты	27,2	29,2	24,0	14,1	5,6	78,9	18,7	1,5	1,0	-		
Бур.фак.	74,6	23,5	2,0	-	-	51,0	43,1	2,0	4,0	-		
Техникум	34,0	30,0	19,4	11,6	4,9	56,3	35,9	7,7	-	-		
Городские школы	7,2	28,9	26,5	25,3	11,4	87,3	11,4	0,6	-	-		
Лицей № 1	29,5	46,2	12,1	11,0	-	73,7	23,1	1,1	1,1	-		
Пригородные школы	18,0	43,8	17,2	15,6	3,9	63,2	32,9	2,4	-	-		
Отдаленные школы	28,7	48,8	13,9	7,1	1,2	46,5	45,0	6,8	1,4	-		
Город	21,8	29,3	23,9	17,4	7,5	77,0	19,9	2,9	0,1	-		
Село	25,4	47,3	14,9	9,8	1,9	51,7	41,2	5,4	1,0	-		
Всего	23,4	37,5	19,7	13,8	4,9	65,6	29,6	3,8	0,6	-		
Студенты	16,4	20,2	21,1	24,9	15,9	60,0	34,2	3,4	1,0	-		
Бур.фак.	49,0	41,2	8,0	2,0	-	15,8	64,8	17,6	-	2,0		
Техникум	20,5	32,0	17,5	18,5	10,6	33,0	47,6	14,6	3,9	-		
Городские школы	3,0	10,2	23,5	37,3	24,1	75,3	21,6	1,2	-	-		
Лицей № 1	16,5	31,9	26,4	20,9	3,3	51,7	40,7	3,3	3,3	-		
Пригородные школы	10,1	30,5	17,9	26,6	13,3	44,5	42,2	9,4	2,4	-		
Отдаленные школы	17,0	37,9	26,3	16,4	2,2	28,5	42,9	25,1	2,9	0,4		
Город	12,7	19,3	21,2	27,8	17,6	59,5	32,8	5,0	1,2	-		
Село	14,9	35,6	23,7	19,5	5,6	33,4	42,7	20,2	2,7	0,2		
Всего	13,7	26,8	22,2	24,1	12,1	47,6	37,4	12,0	1,8	-		

Окончание табл. 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Ч И Т А Ю	Студенты	11,3	23,0	20,6	22,5	21,7	69,0	27,2	2,4	0,5	-
	Бур.фак.	56,8	41,2	2,0	-	-	43,1	52,9	2,0	2,0	-
	Техникум	16,5	32,1	18,4	24,3	7,8	41,8	47,5	7,8	2,0	-
	Городские школы	2,4	12,0	24,7	30,7	28,3	75,3	22,2	0,6	-	-
	Лицей № 1	14,3	42,9	29,7	12,1	-	58,3	33,0	6,6	1,1	-
	Пригородные школы	7,9	25,0	28,9	22,6	13,3	48,5	42,2	6,2	0,8	-
	Отдаленные школы	16,0	41,5	23,7	16,3	2,2	35,5	56,0	6,4	1,8	-
П И Ш У	Город	9,3	21,2	21,6	25,7	21,0	65,4	29,8	2,9	0,6	-
	Село	13,4	36,3	25,4	18,3	5,6	39,5	51,7	6,3	1,5	-
	Всего	11,5	28,2	23,2	22,2	13,9	53,5	39,9	4,6	0,9	-
	Студенты	9,4	12,2	17,4	23,9	35,2	55,8	34,3	7,0	1,0	-
	Бур.фак.	41,1	51,0	6,0	2,0	-	29,4	58,8	9,9	2,0	-
	Техникум	17,5	29,1	23,4	19,4	9,8	26,3	52,4	19,5	1,0	-
	Городские школы	0,6	7,8	17,5	27,1	45,2	50,1	37,9	10,2	-	-
Лицей № 1 Пригородные школы Отдаленные школы Город Село Всего	Лицей № 1	7,7	36,3	33,1	18,7	3,3	30,8	48,4	17,6	2,2	-
	Пригородные школы	5,5	21,9	26,5	26,5	17,2	28,1	46,1	20,3	3,1	-
	Отдаленные школы	11,7	38,3	26,2	19,5	3,9	25,2	54,2	17,3	2,9	-
	Город	8,1	14,3	18,7	24,1	33,2	47,5	39,4	10,8	0,6	-
	Село	9,8	33,2	26,3	21,7	8,1	26,1	51,7	18,3	2,9	-
	Всего	8,9	23,0	22,2	23,0	21,6	37,7	45,0	14,4	1,6	-

ных школ, где все ответили, что «очень хорошо» понимают по-русски.

По сравнению с опросом взрослого бурятского населения десятилетней давности значительно изменились оценки владения русским языком и взрослыми, и молодежью (рис. 5–8): по всем формам владения языком, кроме «пишу», оценка «очень хорошо» у учащихся оказалась выше, чем «хорошо», причем по форме «понимаю» больше, чем в два раза. Интересно, что взрослые респонденты, опрошенные в 1999–2000 гг., показали, что владеют письменными формами русского языка лучше, чем современные учащиеся. Количество оценивших себя «очень хорошо» намного больше. И, вероятно, так оно и есть, поскольку общеизвестно, что грамотность молодого поколения оставляет желать лучшего.

3.4. Как отмечает А. М. Шахнарович¹²³, степень владения тем или иным языком зависит от времени общения на этом языке и частоты переключения с одного языка на другой. Данные опроса свидетельствуют, что наиболее часто (35,6 % опрошенных учащихся-бурят) переключение с бурятского языка на русский производится в общественных местах (магазин, транспорт, службы быта), в учебном заведении (22,6 %). Однако чаще всего – 36,7 % – переход на русский язык происходит в случае, когда «собеседник не понимает Вас», т. е. бурятский язык играет определенную роль в национальной идентификации индивида, при выборе языка общения («с бурятами я говорю по-бурятски»). Вариант ответа «когда, по Вашему мнению, более престижно разговаривать на русском языке» выбрали 6,3 % респондентов.

Сравнение ответов об использовании бурятского и русского языков в различных ситуациях показывает, что социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия, повлекли существенные изменения в социальной структуре общества и соответственно отразились на результатах языкового обследования, проведенного среди взрослого бурятского населения в 1998–1999 гг. При опросе оказалось, что около 12 % респондентов безработные. Большинство показателей использования преимущественно бурятского языка – на работе, в общении с родителями, детьми, родственниками, в общественных местах – уменьшилось, но несколько изменилось соотношение город-село. В частности, обращают на себя внимание цифровые дан-

Рис. 5. Понимают по-русски

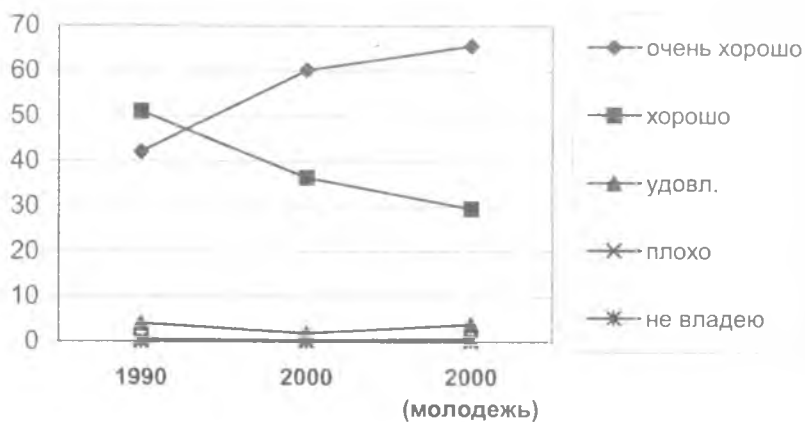

Рис. 6. Говорят по-русски

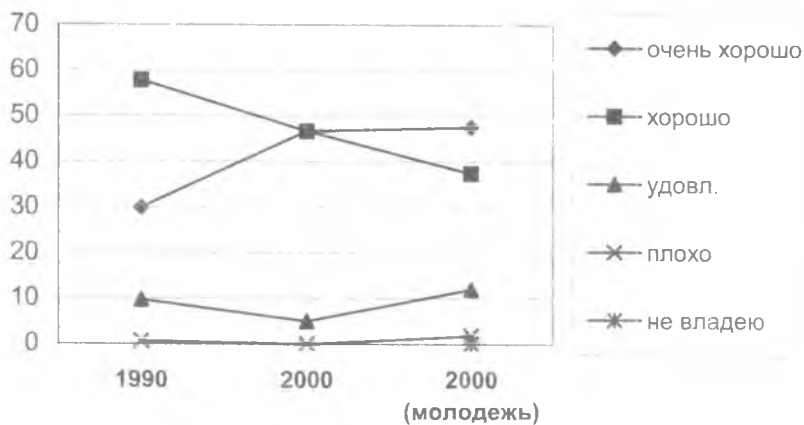

Рис. 7. Читают по-русски

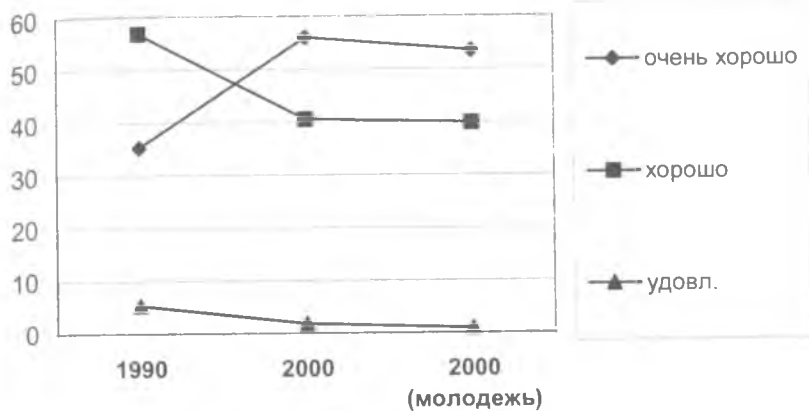
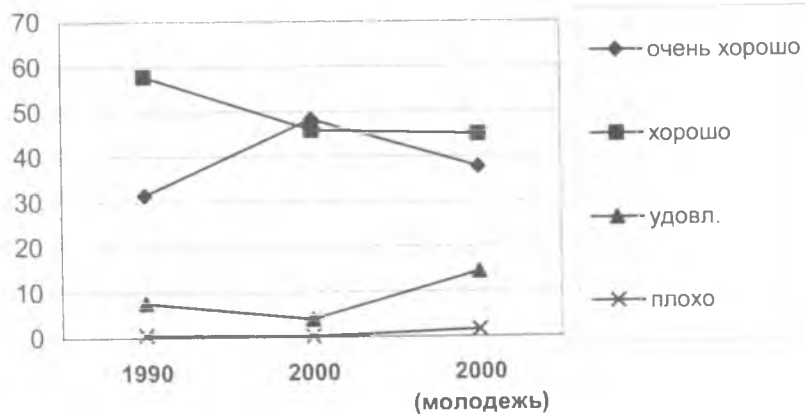

Рис. 8. Пишут по-русски

ные общения на бурятском языке с детьми: в городе они несколько увеличились (с 10,7 до 13,7 %), а в селе уменьшились (с 51,1 до 46,2 %). Возможно, это связано либо с миграцией сельского населения в город, либо, что было бы очень отраднo, с новой языковой политикой, с введением в обучение бурятского языка как предмета в школах г. Улан-Удэ. Достаточно существенно уменьшились показатели использования бурятского языка в общении с родственниками. На 10 % стали больше применять опрошенные в этом случае русский язык. Незначительны (1–2 %) изменения показателей общения на собраниях, в общении с женой/мужем, друзьями-соседями-бурятами, при переписке и чтении. Фактически увеличились почти все показатели употребления русского языка во всех сферах.

Молодежь использует бурятский язык (преимущественно или в основном) в различных сферах еще реже (табл. 6): в учебном заведении – 14,7 %, дома – 38,2 %, с друзьями-знакомыми – 19,5 %, с родственниками – 36,4 %, в общественных местах – 7,2 %. Читают литературу, газеты и журналы преимущественно на бурятском языке около 4 %, слушают радио и ТВ – 2,4 %, переписываются – около 3 %. Если десять лет назад на вопрос, на каком языке Вы разговариваете с родителями, 10,5 % взрослых респондентов ответили, что общаются с родителями только по-русски, то сейчас их 12,7 %, а среди молодых респондентов этот процент еще выше – 17,6 %.

Что касается сравнения по категориям учащихся, то, очевидно, что почти во всех сферах на первом месте по использованию бурятского языка стоят студенты бурятского факультета, кроме пунктов «в общественных местах» (здесь они уступили учащимся «отдаленных школ») и «смотрю спектакль» (учащиеся национального лицея № 1), причем дома они предпочитают родной язык в 90 случаях из 100, в общении с родственниками – 80, с друзьями-знакомыми – 69, в вузе – в 60. На втором месте по активности использования бурятского языка стоят учащиеся «отдаленных школ», но по ряду пунктов – чтение художественной литературы, газет, журналов, посещение спектаклей, написание писем – они уступают лицеистам, что вполне объяснимо, поскольку в сельской местности и художественная литература, и спектакли менее доступны. Интересно, что по сравнению с данными по взрослым носителям бурятского языка (село) 1989–1990 гг. все по-

Табл. 6. Сферы общения, когда респондент сожалел о незнании бурятского языка, %

Показатели	Студенты		Бурят. фак-т	ССУЗы		Гор. школы	
	буряты	русские		буряты	русские	буряты	русские
Дома, в быту	12,2	2,7	-	7,8	4,3	15,1	0,8
При общении с родств., друз.-бурятами	33,3	31,5	-	19,4	27,7	42,8	16,5
В общественных местах	8,0	21,5	-	5,8	19,1	12,0	13,2
При чтении литературы	13,6	8,1	3,9	10,7	10,6	10,2	6,6
При посещении театра	7,5	6,7	-	3,9	4,3	16,9	9,1
При просмотре и прослуш. теле- радиопрограмм	14,1	19,5	-	7,8	12,8	21,7	19,8
При посещении дашана, культ. мест	29,1	17,4	2,0	16,5	4,3	33,1	17,4
На торж. мероприятиях	18,3	12,8	2,0	9,7	10,6	15,7	5,0
Таких случаев не было	3,3	36,2	-	1,0	29,8	7,8	50,4
Другие случаи	2,3	1,3	-	1,0	2,1	2,4	2,5
Нет ответа	46,0	8,7	94,1	62,1	6,4	22,9	5,0

Окончание табл. 6

Интернат	Пригор. школы		Отдаленные школы		Итого	
	буряты	русские	буряты	русские	буряты	русские
8,8	7,8	2,3	6,0	-	9,1	1,8
23,1	33,6	34,9	20,9	32,9	27,6	27,5
2,2	12,5	20,9	5,7	26,3	7,4	19,7
17,6	14,8	4,7	19,9	17,1	14,5	9,2
17,6	7,8	4,7	3,2	-	8,0	5,7
11,0	11,7	23,3	8,5	13,2	11,9	18,1
23,1	21,1	20,9	14,5	10,5	21,7	15,1
7,7	10,9	11,6	9,6	5,3	12,0	8,9
1,1	4,7	23,3	1,8	35,5	3,2	38,1
5,5	1,6	-	0,4	-	1,7	1,4
53,8	43,8	18,6	52,8	3,9	48,5	7,6

казатели у них ухудшились, кроме сферы «общественные места», где молодежь общается по-бурятски немного чаще (18,1 % и 13,5 %).

Третью позицию занимают учащиеся ССУЗов, что объясняется высоким (80) процентом выходцев из села, а также тем, что среди опрошенных коллективов были педагогический колледж и Иволгинский сельскохозяйственный техникум, в которых достаточно активно преподается бурятский язык. Удивительно, что достаточно низкие показатели по преимущественному применению бурятского языка в различных сферах имеют учащиеся национального лицея. Причем в школе лишь 9,9 % из них, в основном, общаются по-бурятски, хотя 40,7 % ответили, что обычно в школе говорят по-русски, иногда – по-бурятски. Данный вариант ответа наиболее распространен среди учащихся лицея. Возможно, этот факт объясняется относительно высоким процентом учащихся, родившихся в городе, а также установкой лицея на качественное владение двумя языками (бурятским и русским). В частности, по вопросам об использовании языков при чтении и письме, прослушивании радио и ТВ-передач у учащихся лицея достаточно высокий процент ответивших, что применяют оба языка, но чаще всего в данных сферах употребляют оба языка студенты бурятского факультета (60,8 % – при чтении художественной литературы, 49,0 % – чтении специальной литературы, 45,1 % – слушают радио и смотрят телевидение, 51 % – пишут лекции, 39,2 % – смотрят спектакли). Неважно обстоят дела в пригородах Улан-Удэ, где показатели сопоставимы с показателями по студентам. И, конечно, меньше всех используют бурятский язык городские школьники. Лишь 5,4 % ответили, что дома преимущественно общаются по-бурятски.

Сферы функционирования бурятского языка все более ограничиваются. Все меньше стимулов для русскоязычного населения и для самих бурят в овладении им.

3.5. Общеизвестно, что значение школы в овладении письменными формами языка очень велико и, как показывает опрос, введение преподавания бурятского языка незначительно, но все-таки сказалось на уровне его владения опрошенными. Возможно, что минимальные изменения связаны с тем, что только 51,8 % бурят (и 18,8 % русских) оказались довольными преподаванием бурятского языка, 25 % охарактеризовали преподавание отрицательно. Преподаванием, в основном, довольны учащиеся бурятского факультета БГУ, национального

лица № 1 и отдаленных сельских школ республики. Самые низкие показатели у учащихся городских школ, причем и у бурят (29,5 %), и у русских (9,9 %). Среди них меньше всех желающих изучать бурятский язык, знать его в совершенстве – соответственно 73,5 % и 28,9 %. Были и очень категоричные ответы типа «я его ненавижу», «не хочу», «у него нет перспектив». Наблюдались случаи, когда хорошо владеющие бурятским языком отвечали, что им безразлично, как его преподают. Они считают, что если знают язык, то неважно, будут ли остальные знать его. Были также варианты ответов русских учащихся, что они не знают бурятский язык, потому что его не преподавали в школе. Интересно, что самые высокие показатели среди русских учащихся, довольных обучением и желающих его изучать, дали ССУЗы: 48,9 % и 70,2 %. Возможно, это опять же объясняется достаточно высоким процентом выходцев из сельской местности. Сравнение ответов на внешне сходные вопросы «Хотели бы Вы изучать бурятский язык?» и «Хотели бы Вы знать его в совершенстве?» показывает в среднем разницу ответов на 10 % в пользу второго вопроса. Этот факт объясняется тем, что часть опрошенных считают, что знают язык. Часто отрицательные ответы означают либо нежелание отвечать на вопрос, либо отсутствие обучения.

Среди причин нежелания или невозможности изучать бурятский язык большинство указали на то, что испытывают трудности в изучении языков, на втором месте стоит ответ, что он им не пригодится в жизни. При этом чаще всего не владеющие бурятским языком сожалеют о том, что незнание бурятского языка сказывается в ситуациях общения с родственниками, друзьями-бурятами (табл. 7). 21,7 % респондентов-бурят отметили случаи посещения дацанов и культовых мест, чтения литературы на бурятском языке (14,5 %), а 38,1 % русских ответили, что таких случаев не было. На втором месте у них стоит вариант «при общении с родственниками, друзьями-бурятами» (27,5 %), на третьем – «в общественных местах, на улице, в транспорте, магазинах». Для молодежи наиболее значимой в языковом плане оказалась сфера общения с родственниками, друзьями-бурятами, а для городских старшеклассников – язык СМИ и язык общения при визитах в дацан. Интересно, что в отличие от бурятской молодежи русская (и студенты, и учащиеся ССУЗов, и школьники в дальних районах) достаточно чувствительна к языку в общественных местах.

Табл. 7. Мотивы изучения бурятского языка, %

Ответ	Студенты		Бурят. фак-т	ССУЗы		Гор. школы	
	буряты	русские		буряты	русские	буряты	русские
Потому, что считаю родным	60,6	2,0	92,2	80,6	2,1	51,2	2,5
Потому, что его преподавали (ют)	15,5	4,7	15,7	12,6	27,7	37,3	25,6
Потому, что нравится изучать язык	6,6	3,4	21,6	9,7	23,4	6,6	4,1
Потому, что заставляют родители	3,8	—	2,0	5,8	6,4	5,4	1,7
Потому, что он помогает в общении с друзьями, родственниками	16,9	12,8	23,5	21,4	25,5	16,9	3,3
Он позволяет познакомиться с достиж. бур. нац. культуры	24,4	16,8	58,8	21,4	17,0	25,9	10,7
Другие причины	1,9	6,0	—	1,9	10,6	1,8	1,7
Нет ответа	13,6	65,1	—	2,9	—	12,7	60,3

Окончание табл. 7

Интернат	Пригор. школы		Отдаленные школы		Итого	
	буряты	русские	буряты	русские	буряты	русские
87,9	62,5	—	82,6	6,6	71,3	2,8
20,9	18,0	7,0	22,0	46,1	21,3	20,4
5,5	7,0	11,6	14,5	18,4	9,8	9,2
2,2	5,5	—	2,8	3,9	4,0	1,8
31,9	16,4	14,0	25,5	25,0	21,3	13,8
60,4	20,3	4,7	33,7	21,1	31,2	14,7
3,3	3,1	—	0,4	1,3	1,6	3,9
—	12,5	72,1	0,7	23,7	6,9	50,2

К сожалению, относительно невысокий рейтинг у ответа «чтение литературы», что свидетельствует об отсутствии интересной литературы на бурятском языке, низких требованиях преподавания бурятского языка и литературы. А в целом низкие показатели всех вариантов ответов говорят о том, что стимулов для коренного и русскоязычного населения к овладению бурятским языком недостаточно.

Основным мотивом изучения бурятского языка для бурятской молодежи является признание его родным (табл. 8), на втором месте

Табл. 8. Использование бурятского и русского языков в различных сферах общения, %

Сфера общения	В основном, по-бурятски	В основном, по-русски	На обоих языках	Нет ответа
ВУЗ (школа, техникум)	14,7	72,6	7,6	4,9
Дома	38,2	50,5	10,2	1,1
С друзьями, знакомыми	19,5	64,7	14,0	1,8
С родственниками	36,4	48,9	12,3	2,5
В общественных местах	7,2	80,7	8,2	3,9
Чтение худ. литературы	3,3	79,4	11,4	5,9
Чтение спец. литературы	2,1	70,6	9,5	17,7
Чтение газет/журналов	1,5	75,6	7,7	15,1
Слушание радио, просмотр ТВ-передач	2,4	81,5	9,9	6,2
Смотрят спектакли	3,8	64,1	10,0	22,1
Пишут письма	2,8	86,1	6,2	4,9
Пишут лекции	0,8	78,3	4,4	16,4
Пишут записки	2,0	79,0	4,3	14,9

стоит ответ «потому, что он позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры, религии», на третьем – «потому, что его преподавали (ют) в школе», «потому, что он помогает в общении с друзьями, родственниками». Причем для учащихся городских школ характерно несколько иное ранжирование ответов: лишь 51,2 % (меньше всех) указали, что изучают бурятский язык потому, что он родной, на втором месте стоит вариант «потому, что его преподавали в школе». Учащиеся русской национальности предпочли ответ «потому, что его преподавали в школе...» Очень многие ответили на во-

прос отрицательно (50,2 %). Среди открытых ответов наблюдаются варианты: от «навязали» до «надо знать для самооценки», «понадобится в институте», «потому, что друзья-буряты».

3.6. О степени социальной активности молодого поколения, их информированности о политической жизни республики, заинтересованности и готовности к проведению мероприятий по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», а также отношении к происходящим в обществе изменениям можно судить по ответам на вопросы, связанным с государственным бурятским языком. О том, что существует такой закон, в среднем ответила лишь четверть опрошенных учащихся, что, вероятно, связано не только с недостаточной информированностью населения, но скорее всего с индифферентным отношением к проблеме. Если среди русских учащихся амплитуда положительных ответов по выделенным категориям составляет 15–19 % и только 32,9 % учащихся удаленных районов составили исключение, то среди бурят колебания более значительны: от 15,7 % – в городских школах до 58,2 % – в национальном лицее.

Положительно принятие закона оценили 36 % русских молодых людей и 58,2 % бурят. Причем доля положительных ответов в городских школах (55,4 %) превысила таковую в пригороде (46,1 %), что еще раз подтверждает своеобразие языковой ситуации в пригородах, поселках городского типа. 17–20 % русских учащихся относятся положительно к введению бурятского языка в делопроизводство, СМИ, сферы обслуживания и 54 % – к введению его в образование. Во всех случаях самые высокие показатели у учащихся ССУЗов: 34–36 % – за введение бурятского языка в делопроизводство, СМИ, общественных местах и 70,2 % – в образование. 38 % молодых бурят ответили положительно на вопрос о введении бурятского языка в делопроизводство, 48 % – в общественных местах, 53 % – в СМИ и 81,6 % – в образовании.

56,2 % опрошенных учащихся русской национальности, обучающихся совместно с бурятами, согласны с тем, чтобы лица небурятской национальности изучали бурятский язык. Среди бурят положительно ответили 72,1 %. Имеются и очень категоричные ответы против обучения, но таких единицы. Основная масса респондентов относится к данной проблеме положительно. Преподавание бурятского языка в

учебных заведениях воспринимается более естественным и привычным. Если бы такой опрос был проведен 10–15 лет назад, то данные показатели были бы намного ниже. К сожалению, и среди бурятских (22,4 %), и среди русских учащихся (около 35 %) выявлен относительно высокий процент тех, которые безразлично относятся к этой проблематике. Однако они оказались очень активными, отвечая на вопрос: Как Вы считаете, должен ли Президент Бурятии знать бурятский язык? 92,6 % учащихся-бурят и 84,6 % русских (в ССУЗах – 91,5 %) положительно ответили на этот вопрос.

О степени престижности бурятского языка, его востребованности можно судить по ответам на ряд вопросов. В частности, более 90 % лиц бурятской национальности ответили, что они хотели бы, чтобы их дети знали родной язык, 45,6 % русских также не против того, чтобы их дети изучали бурятский язык. Причем самый высокий процент выявлен опять же у учащихся техникумов (57,4 %), а самый низкий – у старшеклассников городских школ (26,4 %). По данным опроса Н. С. Бабушкиной¹²⁴, более 60 % молодых бурят (16–30 лет) выразили желание обучать детей в русской школе с преподаванием бурятского языка, 14,5 % – в бурятской школе с преподаванием русского языка и 4,8 % – в школе только с русским языком обучения. Престиж русскоязычного образования остается достаточно высоким.

Поскольку отношение к языку обычно коррелирует с языковой способностью, в ходе опроса была сделана попытка не только выявить, какова связь самоидентификации молодых бурят с уровнем языковой компетенции, фоновыми знаниями, но и определить их мнение относительно языка как основной характеристики общности бурят. Как показал опрос, язык (54,4 %) занимает второе место по степени значимости после культуры, обычаев, традиций (79 %) в оценке характеристик, объединяющих бурят (табл. 9). Причем эта последовательность сохраняется и в оценках, данных русскими учащимися, хотя значения этих оценок существенно различаются так же, как и в ответах на вопрос: является ли язык признаком национальной принадлежности. Более 80 % лиц бурятской национальности ответили на этот вопрос положительно, примерно на 20 % меньше положительных ответов дали русские учащиеся.

Табл. 9. Оценка характеристик, объединяющих бурят, %

Показатель	Студенты		Бурят. фак-т	ССУЗы		Гор. школы	
	буряты	русские		буряты	русские	буряты	русские
Происхождение	37,1	28,2	45,1	24,3	10,6	42,2	25,6
Внешность	20,2	20,1	21,6	24,3	14,9	29,5	32,2
Культура...	80,8	71,1	88,2	68,9	74,5	84,3	76,9
Родная Земля...	51,6	34,2	49,0	36,9	27,7	55,4	42,1
Религия	50,7	34,2	56,9	26,2	25,5	53,0	39,7
Язык	54,5	38,3	66,7	48,5	36,2	50,6	42,1
Другие случаи	0,5	0,7	-	-	-	1,2	0,8
Нет ответа	2,3	5,4	-	1,9	6,4	-	6,6

Окончание табл. 9

Интернат	Пригор. школы		Отдаленные школы		Итого	
	буряты	русские	буряты	русские	буряты	русские
36,3	29,7	14,0	32,6	38,2	34,8	25,9
23,1	18,0	23,3	20,9	27,6	22,3	24,5
84,6	82,0	69,8	73,4	68,4	79,0	72,5
35,2	43,0	23,3	44,0	48,7	46,0	37,2
45,1	36,7	44,2	44,0	39,5	44,9	36,7
81,3	45,3	1,6	52,1	42,1	54,4	39,4
-	-	-	0,4	1,3	0,4	0,7
1,1	34,9	4,7	2,5	2,6	1,6	5,3

Проведенное обследование и сравнение с показателями прошлых лет выявили общую тенденцию ухудшения положения бурятского языка в Республике Бурятия, остаются значительными различия в знаниях бурятами родного языка, в их речевой практике: от свободно-связного высказывания до понимания отдельных слов и незнания ни одного слова. Сферы функционирования бурятского языка остаются очень ограниченными и соответственно недостаточно стимулов для его овладения. Несмотря на попытки изменить данную ситуацию, процесс улучшения пока не приобрел необратимый характер. Анкетирование и особенно лингвокультурологическая часть анкеты, к сожалению, подтвердили общую тенденцию ухудшения грамотности и русских, и бурятских учащихся. Можно только отметить достаточно высокий уровень языковой подготовки учащихся национального лицея № 1, которые показали отличное владение и бурятским, и русским языками, причем русский язык знают даже лучше, чем русские учащиеся в русских школах. Еще раз подтвердилось, что знание того или иного языка коррелирует со всеми оценочными вопросами, касающимися положения языка, его престижа. Опрос свидетельствовал, что молодежь в силу возраста, отсутствия жизненного опыта не всегда логична и последовательна, она не осознает связи, например, принятия закона о языках с введением его в обучение, средства массовой информации, понимание значения языка как культурного достояния не связывается с необходимостью самому знать этот язык, изучать его. Или, наоборот, отдельные респонденты ответили: они за то, чтобы бурятский язык ввели в различные сферы жизни, но сами изучать его не хотели бы, считают, что нет необходимости в его государственности.

§ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Вопросы взаимодействия бурятского и русского языков являлись объектами изучения многих бурятских лингвистов¹²⁵. Основное внимание было обращено на роль русского языка в жизни бурят, развитию бурятского литературного языка в условиях бурятско-русского двуязычия, интерферентным явлениям, заимствованиям.

К сожалению, в последние годы активное изучение проблем внутриязыкового взаимодействия двух контактирующих языков не ведется, хотя, очевидно, что любой этап развития языка представляет интерес, а тем более в условиях лингвистической неоднородности. Безусловно, что трудно рассмотреть все аспекты данной проблемы. Поэтому нами делается попытка, возможно, и несколько поверхностная, рассмотреть не только отдельные общие проблемы бурятского языкознания, но и конкретные вопросы коммуникативного приспособления во время речевого общения. Материалом в данном случае послужили и письменные тексты, и разнообразные записи устной речи, а также отдельные результаты обработки лингвистических тестов анкет, собранных во время обследования взрослого бурятского населения 1999–2000 гг.

4.1. Как отмечают большинство лингвистов-бурятоведов, до революции бурятский язык функционировал в виде диалектно-разговорной формы, что объяснялось уровнем его исторического развития. В период с начала контактирования бурят с русскими примерно до середины XVIII в. данный языковой контакт сводился к немногочисленным устным заимствованиям русских слов бурятами и бурятских слов русскими старожилами. В связи с проникновением старомонгольской письменности на территорию Забайкалья эти контакты расширились: русизмы стали проникать в старописьменный бурятский язык. И если устно, в основном, заимствовалась бытовая лексика, то с принятием письменности в бурятский язык стало больше проникать официально-деловой, общественно-политической лексики.

Языковые явления периодов крупных социальных изменений и революций специально исследуются лингвистами. Не являются исключением и языковеды Бурятии. Как уже отмечалось выше, для большинства языков народов России, в том числе и для бурятского, общепринятой является двухступенчатая периодизация национально-русского языкового взаимодействия: дореволюционная (Великая Октябрьская революция 1917 г.) и послереволюционная. Дореволюционный период характеризуется медленными темпами, обусловленными незначительными и нерегулярными контактами носителей языка, низким уровнем их образования (см. § 1). Соответственно заимствований было немного, главным образом, это были функционально необходимые слова, которые обозначали понятия, отсутствовавшие у бурят. Ввиду слабого владения бурятами русским языком, эти слова

проходили определенную обработку, национализировались или адаптировались, т. е. приводились в порядок, соответствующий звуковой системе заимствующего языка, и подчинялись в дальнейшем его словоизменительным и словообразовательным законам. Данный период оценивается бурятоведами как достаточно продуктивный для бурятского языка, поскольку адаптированная лексика обогащала его, усиливала выразительные средства.

Послереволюционный период всестороннего развития бурятского языка, в том числе взаимодействия с русским, когда возросло сознательное вмешательство общества в функционирование и развитие языков, также нашел свое отражение во множестве трудов бурятских лингвистов. К сожалению, они порой характеризуются достаточно противоречивым подходом к исследуемым явлениям, что во многом объяснялось политизированностью советской науки, в том числе и языкознания. Особенно это касалось терминологической лексики, которая заимствовалась всеми национальными языками Советского Союза в течение длительного периода буквально целыми группами¹²⁶. По подсчетам Г. Льюиса, русские заимствования составляли в среднем 70–80 % новых терминов, появившихся в 30–40-е гг. в языках народов СССР¹²⁷. Кстати, до сих пор слой заимствованной лексики из русского языка примерно одинаков во всех национальных языках России, процесс собственного словотворчества в них мало развит. Как выражаются лингвисты, длительное господство русского языка пассивизировало творческую деятельность национальных языков особенно в отношении экономических, политических терминов и понятий. Хотя, как отмечает А. А. Дарбеева, сохранение в общемонгольской терминологической системе «богатого» словарного фонда со своими отработанными моделями терминотворчества способствовало процессу формирования бурятской терминологии еще в дореволюционный период¹²⁸.

Культурное и языковое взаимопроникновение при разном уровне развития этнических общностей вначале происходит путем различных заимствований. В основном, заимствуются слова или словосочетания с национально-культурной спецификой значения, не имеющие эквивалента в сопоставляемом языке. Первоначальный этап бурятско-русского языкового контактирования соответствовал данному типу передачи слов. Начавшийся после революции период активного язы-

кового контактирования был недостаточно простым и неоднозначно оценивался лингвистами. В большинстве работ периода 30–60-х гг. проблемы национально-русского контактирования рассматривались односторонне и только как положительное явление, способствующее обогащению национальных языков, образованию общего лексического фонда в языках народов СССР. Так, в отношении проводившегося до 1937 г. процесса словотворчества в бурятском языке одними и теми же авторами высказывались разноречивые мнения. В 1947 г. Ц. Б. Цыдендамбаев пишет, что вплоть до 1937 г. проводилась «политика» выхолащивания революционного содержания нового литературного языка, всячески закрывался доступ в литературный лексикон советизмам и интернационализмам, заменяя их архаизмами, монголизмами или искусственно созданными синтаксическими сочетаниями. Между тем в языке ощущалась острая потребность в новых терминах, способных точно выразить многообразные проявления действительности, вызванные интенсивным ростом экономики и культуры Советского Союза. Поэтому массовое заимствование революционной и интернациональной терминологии было, бесспорно, явлением прогрессивным¹²⁹. Он же считал, что значительным стимулом к обновлению общественно-политической терминологии явилось принятие бурятами русского алфавита. Все это оправдывалось тем, что расширение сфер применения языка, возрастающее ускорение социально-профессиональной и функционально-стилистической дифференциации вызывают резкое увеличение его словарного состава, а бурятский язык собственными силами этого обеспечить не может. Однако уже в 1969 г. Ц. Б. Цыдендамбаев отмечает, что было крайностью, когда в период культа личности Сталина, руководствуясь его положением о все большем обострении классовой борьбы, стали изгонять со страниц печати идеологически чуждые слова, а на самом деле – слова высокого стиля, начали в массовом порядке и без разбора заимствовать слова из русского языка¹³⁰.

Очевидно, что данный процесс активного заимствования русизмов явился четко продуманной акцией, ведущей к интенсивной языковой ассимиляции, поскольку общеизвестно, что перенос готовых слов на новую почву влияет не только на словообразовательную систему языка-реципиента, его стилистику и даже синтаксис. Он сказывается и на фонетико-фонологическом уровне. При двуязычии из дру-

гого языка усваиваются лексические стереотипы, т. е. это влияние глубже. В конечном счете, оно воздействует на способ мышления, систему представлений народа, перенявшего новое слово нового понятия, не потрудившегося найти свой эквивалент или хотя бы адаптировать его к собственной языковой системе.

Безусловно, заимствования нужны, и без них невозможно обойтись, особенно в современных условиях. Но, видимо, не стоило их заимствовать в таком количестве, как в советское и постсоветское время. Как пишет А. Р. Будагов, лексика должна развиваться прежде всего за счет внутренних ресурсов языка, смыслового обогащения уже существующих слов, за счет словолпроизводства и словообразования¹³¹. Заимствованная лексика обязательно должна быть переведена. А поскольку перевод может быть смысловым, описательным, буквальным и в виде транслитерации, то, видимо, необходимо использовать все разнообразие переводов, что будет способствовать обогащению языка. Как отмечает Д. Л. Шагдарова¹³², для языка предпочтителен описательный способ перевода, хотя при этом возникает многовариантность переводов и чаще они представляют собой сложные словосочетания. Таким образом, нарушается закон экономичности языка, что, в свою очередь, опять же способствует употреблению русского эквивалента. Очевидно, что такая работа потребует творческого отношения и больших усилий не только ученых-филологов, но и писателей, журналистов, преподавателей. Интересно замечание В. И. Беликова и Л. Б. Никольского¹³³ о том, что в странах, не подвергшихся колониальным захватам, вместо фонетических заимствований наблюдается множество калек, что объясняется пуристическими тенденциями в языковой политике. Они считают, что важнейшим условием заимствований являются официальный статус и престиж контактирующих языков, которые определяются объемом коммуникативных функций, давностью литературных традиций, социальным положением носителей языка. Можно добавить, что, как и в нашем случае, степень заимствований объясняется повышением общего образовательного уровня бурят, причем русскоязычного образования, а также политикой заимствований, которая определялась языковой политикой советского многонационального государства в отношении языков малочисленных народов.

В настоящее время во всех национальных языках России заимствованная из русского языка лексика нищется по нормам русской орфографии, что было направлено на сближение письменных характеристик. Практически все нормативные описания формировались и составлялись под влиянием русской грамматики, русского языкознания. Об ориентации национального языкознания на русское, как на источник обогащения и развития, писали все ведущие лингвисты страны. Лишь в 80-е гг. XX в. Ц. Б. Цыдендамбаев отмечал, что при составлении бурятской грамматики необходимо исходить из самого языка, нет необходимости все автоматически переносить из русского языкознания. Интересно замечание В. М. Алпатов, что Г. Д. Санжеев вспоминал, как в 30-е гг. при написании учебных грамматик для языков народов СССР распространился метод «шапирографии»: брали учебную грамматику профессора А. Б. Шапиро, заменяли наименование языка, примеры, вносили определенные коррективы типа исключения категории рода, если их в языке не было. «Всерьез господствовали представления о том, что язык тем совершеннее, чем его грамматика более похожа на русскую. Поэтому старались развить прилагательные там, где они не составляют особую часть речи, изменить порядок слов в соответствии с русским...»¹³⁴

4.2. Особенностью бурятского языка является неравномерная по диалектам и говорам степень лингволяльности, терпимости к несвоему объему заимствований в языке, что во многом объясняется историко-социальными фактами развития бурятского народа. Здесь мы сталкиваемся с одной из наиболее сложных проблем бурятоведения, проблемой бурятского литературного языка.

Проблема литературного языка является важнейшим вопросом социолингвистики и лингвистики вообще. Относительно бурятского языкознания она имеет две основные стороны: теоретическую и практическую, которые тесно взаимосвязаны с выработкой единых для всего бурятского социума норм. Считается, что бурятский литературный язык относительно высокорегламентированный язык, однако до сих пор носители западного диалекта отказываются воспринимать его в качестве языка образования и языка межличностного общения. В последнее время проблема единства к тому же осложняется, во-первых, сокращением сфер использования литературного языка (в

частности, все меньше издается литературы на бурятском языке), а, во-вторых, все более развивающимся билингвизмом носителей языка.

Общеизвестно, что становление любого национального языка во многом определяется развитием его литературной формы. Литературный язык – наддиалектная форма существования языка, вершина речевой культуры, эталон нормативных явлений, сокровищница культурных традиций народа, достижений мастеров слова, поэтов, писателей. Очевидно, что каждый язык имеет свою историю формирования литературного языка. Особенностью развития большинства национальных языков бывшего Союза был единый командно-административный подход к языковым реформам, к оценке этих реформ. В частности, в советском языкознании бытовало мнение, что литературные языки большинства малых народов сформировались в послеоктябрьский период. Однако, как отмечают сегодня многие языковеды национальных республик, истинная картина истории развития национальных языков и их форм требует некоторого уточнения. Многие из них имели письменные источники и памятники, язык которых носит признаки литературного языка. Не является исключением и бурятский язык. Как отмечалось выше, данную точку зрения активно отстаивает Д.-Н. Д. Доржиев. Л. Д. Шагдаров считает, что становление бурятского литературного языка началось в 20-е гг. на основе еще старомонгольской письменности, что подтверждает анализ литературы, изданной в те годы. Именно в художественной литературе заметно вытеснение старомонгольских элементов элементами народно-разговорного языка¹³⁵. Экстенсивное «развитие» национальных литературных языков в советский период привело к тому, что социальной базой носителей литературных форм большинства из них стали сельские жители отдельных районов, диалекты которых были взяты за основу нового литературного языка. Кстати, они в большинстве своем и не осознают себя избранниками, не понимают своего значения как носителей определенной речевой культуры. Современные проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами становления, соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования.

Практическая сторона проблемы бурятского литературного языка нашла отражение в ряде предложений относительно расширения со-

циальной базы бурятского литературного языка. В частности, предложение Ц. Б. Цыдендамбаева изменить подход к литературному бурятскому языку, усилить демократические процессы в литературном языке, приблизив его к диалектной речи народных масс и обратив пристальное внимание на усиление тех функций, которые связаны с устным его употреблением¹³⁶ с целью, чтобы он как явление социальное обеспечивал возможность общения в различных сферах деятельности, находится в русле пражской теории литературного языка, которая под понятием нормы понимала совокупность грамматических средств, находящихся в коллективном употреблении и стремящихся к стабилизации¹³⁷. Однако, как отмечают многие исследователи, в последние годы во многих странах намечается тенденция поддержки не только языков меньшинств, но и диалектов. Вероятно, необходимо поддерживать не только интеграционные языковые процессы, нужно поддерживать любую тенденцию к сохранению языка, в любом виде.

В целом можно указать, что в советское время по ряду причин (обширный регион проживания бурят, скрытое недовольство, что за основу взят не их собственный диалект, недостатки образовательной системы и др.) нивелирования диалектных различий фактически не произошло и для речи отдельных представителей интеллигенции, носителей различных диалектов характерно осознанно развитое явление диглоссии, причем не только диглоссии бурятский литературный язык – бурятский диалект, но и бурятский язык (в виде диалекта или литературной формы языка) – русский (просторечье или литературная форма). К тому же замедленный темп стандартизации приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными к созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры. Можно предположить, что на западные говоры больше влияет русский язык, а на южные – монгольский. К сожалению, этот процесс активно не изучается и не контролируется. Цели экспедиционных исследований, проводившихся в 60–80-х гг. отделом языкознания ИМБит СО РАН прошлого века, в основном, были направлены на изучение особенностей говоров, а вопросы их развития в условиях иноязычного влияния затрагивались недостаточно.

К сожалению, слабо определенными и соответственно изученными являются разговорное просторечье, социолекты, жаргоны. Нет

единого мнения относительно бурятских диалектов, даже их число варьирует у разных авторов. Так, Т. А. Бертагаев¹³⁸ выделяет четыре диалекта: западный, восточный, южный и нижнеудинский; и 11 говоров, которые, в свою очередь, распадаются на подговоры. А. А. Дарбеева¹³⁹ считает, что бурятский язык подразделяется на три диалекта: западный, восточный и южный, 14 говоров и 7 подговоров. И. Д. Бураев с Д. Д. Ошоровым (в проекте статьи «Бурятский язык» для социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации») делят бурятский язык на четыре основных наречия (диалектные группы): хоринскую, цакающую (южную), эхирит-булагатскую и аларо-тункинскую. Выделение данных групп, считают авторы, отчасти связано с этническим делением носителей языка, хотя и не совсем: северноселенгинские буряты генетически относятся к эхиритам, а по языку – более к хоринскому диалекту.

4.3. Соотношение бурятский – русский язык характеризуется тем, что в настоящее время языки имеют одинаковый юридический статус, но функциональные возможности, как отмечают большинство исследователей, бурятского языка значительно ниже и достаточно не развиваются. Бурятско-русское двуязычие, в основном, характеризуется функциональным распределением языков, когда русский язык соотносится с нетрадиционными для бурят сферами деятельности, а родной используется в повседневном-бытовом общении.

Взаимодействие языков способствует развитию различных типов бурятско-русского билингвизма. Среди выделяемых обычно типов билингвизма¹⁴⁰ для бурят наиболее характерными являются активная субординативная форма с соблюдением норм обоих языков с незначительной интерференцией и репродуктивная форма, когда используются преимущественно русский или бурятский язык со вторым языком на уровне репродуктивного билингвизма. В последние годы все более увеличивается число носителей пассивного билингвизма, воспринимающих бурятский язык, но воспроизводящих его с трудом. К числу тех, кто владеет активным координативным (полное соблюдение норм обоих языков) двуязычием, относятся обычно представители так называемой гуманитарной интеллигенции (преподаватели, научные работники, журналисты), обучавшиеся в школе, а иногда и в вузе, бурятскому языку. И если раньше у бурят отмечалось активное

контактное двуязычие, которое развивалось у городских бурят при непосредственном общении с представителями других национальностей, то в последние десятилетия можно говорить о массовом пассивном культурном двуязычии, которое распространяется в отдельных сельских районах через радио, телевидение и другие средства массовой информации. Наблюдающийся значительный перевес числа носителей русского языка даже среди бурят имеет тенденцию к усилению. Часто причинами предпочтения русского языка бурятскому являются степень владения тем или иным языком и стереотип языкового поведения.

Таким образом, в настоящее время можно говорить практически о четырех видах двуязычия на базе бурятского и русского языков: 1) бурятско-русское двуязычие у бурят, 2) русско-бурятское двуязычие у бурят, 3) бурятско-русское двуязычие у русских, 4) русско-бурятское двуязычие у русских. Если первый вид двуязычия достаточно изучен, имеются различные, в том числе и статистические, данные по этому виду, то остальные три требуют не только исследования, но и внимательного отношения, поскольку от них во многом зависят и будущее положение бурятского языка в Бурятии, и моральный климат в республике.

Если судить по данным, полученным в результате проведенного в 1989–1990 гг. обследования¹⁴¹, в частности, по уровню владения бурятами бурятским и русским языками, то посетителями русско-бурятского двуязычия среди них являются примерно 23 % (ответивших, что удовлетворительно и плохо говорят по-бурятски) опрошенного взрослого населения этнографической Бурятии.

Бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских представлено редко и, в основном, у лиц, живущих в сельской местности, в окружении природных одноязычных носителей бурятского языка. По данным переписи населения 1989 г., 0,3 % русских ответили, что знают бурятский язык, однако имеются сведения, что в сельской местности около 40 % русскоязычного населения в той или иной степени владеют бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляет 27 %¹⁴².

4.4. Особенности внутривидовых изменений бурятского языка под влиянием русского нашли отражение в серии работ¹⁴³. Все авторы отмечают, что на всех уровнях бурятского языка произошли су-

ществленные изменения, даже на уровнях внутренней структуры – фонологической, морфологической и синтаксической, обладающих большой устойчивостью. Основная тенденция этих изменений: помимо увеличения лексического фонда, появляются общие с русским языком черты в структуре предложений, стилистике, организации текста.

На лексико-семантическом уровне, кроме активного пополнения словарного состава бурятского языка за счет заимствований из русского языка, незначительных – из монгольского языка¹⁴¹ и отчасти за счет собственных ресурсов – идет процесс изменения парадигматических отношений между его единицами, более разнообразными становятся формы выражения понятий, расширяются возможности сочетаемости слов, а также синонимические ряды за счет включения русизмов и монголизмов: нация – *үндэһэ яһатан*. Очевидно, что это явление наиболее характерно для разговорной речи, где параллельно употребляются *хото* и город, работа и *ажал*, *хүдэлмэри*, еще и *үшөө*, ладно и *зай*.

Обогащение фразеологического фонда бурятского языка идет, главным образом, за счет продолжающегося процесса активного проникновения русских фразеологизмов¹⁴² чаще путем заимствования (*агропромышленно комплекс*, *полкын командир*) и реже калькирования (*асуудал табиha* ‘ставить вопрос’, *Кировэй нэрэмжэтэ* ‘имени Кирова’, *үнэхөөрөөл тиимэ* ‘а ведь и в самом деле’, *жэлһээ жэлдэ* ‘год от года’). Так же, как и на лексическом уровне, заимствуются или калькируются фразеологические единицы, обозначающие относительно новые для бурятской действительности денотаты: *товарна вагон*, *соведэй секретарь*, *үдэрэй дэбтэр* ‘дневник’, *өөрөө һуралга* ‘самообразование’. Возможно также образование полукалек, когда один компонент фразеологизма – русская лексема, наличие которой объясняется отсутствием в бурятском языке соответствующего эквивалента: *минеральна үтэгжүүлгэ* ‘минеральное удобрение’. Через русский язык все больше проникают интернациональные фразеологизмы: *арбитражна коллеги*, *полиграфийн институт*. Калькирование чаще приводит к увеличению протяженности слова или словосочетания, поскольку осуществляется вербальный перевод определительного компонента. Поэтому калькирование менее популярно, чем заимствование.

Специализация словообразовательных моделей и аффиксов отмечается как одна из основных тенденций во многих языковых системах, особенно в контактируемых языках, когда, наряду с активным лексическим заимствованием, особенно терминологии, заимствуются словообразовательные модели. Со временем данный тип словообразования распространяется на отдельные лексические слои литературного языка. Так, заимствование из русского языка в разные периоды непронизводных слов и производных от них в русском языке единиц увеличивает количество словообразовательных суффиксов бурятского языка, поскольку в нем такие слова воспринимаются как производящими и производными, к которым могут присоединяться собственно бурятские суффиксы: *крановицигууд* 'крановщики'. Данный процесс активизирует процесс производства подобных моделей, расширяя потенциальные возможности бурятского словообразования. Пока русские суффиксы не используются в бурятском словообразовании и формообразовании, и чаще от заимствованных слов новые бурятские слова образуются с помощью собственных бурятских суффиксов (*бомбо* – *бомбодолго* 'бомбардировка', *команда* – *командалха* 'командовать', *саахар* – *саахарлиг* 'сахаристый'). Но через русский язык они уже входят в состав бурятского языка и, следовательно, их необходимо выделять при морфемном анализе. Точно также звуковая организация бурятского языка, претерпевшая значительные изменения под влиянием русского, помимо расширения свода новых фонем в, ф, ц и новых сочетаемостей согласных и гласных, фактически должна включать новые для него явления звуковой системы, которые возникли в результате проникновения русских неадаптированных заимствований и которые уже закрепились в словарях и правилах бурятской грамматики. В новой академической грамматике бурятского языка достаточно внимания должно быть уделено новым языковым явлениям, возникшим на базе массового бурятско-русского двуязычия.

Словообразовательные модели распределяются между подсистемами языка не жестко, а статистически, типа: слова, образующиеся по модели X, в сфере такого-то общения (подсистеме) У более частотны, разнообразны, чем в подсистемах А, Б и др. Как считает А. А. Дарбеева¹⁴³, заимствование бурятами у русских системы образования фамилий демонстрирует тенденцию проникновения отдельных, наиболее частотных суффиксов русского языка в бурятский. Л. Д. Шагда

ров указывает¹⁴⁷, рассмотрев особенности влияния русского языка на бурятский почти на всех уровнях, наиболее продуктивными в современном бурятском литературном языке являются суффиксы *-лга* и *-лта*, с помощью которых образуются отглагольные существительные, которые неустойчивы, но многочисленны: *бэиэлгэ* 'писание', *тоололго* 'считание'. Обогащение словарного запаса происходит также с помощью получения словом нового значения или расширения его семантического поля, образования неологизмов и калькирования основ.

Формообразовательная система бурятского языка пока сохраняет устойчивость, но в разговорной речи наблюдаются случаи смешения, когда заимствованное русское слово используется по правилам русской грамматики: *тэрэ соседкаяя попросил* 'ту соседку попросил'.

Как полагают большинство исследователей, влияние русского языка в области синтаксиса сказалось, в основном, на широком распространении именных словосочетаний, односоставных предложений (с отсутствующим глагольным компонентом), в газетном тексте стали встречаться конструкции с инверсией, в прошлом нехарактерные для бурятского языка, наметилась общая тенденция к аналитизму. Все большее распространение в бурятском языке получают частицы, обобщающие и вводные слова, калькированные выражения типа *үнэн дээрээ* 'по правде', *сэхынь хэлэхэдэ* 'откровенно говоря', *минии ханахада* 'по-моему (мнение)'. Расширение словосочетательных возможностей способствовало активизации родительного, дательного-местного и орудного падежей, влияние русского языка сказалось и на усилении функции согласования определения и определяемого в числе. Очевидно, что усиление этих возможностей способствовало тому, что в составе словосочетаний могут быть единицы и бурятского, и русского языков.

4.5. Как и в других языках, наиболее устойчивой к иноязычным влияниям является литературная форма языка. Так, в речи специалистов-литераторов, журналистов, ведущих радио и телевидения, актеров ГБАТД количество заимствований и интерферентных явлений незначительно. Естественно, их немного в языке средств массовой информации и в произведениях художественной литературы. Например, в тексте произведений Х. Намсараева доля русских заимствований составляет 1,81 %, в словаре чуть больше – 4,11 %. По обоим па-

раметрам выделяются четыре повести («Илалтын туяа», «Алтан эбэ», «Нэгэтэ хүни», «Эдиршүүд»), в которых описывается жизнь бурятской деревни 1930–1940 гг., периода активного проникновения русских слов в бурятский язык. Однако их введение в лексикон произведений вызвано необходимостью стилизации. В данном случае на соотношении числа заимствований и исконных слов временной факт существенно не отразился. Подтверждением тому служат небольшие доли заимствованных слов в послевоенных произведениях: повестях «Эжэл гурбан нүхэд», «Тэршээхэн унаган» и в романе «Үүрэй толон». Заимствованная русская лексика представлена в словаре писателя пятью частями речи: существительными (88,84 %), прилагательными (8,47 %), глаголами (1,86 %), наречиями (0,4 %) и междометиями (0,4 %). Случаи последних единичны: *культурнаар*, *большевисткээр*, *ура!*, *фу!* Более употребительными среди существительных являются: *колхоз*, *гулваа*, *город*, *бригада*, *стол*, *полицы*, *машина*. Наиболее распространенными – *хармаан* ‘карман’, *город*, *стол*, *машина*, *парти* ‘партия’, *үйлэ* ‘улица’, *газетэ* ‘газета’. Среди прилагательных более высокочастотные: *советскэ* ‘советский’, *партийна* ‘партийный’, *ленинскэ* ‘ленинский’, *революционно* ‘революционный’, *национальна* ‘национальный’, *электрическэ* ‘электрический’, а среди глаголов – *хаарталда*- ‘играть в карты’. Часты случаи образования новых слов от русской основы с помощью бурятского суффикса. Все глаголы и наречия, а также некоторые существительные оформлены с помощью бурятских словообразовательных суффиксов: *хаарта*- → *хаарташан* → *хаарталда*- ‘карты → картежник → играть в карты’, *хармаан* → *хармаанлуула*- ‘карман → разрешить положить в карман’, *бомбо* → *бомбодо*- ‘бомба → бомбить’, *большевистскэ* → *большевистскээр* ‘большевистский → по-большевистски’ и др. При образовании новых значений имен существительных наиболее употребительными являются суффиксы -шан и -хии. Однако можно с уверенностью указать, что основная масса существительных, прилагательных, а также междометия заимствуются как цельнооформленные единицы, без фонетической или грамматической модификации. При этом у некоторых заимствуемых прилагательных окончания -ий, -ый, -ая, согласнo действующему в бурятском языке закону сингармонизма, заменяются на -а, -э, но встречаются случаи типа ‘волостной’. Русизмы в произведениях Х. Намсараева используются при образовании полу-

калек: *бага калиберка и улаанармеец*, а также парных слов: *түсэб план, хото город, эмизн доктор, хүмэ собор*. Кроме того, возможно образование парного слова из двух русских компонентов: *артель колхоз, хасаг солдаад*.

Язык средств массовой информации – особый тип литературной речи, универсальной по тематическому составу, синкретичной по использованию элементов устной и письменной речи, более функциональной по стилистике. Рассматривая особенности бурятского языка в СМИ, можно с достаточной точностью определить новые, в том числе и заимствованные, элементы, явления, которые возникают на всех уровнях языка в процессе развития и расширения общественных функций языка. В частности, в настоящее время идет возрождение историзмов, особенно обрядовой, религиозной лексики. Элементы общественно-политической лексики, которые уже перешли в разряд историзмов, вновь вошли в обиход: *дүүмэ* – дума. Анализ лексики газеты «Бурят Унэн» показал, что заимствованная (русская) лексика составляет около 10 % текста, причем четвертую часть этих слов составляют имена собственные, аббревиатуры. Русизмы иногда вставляются целыми фразами-вкраплениями в виде названий спектаклей, видов конкурсов, названий газет и журналов, кафедр институтов, высказываний отдельных личностей. Так же, как и в основном словаре, большинство русских заимствований являются именами существительными: около 90 %, на втором месте – прилагательные (примерно 10 %). Глаголы и наречия встречаются очень редко, четыре глагола (*воспитывайха, надоел, командалха, бомбодохо*) – на 40 тыс. словоупотреблений и 2 наречия (*очно и заочноор*). Попытки газеты «Бурят Унэн» перевести отдельные русские и иностранные слова, фразы (джакузи – *һаргама алтаар бүтээгдэһэн түхээрэлгэнүүдэй*, депортации – *хүсөөр сүлэлгэ, геноцид – үндэһөөрһь үгы хэхэ ябадал*) очень похвальны, но пока безуспешны, и новые для бурятской действительности денотаты воспринимаются языком чаще в исходном варианте.

4.6. Наблюдения над речевой практикой бурят свидетельствуют, что в их речи встречаются заимствования, смешения кодов и переключения кодов, причем выбор языка у них чаще не мотивирован, смена языков в процессе общения обычно не осознапа.

Известно, что предпосылкой возникновения и существования заимствований является двуязычие, которое бывает социокультурным и

контактным. В последнем случае заимствования чаще происходят устным путем. Разговорная речь, а в нем – лексика и фразеология, являются наиболее проницаемыми для социального воздействия. Особенностью советского периода национально-языкового развития было практически сплошное заимствование целых пластов русских слов, причем заимствований разных типов. Все это оправдывалось тем, что расширение сфер применения языка, возрастающее ускорение социально-профессиональной и функционально-стилистической дифференциации вызывают резкое увеличение его словарного состава, а бурятский язык собственными силами этого обеспечить не может.

Однако по инерции мощная интервенция русских лексических заимствований в бурятский язык, к сожалению, продолжается. В настоящее время она усиливается общемировой тенденцией к унификации и стандартизации, проникновением англоязычной терминологии через русский язык. Некоторую аналогию можно провести с тем, что происходило в 20–30-е гг. Однако по сравнению с тем периодом слова заимствуются без какой-либо, в том числе и соответствующей фонетико-фонологической трансформации, обработки. Поскольку буряты теперь хорошо владеют русским языком, то наряду с уже проникшими в бурятский язык из русского звуками [в], [ф], [ц], [ч], [ш], [к], встречаемостью двух-трех и более согласных в начале и конце слова¹⁴⁸, возможно употребление иностранных слов в их исходном звучании (грант, Блендамед, лайф, дилер, менеджмент, дистрибьютер и др.). Заимствование происходит через русский язык, который эти слова не адаптирует, иногда только происходит транслитерация, какая-либо коннотация также отсутствует. Очевидно, что большое влияние в этом процессе на оба языка оказывают средства массовой информации, реклама и компьютеризация. В сумме общемировой процесс демократизации, все более охватывающий стороны современной жизни, приводит к тому, что современные языки, подверженные влиянию этих факторов, представляют собой смесь литературного языка, просторечья, а иногда и ненормативной лексики, что, естественно, не способствует утверждению литературных норм.

Глубина и характер иноязычного влияния частично проявляются при анализе групп заимствованных слов и терминов. В бурятской разговорной речи в отличие от литературной заимствования представля-

ют собой практически все лексико-грамматические группы слов, в смешанной речи они могут составлять до 50 % всех слов. Основную массу определяют имена существительные (более 40 %), глаголы (17 %), прилагательные (11 %), наречия (около 10 %), встречаются предлоги, частицы, числительные, местоимения и даже союзы (*или таряа, или мяхые эдээ* 'или хлеб или мясо кушал'). В разговорной речи активно используются вводные слова и словосочетания (в основном, по крайней мере, ладно, знаете), частицы (но, ну), модальная и оценочная лексика (просто, должен, как раз, точно). Частым становится употребление в разговорной речи устойчивых словосочетаний: *какая разница, за встречу, мать-героиня*. К сожалению, как уже отмечалось многими исследователями, буряты стали чаще использовать русские слова, имеющие бурятский эквивалент: *маама, братишка, позы, картошка, краситьлаад, улица*.

Такова общая закономерность распределения лексики по частям речи в разговорной речи, которая определяется такими факторами, как неофициальность, непосредственность общения, спонтанность речи. Поскольку в разговорной речи присутствуют экстралингвистические факторы: мимика, жесты, обстановка, степень знакомства участников беседы, которые понимают друг друга с полуслова, все эти компоненты делают излишним полное раскрытие предложений, их осложнение, поэтому основную массу составляют простые предложения, иногда осложненные сочинением, причастными или деепричастными оборотами. Активно используются глаголы, а также сложные глагольные формы, которые состоят из русского инфинитива и бурятского вспомогательного глагола типа *болоод агитировать болохо* 'буду агитировать', *бага обижаться* 'немного обиделся'.

Примером того, какой объем лексики был заимствован из русского языка, может служить выступление по телевидению бывшего партийного, хозяйственного работника, в котором встречаются такие фразы: По итогам соревнования *хэды нөөхи* (сколько этих) приз, преми *абаа* (получил)... *Тэрэ* (тот) кадровый вопрос *ехэ* (большая) проблемэ *байгаа* (была)... Председатель райисполкома *байнад* (присутствует). *Тэрэ* (он) строительна база укреплялха... железобетонно изделия производилха *болоһон*. МТС-эй счетоводоор *хүдэлжэ захиһан* (начинал работать). Помощник мастера *болгожо байна* (сделал). *Тэрэ модо* (он лес) тачковалжа, принималжа *хүдэлдэг* (работает). Первый зам. начальника управления *болоо* (стал).

4.7. Все более характерным для устной речи бурят становится смешанный тип речи, который Т. А. Бертагаевым отнесен к макаронической речи¹⁴⁹ (оформлению русских слов с помощью грамматических средств бурятского языка). Необходимо заметить, что следует различать русские элементы в бурятской речи бурят и бурятские элементы в русской речи бурят. Как пишет Л. В. Щерба¹⁵⁰, в смешанных языках считается, что речь принадлежит тому языку, на котором выражены грамматические связи. Кроме того, степень владения тем или иным языком зависит от времени общения на данном языке и частоты переключения с одного языка на другой. При определении «языкового баланса» оцениваются объем и структура словаря, длина и сложность предложений, тенденция к использованию грамматической и фонологической системы одного из языков в высказываниях. Однако в бытовом сознании, отмечает Н. Б. Вахтин¹⁵¹ (на примере языков народов Севера), принадлежность речи тому или иному языку связывают с интонационной характеристикой, фонологией, акцентом, лексикой. Автор справедливо ставит вопрос о степени или пределе упрощения языковой структуры, чтобы можно было утверждать, что язык утратил связь с исходной, неупрощенной языковой системой.

Практика показывает, что речь бурят в изобилии содержит множество переходных случаев, которые иногда достаточно сложно идентифицировать. Если варианты типа: 'Хаана (где), неудобно спрашивать' или 'Сначала өөрыень (его) школу назови, пожалуйста' можно отнести к русской речи с элементами бурятской, то, что можно сказать о случаях типа: 'А мүнөө һая ерээд (как приеду), по гос. цене все отдам' или 'Но иигээд хэлээд (так сказать), к концу месяца хуу (все) будет готово'? Как видно, в такой речи иногда вставляются, вкрапляются целые конструкции, словосочетания, речевые куски, фразеологизмы на русском языке. Русские слова могут включаться как в бурятском, так и русском морфологическом оформлении. Л. П. Крысин¹⁵² указывает, что в подобных случаях говорящие имеют разную способность к самоконтролю: в том, что касается произносительных и интонационных речевых навыков, которые в значительной степени автоматизированы, весьма большой процент говорящих не способен контролировать себя и как-либо корректировать свою речь даже в «социально ответственных» коммуникативных ситуациях. Например, в выступлениях по телевидению встречаются такие фразы:

Доярка с 40 года до 50-го *хүдэлөөб, ходо* (работала, все время). *Тиигээд* (ну, а) в 50-м *июнь соо хайшарааб, август соо хайшарааб* (в июне или в августе ушла)... *Маамамни* (мама моя) в 31-м году *хэдытэй, дүрэбэтэй байгаа* (сколько лет, четыре года было)... Ну, мы пятеро остались, маленькие. *Эсэгэмни байгаа* (отец мой был), остался. *Братишкамнай* (братишка мой) в 44-м году *армиһаа ерээд* (пришел из армии)... *Энэ теткамнай, баабаймни, дүү басаган* (Это наша тетка, мой отец, сестренка). (Показывает фотографии) В 41-м война началась, *баабаймни армида абаадхео* (отца забрали в армию). Мы с дедушкой, сестренкой *гурбуулан* (втроем) остались. *Гурбуулаа* (втроем) жили *дедушкатогоо* (с дедушкой)... *Би пенсида гарааб...* *Намайе вызыватьлаад* (Я вышла на пенсию... Меня вызывали).

Такая речь характерна как для городских билингвов – лиц с высшим образованием, так и для тех, кто слабо владеет литературной формой языка, часто для носителей западного диалекта. Ее можно услышать в г. Улан-Удэ в случае общения носителей разных диалектов, в разговоре стариков с молодежью. В городе на бурятском языке, точнее родном диалекте, в основном, говорят между собой родственники, земляки, мигранты первого поколения. Носители западного диалекта стесняются в общественных местах говорить на своем диалекте. Среднее и младшее поколения бурят, особенно в деревенской местности, под влиянием школьного обучения стремятся к четкой дифференциации речевых средств, к целесообразному их использованию в соответствии с речевой ситуацией. Относительно «чистая» бурятская речь характерна для закаменцев, окинцев, представителей Агинского бурятского национального округа, носителей хоринского диалекта, представителей дальних районов.

Распространению явления смешения кодов способствуют активное использование русского языка городскими бурятами, точнее билингвизм, а иногда и полное их русское одноязычие. Как и в любом языке, особенно в случае двуязычия и многоязычия, между полной моногlossностью и сознательным кодовым переключением с одного языка на другой существует множество переходных случаев, которые часто говорят о недостаточно высоком уровне владения языком и способствуют расшатыванию языковых норм, понижению культуры речи.

4.8. В бурятском языке, как и в других языках, встречаются случаи ситуативного переключения с русского языка на бурятский, и, наоборот, обусловленные кодовыми правилами (в дацане, культовых местах), а также случаи метафорического переключения, при передаче, например, ласкового доброжелательного отношения говорящего («Мухаашка»). Дифференциация и квалификация такой речи, так же, как и смешение кодов, довольно затруднительны, поскольку параллельно с лингвистическим анализом необходимо учитывать экстралингвистические факторы: место, тему и обстановку речевого акта, среду или сферу общения, социолингвистические характеристики говорящих, их языковую компетенцию. В данных случаях считается, что социальная потребность и условия подавляют языковую норму.

Так называемое сознательное переключение кодов с целью объяснить или сделать рассказ более понятным для слушателей встречается довольно редко. Выступление по телевидению д-ра филол. наук У.-Ж. Ш. Дондукова (апрель 2001 г.): *Ородоор хэлэхэдээ* (говоря по-русски): «Своя интерпретация, своя аранжировка песни».

Гораздо больше случаев, когда отсутствует бурятский эквивалент какому-либо выражению или слову, а русский вариант как бы находится «на языке», причем чаще это устойчивое выражение, клише. В бурятской записи, для которой характерна ровная литературная бурятская разговорная речь, осуществленной в Кижингинском интернате, учительница перед началом игры говорит: «Ну, три-четыре...» или «И подтянись. Вот так. Молодец! Еще раз». Здесь употребление русских фразеологизмов обусловлено эмоционально-экспрессивным сигналом с целью обратить внимание на последующее высказывание или действие. Кстати, для данной записи характерно: заимствований немного, но произносятся они чисто по-русски с сохранением русских окончаний: администрация, но не администрации, т. е. для устной русской речи бурят все менее характерным становится присутствие акцента, каких-либо нарушений русских произносительных норм.

Своеобразны случаи переключения кодов, когда разговор заводится о родителях: Наша мать, *наһатай болоод* (в возрасте), живет в Читинской области; или когда, наоборот, в противовес описанному выше случаю, на родном языке имеется более подходящее устойчивое выражение: По пять рублей собирала. Не хватило. Почему я маленьких взяла? *Жаахан хубуун жаа мунгэн* (Маленькие дети – маленькие деньги).

Как и для многих восточных народов, для бурят одним из решающих значений при выборе языка общения является состав участников беседы. Если собеседник старший по возрасту начинает разговор по-бурятски, то и более молодой коммуникант отвечает или пытается ответить на родном языке. Не менее важный момент – обстановка речевого общения. Как традиция уважения к русскому и другим народам довольно устойчивой является привычка в присутствии лиц другой национальности (даже не обращаясь к ним) либо полностью переходить на русский язык, либо перемежать речь бурятскими и русскими словами, выражениями.

Описанные выше случаи (заимствование, смешение и переключение кодов) показывают, что местом переключения могут быть как синтаксические границы фраз, так и границы между именем и обстоятельством оборотом, подлежащим и сказуемым, сказуемым и локативом. Бурятская разговорная речь характеризуется активным проникновением всех видов русской вариативной речи, проникновением во все социальные слои бурятского населения. При этом наблюдается пересечение социальных, психологических и лингвистических структур носителя языка и групп носителей. Очевидно, что такой тип речи чаще – результат недостаточной культуры родной речи, отсутствия нормализующего влияния бурятского языкознания, школы, общества. Перспектива дальнейшего существования во многом зависит от социальных условий развития языка.

Одна из задач бурятского языкознания – выявление социальной маркированности языковых единиц, их соотносительность с социальными группами, слоями, определение соответствий между типологией речевых высказываний и классификационными характеристиками речевых социальных факторов, участвующих в коммуникативном процессе. Подобные исследования предполагают изучение показателей приоритета использования того или иного языка по различным параметрам: сферы общения с учетом субъективных характеристик, намерений выбора языка, степень владения языком, психологическое восприятие языков, мотив выбора языка. Необходимо выявить лингвистические критерии классификации сфер общения, а также факторы, влияющие на формирование языковой среды.

4.9. Известно, что взаимодействие языков, дву- и многоязычие способствуют изменению этнолингвистического сознания билингов.

С помощью анализа свободных вербальных ассоциаций была сделана попытка выявить не только проявления этнических представлений о некоторых русских и бурятских реалиях в речи двуязычных бурят, их представления об окружающем мире, как традиционные, так и новые, но и косвенно определить уровень владения русским языком.

Материалом для анализа послужил ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест, проведенный среди взрослых бурят-билингвов в 1999–2000 гг. (300 респондентов, из них 150 – жители г. Улан-Удэ, 150 – сельской местности), на основе 16 слов-стимулов. Двенадцать из этих слов – русские, причем 10 – заимствования (театр, клуб, интернациональный, техника, коллектив, учасок, станция, памятник, спутник, ударник), два слова имеют бурятские эквиваленты (урожай и праздник), четыре слова – бурятские (или отражающие бурятские реалии – сакман), из них два (аршан и сакман), можно считать, уже вошли в словарь местных носителей русского языка.

Наиболее частотными для русских слов оказались ассоциации: интернациональный → долг (75), клуб → сельский (119), урожай → богатый (90), коллектив → дружный (69), станция → железнодорожная (114), спутник → Земли (83), ударник → труда (150). Для бурятских слов – *талхан* (мука, хлеб) → *сагаан* (белый) (71), *хара* (черный) (17), *амтатай* (вкусный) (16); *хурьган* (ягненок) → *сагаан* (белый) (35); аршан → тункинский (26), целебный (28); сакман → молодой (13). Подтвердилось, что два последних слова вполне ассоциируются как русские слова. Слова *талхан* и *хурьган* соответственно имеют больше бурятских слов-реакций.

Разнообразие ассоциативных полей свидетельствует о достаточно высоком уровне рефлексий респондентов, достаточно хорошем знании русского языка. Из русских слов наибольшее число реакций у слова станция – 70, наименьшее – ударник (34), спутник и интернациональный (по 39). Однако больше всего слов-реакций у слова сакман (79), достаточно много реакций и на слова аршан (68), *хурьган* (62), *талхан* (54). Ассоциативные поля этих слов более многочисленны за счет параллельных русских и бурятских реакций, хотя встречаются случаи, когда русское слово имеет бурятские реакции, т. е. оно ассоциируется уже как бурятское слово: клуб → *хүдөөгэй* (сельский), *залуушуулай* (молодежный), *колхозой* (колхозный); спутник → *газа-*

рай (Земли); ударник → *ажалай* (труда); техника → *шэнэ* (новая); интернациональный → *суглаан* (сбор); урожай → *баян* (богатый), *сайн* (хороший). Таких случаев немного, в основном, к этим словам даются русские ассоциации, а на слова памятник и станция не было ни одной бурятской реакции.

Подсчет уровня стереотипности показывает, что слова типа сакман (уровень стереотипности – 0,48) менее стереотипизированы (например, слова театр, урожай и интернациональный имеют уровень стереотипности 0,18), поскольку они имеют двойные варианты реакций и соответственно мышление билингвов более полилогично, множественно. Однако, если рассматривать только русские слова, то средний уровень стереотипности (реакций только на русские слова) по именам существительным у бурят-билингвов равняется 0,23, что примерно соответствует уровню стереотипности реакций носителей русского языка в 70-х гг. XX в. В настоящее время он несколько выше¹⁵³.

В ходе анализа была сделана попытка сравнить частотные реакции на русские слова у бурят-билингвов с традиционными русскими ассоциациями. Из совпавших с Русским ассоциативным словарем¹⁵⁴ слов – праздник, театр, урожай – только у последнего совпала частотная последовательность реакций: богатый (77 – в РАС, 90 – в нашем эксперименте) и хороший (соответственно – 39 и 27). Ассоциативные поля слов праздник и театр оказались достаточно смещенными (в РАС праздник – веселый, Новый год, веселье; театр – Большой, кино, спектакль; в нашем случае праздник – новогодний, веселый, Белого месяца; театр – оперы и балета, драматический, кукольный), что скорее всего объясняется локальной спецификой исследования.

Данный эксперимент показал, что этническое самосознание бурят пока сохраняется, но наряду с традиционными стандартными ассоциациями (реакции на слово праздник – Сагаалган, Белого месяца (частота – 23), новогодний (25), весны (26)) возникают и укрепляются новые понятия на соответствующем языке.

4.10. О влиянии бурятского языка на русский, заимствованных из бурятского языка словах говорится в ряде работ¹⁵⁵. Авторы отмечают, что, в основном, в местный русский язык, в русские местные говоры из бурятского проникают топонимы, слова, отображающие культурно-этнографические реалии (названия блюд, термины религиозного

характера), слова, обозначающие названия предметов и явлений, не имеющие русского эквивалента, сельскохозяйственные термины. Чаще это слова, отражающие локальные реалии. Имеются случаи использования терминов родства, междометий. Данные заимствования имеют адстратный, изредка субстратный характер. В последние годы их число сократилось, а характер изменился, все чаще встречаются бурятские наименования фирм, предприятий, магазинов, кафе, причем, как часто это бывает с наименованиями, их используют, не вникая в значения. В русском языке они достаточно быстро осваиваются, русифицируются и приобретают весь набор грамматического инвентаря: Сегодня я заказала пальто в «Одоне». После принятия закона о государственном бурятском языке отдельные попытки использования бурятского языка в официальной речи наблюдаются в речи общественных деятелей, дикторов БГТРК. Обычно это формы этикета, обращения: *Сайн байна, хүндэтэ телевизор харагшад!* (Здравствуйте, дорогие телезрители!) *Баяртай!* (До свидания!) *Найн даа!* (Спасибо!). Можно отметить, что, как и во многих многонациональных регионах страны, в Бурятии имеется свой достаточно выраженный региональный вариант разговорной русской речи, который сложился в результате взаимодействия бурятского и русского языков, их диалектов, функционирующих на данной территории. Это, в частности, проявляется в так называемой «манере» говорить. Очевидно, что русская речь бурят, претерпевшая в последнее столетие значительную трансформацию, в свою очередь влияла на речь коренных русских жителей, что не могло не отразиться даже на ее интонационных особенностях. К сожалению, данные явления не исследовались и также требуют изучения.

В последние годы проблема русско-бурятских языковых взаимоотношений связывается с проблемой развития в Бурятии паритетного двуязычия, которое пока не получает должного развития. Причин выдвигается много, среди которых есть и внутриллингвистические.

Среди особенностей и трудностей бурятского языка, препятствующих быстрому его усвоению русскоязычным населением республики, можно назвать существенное различие грамматических систем контактируемых языков. Широкая употребительность причастных и деепричастных оборотов, оформление субъекта в самостоятельных оборотах в родительном падеже, обороты, представляющие собой

сложные полипредикативные конструкции – все это, по мнению Л. Д. Шагдарова¹⁵⁶, представляет собой своеобразие бурятского языка и значительную трудность для усвоения. Но глагольная система в любом языке имеет особую сложность и именно ее усвоение служит критерием достижения минимального уровня владения вторым языком. В частности, для бурят глагольная система русского языка представляет значительную трудность и, несмотря на то, что опыт преподавания русского языка в бурятской школе намного богаче, а методики тщательно разработаны, в письменной речи еще встречаются интерферентные случаи типа: к ряду постоянных эпитетов входит вся «цветовая символика»..., активно способствует для восприятия..., к таким формальным признакам является частица..., они отличаются стилистической окраской, но имеют одно и то же понятие. В данных примерах наблюдаются нарушение семантической сочетаемости русских слов или употребление слов и словосочетаний с предлогами, не соответствующими общему содержанию предложения, что объясняется иной структурной организацией бурятского предложения, в частности, отсутствием в нем предлогов.

4.11. Соотношение бурятский – русский язык нельзя рассматривать в отрыве от соотношения бурятский – монгольский язык. Проблема заимствований и интерферентных явлений в бурятском языке тесно связана с проблемой современного бурятского литературного языка и, в частности, с дискуссией о старомонгольской письменности. С одной стороны, безусловно, можно согласиться со стойким оппонентом расширения применения старомонгольской письменности Ш. Б. Чимитдоржиевым, ставящим проблему овладения старомонгольским языком в первый ряд задач возрождения культурных ценностей бурятского народа, сближения с остальным монгольским миром. С другой, действительно, заимствования и калькирования терминов в родственных монгольских языках проходят чаще стихийно и порозному. Помимо графических отличий, возникает ненужное разнообразие терминов, наименований и других элементов лексико-семантической системы. Наблюдающиеся в последнее время попытки использования монгольских слов в бурятском литературном языке, к сожалению, пока успеха не имеют, что связано со значительными языковыми расхождениями, отсутствием достаточных речевых контактов, а также современной практики заимствования монголизмов.

Поэтому необходимо согласованное научно обоснованное терминовтворчество, при котором больше внимания уделять интегрирующим, а не дифференцирующим процессам и явлениям в языках. В целом же нужно соблюдать баланс русских и монгольских заимствований.

4.12. В связи с этим снова встает вопрос о терминологической комиссии, поскольку основным путем сохранения и развития языка, особенно государственного, является нормализация терминологической системы. К сожалению, для бурятского языкознания остается характерным отсутствие систематически организованной работы над созданием терминов на научной основе. Еще Т. А. Бертагаев¹⁵⁷ отмечал слабую работу бурятской терминологической комиссии в отличие от Монголии. Возобновление и активизация ее деятельности значительно способствовали бы дальнейшему развитию бурятского литературного языка. При этом, естественно, необходимо соблюдать баланс национального, инонационального и интернационального в терминологической системе с учетом научных принципов унификации терминологии, нормирования. Дальнейший этап нормализаторской деятельности заключается в обсуждении и утверждении списков новых терминов терминологической комиссией, представление их в СМИ, сначала параллельное с указанием русского и бурятского вариантов, а через два года можно оставить один бурятский вариант. Активная пропаганда новых терминов, их объяснение ведущими лингвистами, писателями, деятелями культуры будут содействовать их быстрому утверждению в литературном языке. Изучение моделей терминотворчества, дальнейшая регламентация норм бурятского литературного языка, решение по поводу новых явлений и изменений в языке, их четкое функционально-стилистическое разграничение, анализ и утверждение словарей делового общения, языка политиков и общественных деятелей должны входить в функции комиссии.

Как показывает история, процесс стандартизации в языке есть процесс постоянного движения к определенной норме и чаще это развитие не является прямолинейным. Поскольку становление литературного языка – процесс длительный, то на данном этапе помимо проблемы становления литературных норм нужно ставить задачу сохранения диалектов. Сохранятся диалекты, сохранится язык, поскольку носители диалектов пользуются родным языком в семье чаще, чем

носители литературного варианта. Вероятно, это отчасти связано с тем, что литературные нормы, особенно лексические, пока недостаточно распространены и соответственно неустойчивы. Единство языка (или его единообразие) зависит от полноты и достаточности корпуса описания, его структуры и характера нормы. Очевидно, что нормы литературного языка нестабильны, динамичны, поэтому должны быть выработаны некоторые стандарты, относительно которых существуют варианты литературного языка, региональные и социальные диалекты. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс, оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, бурятского, русского, монгольского литературных языков. Нормы, как отмечают представители Пражского лингвистического кружка, различаются не по сути и качеству, а по степени обязательности и осознанности. Задача нормы – облегчение коммуникации системы. Для большинства языков подходит конъюнктивная норма, дающая возможность варьировать формы¹⁵⁸. Задачей нормы не должно быть исключение синонимов как нефункциональных элементов языковой системы. Утверждая специфическое каждого диалекта, она усилит интегративную функцию бурятского литературного языка, который может стать опорой единого бурятского общества.

* * *

В настоящее время можно констатировать, что развитие бурятского языка в условиях двуязычия замедляется, постепенно сокращаются сферы его использования, не снимается проблема единого бурятского литературного языка, в связи с чем встает задача сохранения бурятских диалектов. Влияние языка более многочисленной нации сказалось на всех уровнях бурятского языка. Взаимодействие бурятского и русского языков привело к возникновению различных типов бурятско-русского двуязычия, причем все более многочисленной ста-

новится группа пассивных билингвов. Различные виды русской вариативной речи проникают во все слои бурятского населения. Данный процесс, к сожалению, привел к тому, что, во-первых, в разговорной речи бурят, хорошо владеющих обоими языками, стали чаще появляться русские слова, имеющие бурятский эквивалент, во-вторых, заимствоваться стали не только слова, а целые словосочетания, в-третьих, орфоэпические признаки русских заимствований оказались максимально приближенными к нормам русского языка. Для русской речи бурят все более характерными становятся отсутствие каких-либо интерферентных явлений в речи, тенденция к унификации, равное владение русским языком, связанное с общим повышением культуры русской устной и письменной речи; в-четвертых, воздействие русского языка стало приводить к расшатыванию норм бурятского литературного языка, наблюдается упадок культуры родной речи. В частности, достаточно подробно описанные А. А. Дарбеевой¹⁵⁹ три ступени бурятско-русского двуязычия в настоящее время, вероятно, значительно сместились, и, несмотря на то, что пока в отдельных отдаленных районах Бурятии стоит проблема освоения русского языка, основная масса бурятского населения довольно рано и быстро его осваивает.

Среди наиболее актуальных социолингвистических проблем, стоящих в настоящее время перед бурятским языкознанием, можно выделить следующие: проблемы, связанные с расширением общественных функций бурятского языка, уточнение форм его взаимодействия с русским языком, изучение диалектики процесса данного языкового контакта, зависимостей социальных изменений в обществе и языковых (на примере бурятского и русского языков), определение влияния (осознанное и неосознанное) общества на язык, создание и унификация терминологии, изучение процессов сближения литературного языка с народной речью, исследования по двуязычной диалектологии, поиск новых возможностей родного языка в сохранении и развитии элементов национальной культуры и национального самосознания, выяснение роли языкового фактора в этнических процессах, лингвистическая оценка билингвизма на различных этапах его развития с учетом социальной принадлежности индивида.

§ 5. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

Языковое законодательство – часть проводимой государством языковой политики, которая, в свою очередь, является частью национальной политики и имеет довольно важное и порой не совсем осознаваемое обществом значение.

В отличие от советского периода развития языков, когда все направления общественного развития рассматривались с позиции интернационализации, на современные языковые процессы, помимо экологии, большое влияние оказывают глобализация, гуманизация, демократизация воззрений, осознание того, что любой язык – общечеловеческое достояние, уникальное и неповторимое в своей индивидуальности, что каждый народ имеет право жить в соответствии со своими обычаями, традициями, культурой, говорить на родном языке. К сожалению, в современном обществе одним из основных способов сохранения такого права считается принятие государственных языковых законов. Что такое государственный язык и есть ли необходимость в особой решительности действий в области реализации языкового законодательства или язык должен развиваться естественно, свободно и стихийно? Какова граница допустимости действия языкового законодательного насилия, языковой политики, навязывания конкретного диалекта в качестве основы литературного языка, определенных языковых норм и правил? В этом разделе работы рассматриваются общая проблематика языкового законодательства – относительно нового явления для нашего государства, а также конкретное воплощение, реализация даниого процесса в Республике Бурятия, очевидные проблемы и возможные варианты их решения.

5.1. Особеиностью законотворчества в области языка является сама сущность языка, который обслуживает практически все сферы деятельности человека. Широга этих функций предопределяет, с одной стороны, сложность языкового законодательства, а, с другой стороны, оно может и вообще ничего не решать, поскольку существует множество языков вне зависимости от того, управляются они законами или нет. Но закон может и очень многое дать языку, он может распространить один язык, утвердить его и уничтожить другой. Практика языкового законодательства изобилует примерами, и удачного, и не-

удачного решения разнообразных проблем в области языка. Примеров умелой языковой политики в мировой практике достаточно: в Швейцарии, Финляндии, Индонезии, Бельгии, Канаде тщательно разработанное и соблюдаемое языковое законодательство поддерживает спокойствие в межъязыковых отношениях. В частности, в Швейцарии законодательно признаны 4 государственных (французский, немецкий, итальянский, ретороманский, причем на последнем говорит лишь сотая часть населения страны) и 3 официальных языка. Принцип применения языков территориальный, по кантонам, в каждом кантоне, границы которых действуют тысячелетие, соблюдается свобода использования одного из языков. Территориальное одноязычие там существует при многоязычии центральных органов власти.

Признание большого количества языков государственными – это компромисс с целью поднять престиж языка. Для большинства стран Европы двуязычие является скорее правилом, чем исключением, и «овладение местным миноритарным языком как неродным рассматривается не как социальная обязанность, а как неотъемлемое право индивидов, способствующее социализации отдельных частей разноязычного социума и расширению индивидуальных возможностей его членов»¹⁶⁰.

В отдельных случаях разработка каких-либо законодательно-правовых языковых документов является результатом попыток официальных властей решить языковые конфликты. Хотя, как отмечают социолингвисты, инцидентов или конфликтов на языковой почве не наблюдалось, недовольство положением родного языка может подспудно накапливаться и лежать в основе более крупных этнических разногласий. Власти обычно пытаются со своей стороны осуществлять контроль в данной области, но этих попыток не будет, если сами носители языков лично или, кооперируясь в различные общества, со своей стороны не будут регулярно контролировать языковую вариацию в системе управления и власти и будировать по поводу своих проблем. Например, в большинстве государств (Австралия, Канада и др.) главная движущая сила правовых реформ, касающихся коренных народов, – политическая активность самих аборигенных народов.

Что касается Бурятии, то можно заметить, что, если в начале 90-х гг. после активного обсуждения языкового вопроса, все закончилось принятием в 1992 г. закона «О языках народов Республики Буря-

тия», то в настоящее время, в период относительного спокойствия, ослабления накала национальных движений, никаких сдвигов в решении проблемы, а эта проблема фактически будет постоянной, не наблюдается. С другой стороны, государственные политики должны предусматривать различные языковые конфликты и заранее принимать решения, направленные на улучшение условий языковой жизни. В Швейцарии большие льготы предоставлены малому ретороманскому языку, носители которого составляют 1 % населения страны и имеют 5 вариантов языка. Идет эволюция языковых компромиссов, в результате чего постоянно пересматривается и совершенствуется языковая политика.

Языковое законодательство, даже не оказывающее, как у нас сегодня, регулярное непосредственное воздействие на языковую жизнь, имеет особое идеологическое значение: оно формирует определенные идеалы, представления, ожидания. Изменение статуса того или иного языка изменяет и правовое положение того или иного этноязыкового меньшинства. В идеале же требуется четкое законодательное определение сфер функционирования государственных языков, причем с целью, как и во всех национальных республиках бывшего СССР, даже таких крупных, как Белоруссия и Казахстан, дальнейшего развития национального языка с тем, чтобы обеспечить его конкурентоспособность с русским языком. Хотя очевидно, что на двуязычие типа малый язык – русский язык могут оказывать влияние несколько иные менее или более значимые факторы, чем на двуязычие большой язык – русский язык. Иначе говоря, у каждой нации имеется свой ассимилятивный порог, или «каждый этнос имеет свой предел взаимодействия, который определяется уровнем его общеисторического развития, структурой этнического самосознания, а также особенностями психического склада. Вместе с тем взаимодействие различных культур конструктивно только в том случае, если внутренние, генетические свойства данного этноса естественно воспринимают внешнее воздействие, если оно не принудительно»¹⁶¹.

Итак, принятие законов о языках есть сознательное воздействие общества на развитие языков, особенно в случае различного фактического статуса, когда языки находятся на разных ступенях развития, реально не сосуществуют.

Правовое урегулирование в таких случаях очень затруднено и во многом связано со сложным и противоречивым характером языковых законов, когда, например, объявляются равные права всех народов республики на развитие, сохранение и совершенствование их родных языков. В то же время в преамбуле к закону отмечается, что главная задача настоящего закона – возрождение и развитие конкретного титульного языка. Когда говорят о добровольности изучения языков, в то же время вынуждают работников сфер обслуживания изучать второй язык. Проблема языкового законодательства тесно связана с тонкой гранью между устремлениями общества, провозглашающего приоритет суверенитета личности над национальной идеей, стремлением к интернационализации общества и попыткой сохранить национально-культурное своеобразие, с противоречиями между языковыми привязанностями большинства населения и реальными коммуникативными потребностями за пределами сферы семейного общения, с формирующимся у современных наций и народностей прагматическим отношением к языкам, которое способствует отчуждению от родного языка и культуры своего народа.

Говоря же о правах личности на знание, изучение, использование того или иного языка в различных сферах, большинство законов не обеспечивает этих прав, не создает реальных условий для осуществления, в частности, не оговариваются и не обеспечиваются права ребенка. Как отмечают исследователи, право выбора языка обучения родителями без учета языковой компетенции ребенка и интересов развития данного этноса не благоприятствует существованию этого этноса, а значит, нарушаются права языкового общества и особенно будущего этноса или этносов. «Не обучая даже против воли родителей детей родному языку, государство тем самым нарушает права ребенка... Каждый должен знать материнский язык, а вот будет ли он когда-либо его применять – это уже вопрос другого порядка»¹⁶². Закон, как и большинство международных правовых актов, действует через обеспечение индивидуальных прав личностей, принадлежащих к разным национальным группам, когда индивидуальные права сочетаются с индивидуальными обязанностями, что обеспечивает взаимодействие индивидуальных и коллективных прав человека. Он не охраняет сами языки, а посредством охраны языковых прав личности создает условия на свободное пользование любым языком, создает

условия, чтобы сам народ решал свои языковые проблемы. Хотя, вероятно, целесообразнее было бы признать приоритетным правом любой национальности или этнической группы, а также любой языковой личности право на изучение и применение родного языка независимо от наличия или отсутствия официального статуса данного языка. Во вторую очередь надо уже обязывать изучать и применять один из государственных языков.

Особенность и трудность языкового законодательства заключаются в сложном сплетении прав личности, прав нации и языковых прав. Как отмечает М. Н. Губогло, «отсутствие четкости в теории прав человека и прав народов может служить постоянным источником возникновения межнациональной напряженности»¹⁶³, поэтому при коифронтации принципов индивидуализма и коллективизма необходимо соблюдать баланс индивидуальных и коллективных прав национальностей. Очень разумно права этнических групп обоснованы в «Декларации о Хартии народов и регионов»: «Для реализации подлинного равноправия индивидуумов необходима защита национальной идентичности целой группы».

Фактически языковое право является частью и национального, и гражданского права, соответственно языковые пункты должны включаться не только в указанные части общего законодательства, но и в российскую, и в республиканские Конституции¹⁶⁴. В таком щепетильном вопросе, как язык, нежелательно было, как это произошло в начале 90-х гг., копировать тексты законов. К тому же при написании языковых законов следует исходить не только из конкретной языковой ситуации государства или республики, но необходимо учитывать тип общественной организации нации или народа, его менталитет. Европейцы и европейское законодательство, в основном, ориентируются на личность, на ее права, а для многих азиатских народов характерна несколько иная субэтническая иерархия. Это необходимо учитывать при введении тех или иных законодательных норм, касающихся их прав. Элементы шариата, к примеру, учитываются в законодательствах мусульманских государств. А возможно ли использование каких-либо моментов степного уложения в бурятских законах?

5.2. Поскольку правовое урегулирование языковых проблем – часть языковой политики, проводимой государством относительно языков в сфере общественной коммуникации, а языковая политика

относится к факторам языкового регулирования, в ней так же, как в факторах языковой ситуации, выделяются политико-правовые, социально-экономические, этнодемографические, культурные, лингвистические и психологические аспекты.

Политико-правовой аспект государственного регулирования или управления (поступательного движения системы к определенной цели) языковыми процессами тесно связан с вопросом о так называемой борьбе языков: «взаимодействие языков – динамический процесс, связанный с социальной напряженностью», «языки в контакте легко делаются языками в конфликте»¹⁶⁵. К сожалению, не только политики, но и многие исследователи, возможно, по старой памяти часто при решении и обсуждении национально-языковых вопросов исходят из экономических и политических соображений. Так, М. Н. Губогло считает, что язык – есть орудие власти, и в обществе идет борьба не языков, а групп интересов¹⁶⁶. По его мнению, основным направлением этноязыкового процесса должна явиться отмена всяческих иерархий и привилегий для языков коренных наций. Но ведь именно придание национальным языкам приоритетного статуса является одним из главных звеньев в развитии национальной культуры. Для того чтобы как-то возродить и поддержать их, необходимо предоставить им приоритетное развитие. По нашему мнению, политико-правовой аспект национально-языкового урегулирования, в основном, связан с определением государственного устройства общества, с проводимой межнациональной политикой, с принимаемыми государством мерами по обеспечению гарантированного развития государственных языков. Относительно Бурятии высказывания типа «политические силы стремятся сделать язык не столько инструментом культуры... сколько инструментом политики»¹⁶⁷ являются неуместными, поскольку основная причина всех национальных языковых законодательств экологическая. И не видеть этого нельзя, их положение внушает опасения не только самим носителям языка, но и всему мировому сообществу. Среди молодежи бурятской статусной национальности мотивация к овладению русским языком несколько не упала. А если отдельные политические деятели акцентировали на этом внимание, то чаще всего это объяснялось особой болью национальной интеллигенции за свою культуру и язык. На местах виднее, кто настоящий патриот своего народа, а кто пет, кто использует тот или иной мотив для своего

выдвижения. Результаты опросов того же ЦИМО¹⁶⁸ подтверждают, что народ мудрее, терпимее друг к другу, толерантнее.

Республика Бурятия как часть федеративного российского государства руководствуется в своей языковой политике общими принципами демократии, согласно которым правом свободного и равноправного выбора и употребления языка пользуются как отдельная личность, так и группы людей, представители определенных этносов. Равноправие наций и их языков подразумевает, что их численность не влияет на степень защищенности. Однако в реальности на речевые функции говорящих воздействуют разнообразные этно- и социодемографические факторы. При активных общественных, социально-экономических, демографических и других изменениях необходимо четко следить за соответствующими языковыми процессами, чтобы не нарушались политико-правовые принципы.

В эпоху актуализации национального самосознания наиболее важным представляется социальный аспект межъязыкового урегулирования, необходимости социализации этнических и языковых групп посредством взаимного овладения в социально необходимом объеме контактируемых языков. Как указывает М. В. Дьячков, «явно или скрыто не желая интегрироваться в язык или культуру соседей, индивид нарушает не столько этические, сколько социальные нормы. В результате в рамках единого социума вырисовывается несколько достаточно обособленных друг от друга больших групп – языковых коллективов, отличающихся не по этическим признакам, а по владению или невладению соответствующими языками. Конечно, они объединены знанием мажоритарного языка межэтнического общения, однако знание только его не всегда удовлетворяет требованиям эффективной социальной коммуникации: при использовании частью социума другого языка коммуникативные связи прерываются. Подобная дезинтеграция может приводить к возникновению, поддержанию и нарастанию социальной напряженности в рамках единого, но разноязычного социума»¹⁶⁹. В этом плане очень важной и полезной для малых языков была бы переориентация языковой политики Российского государства с национально-русского двуязычия в национальных регионах на русско-национальное. Активно обсуждавшееся в начале 90-х гг. направление на паритетное двуязычие в последние годы было успешно забыто.

Лингвистический аспект правового языкового регулирования касается уровня нормированности, развития языка, так как является предпосылкой адекватного функционирования каналов общественной коммуникации. Социопсихологический аспект языковой политики связан с решением вопроса, каким образом отношение речевых групп к своему языку влияет на языковую политику, которая воздействует на восприятие говорящим статуса, престижа и функций языка, направляя общественное сознание в отношении языка.

Попытки правового регулирования языкового вопроса затрагивают практически все сферы языковой деятельности, хотя, считается, что полного правового управления языковой ситуацией достичь невозможно, поскольку вне прескриптивного, нормативного подхода остается сфера межличностных отношений, достаточно существенная часть языкового функционирования.

5.3. Обычно среди лингвистов существовала точка зрения о невмешательстве в языковое развитие, хотя нормализаторские процессы уже можно было считать своего рода вмешательством в естественное развитие языков. В политизированном, заидеологизированном обществе, каким был Советский Союз, где использовались административно-командные методы регулирования языковой жизни, языковеды активно участвовали в «языковом строительстве» в 20–30-е гг. и разработках законов о языках в 80–90-х гг. Необходимость их участия в урегулировании языковых вопросов объяснялась тем, что «нерегулируемое развитие функционирования языков народов СССР, игнорирование потребностей людей в родном языке может привести в определенных исторических условиях к разрыву между желанием народа, его стремлением к использованию родного языка и действительностью... Необходимы меры, гарантирующие учет языковых устремлений народа и обеспечение их реализации»¹⁷⁰. Современное же российское демократическое общество, к сожалению, пока сохраняет угрозу существованию языков, поскольку, говоря о том, что «национальность должна стать частным делом гражданина, объектом его культурных, языковых и бытовых предпочтений», мы убиваем, точнее, революционизируем процесс ассимиляции и уподобляемся не Европе, которая стремится сохранить любой малый этнос, а Америке. Именно в этом случае мы потеряем свое национальное своеобразие, уникальность России. В сохранении наций и народностей должна за-

ключаться задача нового демократического государства. Поэтому в настоящее время очевидно и желательно участие специалистов-языковедов в разработке государственной языковой политики. Они могут помочь не только в выявлении объективной картины современной социолингвистической ситуации, определении состояний языков, но и в разработке мер по улучшению их положения.

Общепризнано, что языковая политика, проводимая в СССР, законодательно не регулировалась, не соответствовала национальным интересам, носила ассимиляционный характер. Процесс мобилизованного лингвизма, охвативший республики бывшего СССР в конце 1980 – начале 1990-х гг., привел к принятию практически во всех республиках законов о государственных языках, чаще титульного народа. Они стали ответной реакцией на недостатки языкового развития. Главная задача этого процесса – сохранение и развитие, охрана национальных языков¹⁷¹. Принятие языковых законов в тот период оказалось единственным выходом в сложившейся с национальным вопросом и национальными языками ситуации. Во всех национальных республиках были приняты законы о языках, которые носили экстенсивный характер и в которых приоритетное развитие отдается национальному, титульному, языку. Законодательно титульным языкам давалась возможность максимального развития их общественных функций, которых они были лишены в советское время. Приоритет был отдан этим языкам для того, чтобы они по-настоящему стали государственными, чтобы хотя бы восстановили утерянные ими позиции¹⁷².

Как понимают и законодатели, и носители языков, подобное решение вопроса имеет принудительный оттенок, поскольку любой закон и само государство уже есть принуждение. Они существуют для принуждения. Если закон либерален, то его исполнение должно быть жестким. Юридическое же равенство языков, провозглашенное в большинстве бывших автономных республик, часто является неравенством. Неравенством, поскольку, во-первых, в многонациональном государстве даже при широко развитом двуязычии существует функциональное неравенство, так как сохраняется функциональная дистрибуция по сферам общения. Во-вторых, многие языки, объявленные государственными, оказались неготовыми к исполнению своих общественных функций по уровню структурного развития, слабой

нормированности, узости социальной базы литературных форм. В данном случае российское государство должно выступить гарантом прав меньшинства, прав хотя бы тех языков, которые являются титульными, поскольку даже их состояние внушает опасение, не говоря уже о более мелких языках. Правовой статус государственных титульных языков не соответствует их уровню функционирования. Именно это и подразумевали составители законов в национальных республиках России, объявившие наряду со своими титульными языками государственным и русский язык, провозгласившие принцип добровольности в изучении национального языка.

Основной мотив придания статуса государственного титульным языкам был не юридический, а экологический¹⁷³, желание развивать свой язык, придать системный, возрастающий характер процессу сохранения традиций национальной культуры, национального языка. В период обсуждения проектов законов неоднократно высказывались мнения о том, что в них мало внимания уделено русскому языку. На что можно было бы возразить, что ни в одном из них не говорится о его подавлении или вытеснении, что сделать невозможно. А вот национальные языки имеют тенденцию к исчезновению. Принятие языковых законов в России – это результат многолетнего вытеснения национальных языков из различных сфер общения, игнорирования социальных и языковых интересов, притязаний народов, желания носителей языка защитить их, способствовать сохранению и развитию. Это сознательное воздействие российского общества на развитие языков – шаг к нормализации языковых ситуаций в национальных регионах, а в ряде случаев – и ликвидации напряжения, гашения языковых конфликтов.

В последнее время в особую группу можно выделить серию правовых документов, касающихся коренных народов. При определении прав коренных народов большинство законов чаще оперирует гражданскими критериями, чем этническими, более склоняясь к правам личности. В связи с тем, что в настоящее время достаточно актуальным является определение понятия «коренной народ», необходимо подчеркнуть, что перед историками и антропологами стоит задача достоверного описания истории своего края, его колонизации, выявления колониальной политики российского государства. Это необходимо для того, чтобы добиться от нынешних государств отдачи долга

коренным народам, подтолкнуть к исполнению принимаемых законов, касающихся как преэметвенности прав па землю, так и сохранения экономической, культурной и языковой практики, поскольку существует опасность того, что основная часть законов по коренным народам касается только их культурных особенностей, а не социальной справедливости. Как объективно отмечает С. А. Аругюнов, к малым народам надо подходить с иными политическими и экономическими мерками, чем к обычным гражданам страны. Применительно к их судьбе «дилемма стоит, едва ли не в самой острой форме: или соблюдение формального равноправия со всеми народами и растворение в среде более многочисленных народов, либо сохранение, но при условии отказа от некоторых «правил игры» в демократию». Места их обитания «должны быть территорией, на которой действуют иные правовые нормы, нежели на основной государственной территории»¹⁷⁴.

5.4. Существует несколько основополагающих документов по языковой полнтике: «Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств» (принята в ноябре 1992 г., вступила в силу в марте 1998 г., в РФ ратифицирована в 2001 г.), Декларация о языках пародов России (1991 г.), статья 68 Конституции Российской Федерации (1993 г.), закон «О языках народов Российской Федерации» (25.10.1991 г.). Отдельные статьи о защите языковых прав имеются в «Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств» (1995 г.), Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, в федеральном законе «О национально-культурной автономии» (1996 г.), «О гарантиях прав коренных народов Российской Федерации» (1999 г.), Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), в которой развитие национальной культуры и языков народов РФ признается узловою проблемой, требующей решения. Законодательство Российской Федерации о языках народов РФ включает законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, касающиеся вопросов языка.

Наиболее подробно проблема языка в правовом отношении рассматривается в «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств». Она руководствуется целью остановить упадок языков меньшинств, способствовать их употреблению в письменной и разговорной речи в общественной, социальной и экономической сфе-

рах жизни общества, а также призывает людей к преподаванию и изучению этих языков. Основная ее цель – культурная, защита и поддержка региональных языков и языков меньшинств, части культурного наследия Европы, находящихся под угрозой исчезновения. Тщательно разработанные и гибкие, рассчитанные на различные языковые ситуации, статьи Хартии практически охватывают все общественные сферы функционирования языков. В отличие от языковых законов в ней прописаны не только статьи об обязательствах сторон, подписывающих Хартию, практических мерах, существующих режимах защиты языков, об отчетности по проводимой Сторонами политики, но и даны подробные комментарии ко всем статьям Хартии. В частности, в них подчеркивается, что Хартия призвана защищать языки, а не языковые меньшинства. Права носителей языка очевидны и естественны: каждый человек имеет право говорить на своем языке. Однако также очевидно, что внедрение положений Хартии будет влиять на положение соответствующих сообществ и их членов. Значимыми для региональных языков и языков меньшинств являются статьи и комментарии Хартии об их использовании в административных органах и государственных службах: «язык, которым совершенно нельзя пользоваться в сношениях с государственными органами, не получает признания как таковой, поскольку язык есть средство публичного общения, и его применение не может быть ограничено лишь бытовой сферой»¹⁷⁵; в СМИ: «язык может сохранить свое влияние только в том случае, если он проникает в новые виды средств массовой коммуникации»¹⁷⁶. Надеемся, что ратификация Хартии в Российской Федерации (10 мая 2001 г.) с условиями предлагаемых поправок, на которые она рассчитана, и учет многих ее положений в федеративном и республиканских языковых законодательствах поднимут их значимость и будут способствовать более эффективной реализации.

Основными идеями законов, принятых в автономных республиках, являются равноправие языков всех наций и народностей, учет языковых интересов этих групп населения, языковых прав личности. В 90-х гг., в период активного обсуждения и принятия государственных законов, одним из наиболее болезненных вопросов было соотношение языковых прав личности и коллектива, принцип добровольности изучения языков. Достаточно удачной в этом плане представлялась концепция языкового суверенитета закона «О языках народов

РСФСР»¹⁷⁷, принятого в октябре 1991 г. Языковой суверенитет устанавливал взаимоотношения между индивидуальными и коллективными правами и определял совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора языка общения. В 1998 г. был принят федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О языках народов РСФСР»», который, к сожалению, отменил главу о языковом суверенитете, заменив ее понятием равноправия языков, хотя, очевидно, что в условиях России, где государственным языком объявлен русский, эта глава является фиктивной. Установка на равноправие была бы справедливой, если бы объявляемые государственным языки были действительно в равном положении, и правовом, и общественно-политическом. Внесенные изменения и дополнения демонстрируют, что закон стал юридически и лингвистически более строгим и точным, но стало заметно смещение акцентов языковой политики. Если в варианте 1991 г. под влиянием общественно-политических потрясений государственным языкам республик было дано достаточно много прав и полномочий вплоть до того, что в ст. 13 государственные языки республик перечислялись перед государственным языком РСФСР, в ст. 23 порядок наименования и надписей определялся республиками, краями и областями в соответствии с их компетенцией, то в поправках таких промахов уже нет.

Закон Российской Федерации наряду с объявлением русского языка государственным подтверждает право республик, входящих в состав РФ, устанавливать свои государственные языки, а также гарантирует всестороннюю защиту и государственную поддержку всех языков народов России. В любом законе должны сочетаться права и обязанности и государства, и гражданина этого государства. Однако объявленная законом Российской Федерации гарантия защиты языков, особенно экономическая и юридическая, фактически не исполняется. Вероятно, именно это вынуждает республиканские законы брать на себя ответственность за судьбу своих языков. Создается впечатление, что на местах «одеяло тянут на себя». Возможно, именно такое децентрализованное (снизу) языковое законодательство и планирование – наиболее разумный подход для справедливого решения проблем миноритарных языков. Ведь для того, чтобы восстановить, уравновесить положение языков, необходимо уделить им больше внимания в

любом аспекте, тем более, что российский закон «обеспечивает функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации» и «содействует развитию государственных языков республик», т. е. он носит разрешительный характер, гарантирует реализацию прав, создает условия.

Очевидно, что, как и для многих народов мира, главной движущей силой реформ является собственная политическая и законодательная активность. Забота о своем государственном языке лежит на самих республиках, поэтому на местах необходимы тщательная проработка документов и активная реализация их положений. К сожалению, наблюдающаяся в последние годы этнополитическая и экологическая переориентация руководства страны несколько настораживает. Переход на региональную структуру власти и акцент на освоение новых месторождений без учета экологии, интересов проживающих на данных территориях народов показывают тесную связь в проводимой внутренней политике национального и экологического факторов.

5.5. Критическое состояние бурятского языка так же, как и многих других национальных языков России, необходимость решения проблем заставили деятелей бурятской науки и культуры поднять вопрос о выравнивании существующего положения в функционировании русского и бурятского языков в Республике Бурятия. Выдвинутое требование о придании языку коренной национальности республике статуса государственного реализовано в законе «О языках народов Республики Бурятия», принятом в 1992 г., и Конституции РБ (1994 г.), которые провозгласили государственными языками Бурятии два языка – русский и бурятский. Принимая закон, бурятский народ добивался единственного права – говорить на своем языке, жить со своей культурой и языком, не ущемляя права других народов. В статье 67 Конституции РБ отмечено, что Республика Бурятия гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Закон РБ провозглашает, что «язык – это духовная основа существования любой нации. Он является величайшей национальной ценностью. Сохранение и развитие нации прежде всего связано с сохранением и функционированием ее языка».

В. Ц. Найдаков на 1-м съезде народов Бурятии в своем докладе «Проблемы национально-культурного развития народов Бурятии»¹⁷⁸ заметил, что только буряты (из всех признаваемых коренными наро-

дами РБ: бурят, русских, эвенков) являются государственнообразующей, титульной нацией, давшей название республике-государству. Остальные народы – часть других народов, имеющих свои государства или административные образования. Поскольку развиваться, сохраняться, переходя из поколения в поколение, бурятский язык может только на данной территории, территории Республики Бурятия и в какой-то мере в двух автономных округах, в местах исконного обитания бурят, то для уравнивания условий существования в законе особое внимание уделено статусу государственного бурятского языка, который не обладает равными возможностями с русским языком. Закон обеспечивает свободное развитие любому языку на территории Бурятии, но так как в своей основе он опирается на закон «О языках народов РСФСР», в нем достаточно внимания уделено второму государственному языку республики – русскому как государственному языку РФ, языку межнационального общения, одному из международных языков.

Наряду с положениями, общими для законов о языках различных субъектов Федерации, закон Бурятии содержит и некоторые специфические положения, которые определены законом РФ для национальных республик и только для данного региона. Так, в статьях 12 и 21 говорится о языках национальностей, компактно проживающих в РБ: эвенках, немцах и татарах. В частности, они могут использовать свои языки в делопроизводстве, проведении референдумов, создавать дошкольные и школьные группы, классы для обучения и воспитания на родном языке. Принятый закон предусматривает кардинальное расширение функционирования государственного бурятского языка во всех сферах, поддающихся правовому регулированию, особое внимание, как и в большинстве республиканских языковых законов, уделено области образования, поскольку оно должно обеспечить преемственность поколений, воспитание у молодежи любви и уважения к собственной культуре и языку, языку и традициям других народов. С помощью образования создаются предпосылки более активного формирования русско-бурятского двуязычия, пока малораспространенного в республике.

5.6. Основными трудностями реализации языкового законодательства в Бурятии являются недостаточная общероссийская разработанность юридических основ решения национальных¹⁷⁹, в том числе

национально-языковых проблем, так же, как и общероссийское неисполнение многих, не только языковых законов, отсутствие достаточной финансовой и материальной поддержки, а также наличие антиподов культуры межнациональных отношений: национальная предвзятость, неприязнь, недоверие, национальная ограниченность, замкнутость, тщеславие и нигилизм, незнание или неумение граждан пользоваться своими правами. Достаточно сложным был не только процесс принятия закона в Народном Хурале Республики Бурятия в 1992 г., но и последующая постепенная реализация отдельных его статей в жизнь. Так, введение преподавания бурятского языка как предмета в некоторых городских школах большинством русских родителей рассматривалось чуть ли не как посягательство на индивидуальные права человека. При этом многие из них до сих пор не осознают, что навязывание другого языка обучения, в данном случае русского в качестве единственного языка обучения и общения, нарушает права других этнических групп, проживающих в республике.

Как показывают опросы, основная масса населения Бурятии до настоящего времени не знает о существовании языкового закона, а ведь пропаганда закона – составной элемент механизма его реализации. Подробное объяснение позитивных последствий принятия того или иного закона делает его более привлекательным для широкой аудитории. К сожалению, органы государственной власти на местах также мало информированы о происходящих изменениях в языковой жизни республики. Конечно, языковая проблема – это не пенсии и не хлеб, о росте и ценах на которые население узнает сразу. Из-за потребительского отношения к жизни большинство принимают чаще только выгодные им материальные решения, не руководствуясь интеллектуальными или моральными аргументами. Но по прошествии почти десяти лет после принятия закона, думается, что общество все-таки должно знать, что демократические изменения происходят не только в политической, экономической жизни страны, органах власти. Существенных изменений в языковой жизни не произошло, так как население узнает о каких-либо постановлениях или законах обычно по тем мерам, которые принимаются в целях внедрения этого закона, а этих мер или мероприятий очень мало.

Большинство исследователей отмечают, что прошедшая в начале 90-х гг. волна объявления суверенитетов и принятия законов о язы-

ках, провозгласивших государственными наряду с русским языки титульных наций, привела в настоящее время к выводам, что придать языку статус государственного недостаточно. Ученые ставят вопрос о реальных путях и возможностях расширения социальных функций языков, без чего они не могут функционировать как государственные. Современная оценка языковых ситуаций и анализ результатов внедрения законов в жизнь показывают, что многие статьи закона не реализованы в срок по объективным причинам (функционирование в органах государственной власти, дело- и судопроизводстве, на транспорте, в связи и некоторых других сферах). Между тем пельзя не признать положительной роли действующего законодательства в социокультурном аспекте, для сфер народного образования, духовной культуры, в меньшей степени – массовой коммуникации.

Сегодня по истечении почти десяти лет можно уже четко определить достоинства и недостатки принятых в республиках законов. Для большинства из них характерно отсутствие четко определенной конечной цели, не закреплены ответственные и контролирующие структуры, не отражены сроки исполнения статей закона. Реализация законов, в основном, была затруднена и обусловлена рядом экстралингвистических или объективных социально-политических и экономических трудностей. Возможно, необходимо было расширить конституционное правовое регулирование языковых отношений, чтобы оно могло не только провозглашать, что у нас два государственных языка, но и обеспечивать равные права и возможности для их полноценного функционирования. В отличие от многих законов, принятых в бывших автономных республиках, бурятский закон не был сопровожден сроками исполнения закона. Он как бы сыграл роль пробного камня. И во многом не исполняется, хотя имеет существенное значение в современной общественной жизни республики.

5.7. Переходный этап языковых реформ закончился, но законы должны корректироваться и совершенствоваться постоянно. Как показывает международный опыт, необходимы регулярная (хотя бы раз в 10 лет) коррекция имеющихся законов, внесение поправок. Безусловным плюсом для национально-языковой политики России являются происходящие изменения в сфере становления ее правовой системы, принятие ею ряда международных документов, правовых актов, касающихся национальных меньшинств: «Декларация ООН о правах

лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992 г.), «Европейская Хартия народов и регионов» (1996 г.), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.). Рагификация этих документов дает надежду, что решение языковых проблем будет происходить вполне демократично и на законодательной основе.

На современном этапе необходима доработка как в содержательной части, так и в исполнительной бурятского закона, а иначе он может остаться неработающим документом. В частности, в содержательной части желательно, иолагает В. П. Нерознак¹⁸⁰, отметить лингвокультурную мотивацию закона, с признанием частью культурного достояния республики богатства языков и диалектов, которые должны пользоваться уважением и защитой. Необходимо, во-первых, ввести статью об использовании языков в сфере науки и культуры, во-вторых, усилить пункты о защите, охране языков и культур национальных меньшинств РБ, что будет более соответствовать названию закона, повысит его значимость, будет способствовать удовлетворению национально-культурных интересов народов РБ.

Отсутствие статьи о государственных гарантиях функционирования языков в Бурятии, об обеспечении равноправного функционирования бурятского и русского языков как государственных делает закон неполным. На данном этапе требуется четкое законодательное определение сфер (возможно, и типов ситуаций) исключительного использования русского языка, равноправного употребления бурятского и русского языков, преимущественного применения бурятского языка. С тем чтобы способствовать развитию бурятского языка, его конкурентоспособности с русским, в частности, желательно введение статьи об обязательном государственном выпускном или вступительном экзамене в вузы Бурятии, что будет воздействовать на развитие ориентированного двуязычия. Выпускники городских школ будут владеть хотя бы минимумом знаний и навыков общения на бурятском языке, что будет им необходимо для выполнения служебных и профессиональных обязанностей. Вероятно внесение пунктов статей, способствующих активизации государственного воздействия в сфере создания общественного мнения в пользу повышения престижности бурятского языка как государственного. Законом РБ недостаточно полно используются разрешительные возможности статей закона Рос-

сиинской Федерации. В законе РФ русский язык не определен как язык обучения и воспитания. Он как государственный только изучается во всех государственных общеобразовательных учреждениях, а языком обучения и воспитания является родной язык. Законом РБ не учитывается п. 6 статьи 15 закона РФ об определенных ограничениях и нормах использования языков в сфере профессионального общения. Желательно в дополнение к закону РБ разработать Положение о языковых квалификационных требованиях. В случае отсутствия соответствующего пункта в законе РБ можно сослаться на статью 22 закона РФ: «Отказ в обслуживании граждан под предлогом незнания языка недопустим и влечет за собой ответственность согласно законодательству РФ и республик в составе РФ», хотя желательно иметь свое законодательное решение подобных вопросов.

Недостаточно разработаны в законодательстве РБ статьи о компетенции республики в сфере охраны, изучения и использования языков народов РБ. Можно законодательно закрепить статью о Государственной программе РБ (или Региональной, как сказано в поправках к закону РФ) по сохранению, изучению и развитию языков народов РБ, что будет гарантировать ее регулярное принятие и исполнение на всех уровнях власти. Достаточно обоснованными должны быть статьи в пользу поддержки языкового общения с соотечественниками-бурятами, живущими за пределами республики, лишенными гарантированных возможностей для развития и поддержки родного языка, поскольку при отсутствии политической, территориальной и национально-культурной целостности сохраняется угроза этнической и культурной дезинтеграции, языковой дифференциации, изоляции с последующей этнической ассимиляцией. Желательно дополнение закона статьями об ответственности органов, отвечающих за исполнение закона, за использование и обогащение бурятского языка, что способствовало бы регуляции внутриязыковых процессов. Органы взяли бы на себя часть функциональной ответственности комиссии по языковым вопросам.

Очевидно, что необходимо дополнение закона «О языках народов Республики Бурятия» надежным правовым механизмом по претворению закона в жизнь (т. е. правовыми гарантиями), механизмом организационного, финансового и исполнительского обеспечения или пунктом об обязательности его выполнения на территории РБ всеми

постоянными жителями вплоть до возможности предъявить судебный иск в случае несоблюдения обеспечения функционирования государственных языков в различных официальных сферах. Необходимо обратить внимание на сочетание законодательной деятельности и правового механизма претворения четко определенной языковой политики, а также на роль судебной власти и экономических рычагов в достижении целей в языковой политике. Для более эффективной работы закона его статьи обычно дополняются сроками их внедрения, а также формами контроля со стороны госструктур. Возможно даже законодательное закрепление ответственности государственной власти за исполнение закона. В целом же механизм введения закона работает при учете таких принципов, как планомерное, поэтапное (по мере создания условий) внедрение его в сферу служебного общения, дело-производство; организация системы мероприятий по пропаганде государственных языков; установление системы контроля и отчетности по языковому вопросу.

Что касается проблемы обучения языкам, то здесь должен соблюдаться добровольно-осознанный подход плюс финансовая заинтересованность: надбавки к жалованию при знании обоих государственных языков, преимущества при поступлении на работу или учебу, поскольку, помимо юридического обеспечения свободы выбора языка, должно быть материальное или финансовое обеспечение этих гарантий. Не может быть отдельного духовного возрождения нации без реальной экономической базы. Все желающие должны обучаться обоим языкам бесплатно.

Считается, что государственный язык может выполнять свои функции только в литературных формах. Но многие лингвисты считают, что любой язык полифункционален и даже диалект со временем может развиваться в литературный язык, который будет обслуживать все сферы жизни данного социума, для чего нужно создать определенные условия, главным из которых является сохранение языка, даже в виде диалектов и наречий. Как отмечает В. М. Алпатов¹⁸¹, в отдельных странах (Япония) национальным достоянием признаются не только языки, но и диалекты. Ясно, что для этого потребуются время и значительные средства. Что касается бурятского языка, то он обладает достаточно разработанной нормативной базой и возможность его использования во многих сферах деятельности, в том числе и офици-

ально-деловой, вполне очевидна. Вероятно, что интеграционному процессу в бурятском литературном языке (в образовании, общественном управлении и СМИ) будет способствовать принятие дополнительного закона о нормализации языка.

Не следует при этом идти на поводу у некоторых исследователей, утверждающих, что употребление малых языков во многих общественных сферах неосуществимо и «нецелесообразно, так как повлечет дублирование большого объема информации и усложнит функционирование соответствующих сфер общественной деятельности»¹⁸². Во-первых, это вполне осуществимо, во-вторых, материальные затраты вполне окупятся созданием благоприятной этноязыковой ситуации, в-третьих, именно отказ от использования языка в общественно-деловой сфере приведет к потере государственности бурятского языка и в дальнейшем к постепенной утрате этого языка. Именно сейчас имеется возможность возродить полноценное функционирование бурятского языка.

Реализация закона «О языках народов Республики Бурятия» должна иметь системный, поэтапный, необратимый, четко направленный характер, имеющий своим следствием закономерные изменения в функционировании языков, с охватом всех жизненных сфер с ближней и дальней перспективой.

5.8. Основными подзаконными актами по реализации законов являются Государственные (Региональные) программы по сохранению и развитию языков. В Российской Концепции Государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации, принятой в июне 1992 г., говорится, что в республиках в составе РФ, где коренное население, давшее название республике, составляет меньшинство, язык этого коренного населения нуждается в особой защите и поддержке. В июле 2001 г. была принята федеральная программа «Русский язык», которую надо будет вводить одновременно с региональной или республиканской программой.

В целях реализации закона «О языках народов Республики Бурятия» Правительством РБ в 1996 г. было принято постановление № 241, в котором отмечалось, что ряд статей закона в полном объеме не выполняется, была разработана и одобрена Советом Министров РБ Государственная программа сохранения и развития языков народов Республики Бурятия, но которая не была утверждена Верховным Со-

ветом РБ и осталась без финансирования. Объектами сохранения и развития, согласно программе, являются бурятский, русский и эвенкийский языки. В ней, в частности, указано, что сохранение и развитие титульного языка Республики Бурятия – это повседневная, осознанная всем населением республики работа, рассчитанная на десятилетия. Требуется большая разъяснительная работа, популяризация языка, главным образом, через средства массовой информации. Эта работа должна проходить без элементов принуждения и администрирования, т. е. предполагается, что данный факт должен осознаваться не только бурятами, но и другими народами, проживающими в Бурятии, в целях воспитания взаимного уважения, поддержки культуры и языка своего народа, всех народов.

Целью и содержанием Государственной (Региональной) программы по возрождению, сохранению и развитию языков народов РБ должны стать разработка комплекса конкретных мероприятий (научно-исследовательских, прикладных и организационно-практических) для претворения в жизнь закона, выявление и обоснование объема работ, способов их реализации, порядок и сроки внедрения, обеспечения материальными ресурсами, кадрами, научной базой. А в ее основе должна лежать концепция достижения полноценного паритетного двуязычия. Модель управления этноязыковым развитием включает комплексное (правовое, экономическое, культурное, образовательное, научное) решение проблемы сохранения и развития языков:

1. Выявление приоритетных направлений этноязыкового национального развития, соотнесение их с комплексным генеральным планом развития культуры и вообще региона в целом;
2. Определение масштабов затрат (материальных, кадровых, информационных) и источников финансирования;
3. Выработка реальных социальных гарантий, создание эффективного социально-экономического и организационно-правового механизма обеспечения процессов возрождения национальной культуры и языков.

В утвержденной Правительством РБ Государственной программе (постановление № 241) основной упор делался на решение учебно-образовательных и организационно-методических задач. Небольшие разделы по редакционно-издательской деятельности и развитию языка в сфере государственного управления не предлагали ничего ново-

го. Так же, как и многие постановления того периода, оно не было исполнено в большей части из-за отсутствия финансирования. Не была также создана комиссия по языкам при Правительстве Бурятии. Все свелось к созданию группы по переводу правительственных документов, деятельность которой не заметна и не ощутима. А время ставит уже новые проблемы и задачи. На 2-м съезде народов Республики Бурятия участники Круглого стола «Двуязычие: проблемы и пути решения» предложили:

1. Создать при Ассамблее (Доме Дружбы) Центр по развитию языков, на базе которого открыть разнообразные курсы по их интенсивному обучению, организовать рабочую группу по разработке языковых обучающих программ.

2. Просить Правительство РБ поддержать инициативу по созданию Института монголоязычных народов с долевым участием трех государств и соответствующей трехмесячной подготовкой студентов в городах Улан-Батор, Улан-Удэ, Хухэ-Хото, Элиста.

3. Открыть самостоятельный национальный телевизионный канал с охватом вещания всей территории республики. Расширить информационные связи с Монголией посредством телевизионной связи.

4. Просить Правительство РБ о выделении средств на создание первого детского издательства, в частности, для восстановления издания журнала «Хараасгай».

5. Просить Президента РБ об учреждении Государственной премии за лучшее детское произведение, учебник на бурятском и эвенкийском языках.

6. Учредить проведение ежегодного Дня бурятского языка и литературы.

7. Установить обязательную сдачу выпускного государственного экзамена по бурятскому языку во всех школах РБ, предварительно сделав этот предмет обязательным во всех школах. Таким образом снимется болезненный вопрос для большинства языковых законов о сдаче экзаменов по государственному национальному языку для всего взрослого населения.

8. Открыть в г. Улан-Удэ несколько национальных школ (лицеев) с преподаванием всех предметов в начальных классах на бурятском языке, что, возможно, снимет проблему конкурса в национальный лицей № 1.

9. Повысить внимание к изучению языковых предметов в школах, средних учебных заведениях и вузах, открыть в вузах межфакультетские кафедры бурятского языка.

10. Усилить научные исследования по изучению языка шэнэхэнских бурят, созданию единого бурятского койне на базе языка иволгинских бурят.

Подобные предложения можно решить в рамках языкового законодательства. Основная проблема – закон должен работать. Способы же внедрения закона в жизнь разнообразны: 1) разработка механизма реализации закона в виде сопровождающих закон сроков исполнения, ответственных, исполнительных и контролирующих органов; 2) создание комиссии (комитета, совета) по реализации закона; 3) принятие государственной (региональной) программы.

* * *

Постоянные перемены в обществе сопровождаются изменениями языковых коллективов и сообществ, условий их существования, отношений между ними. Нужно постоянно уточнять, менять и дополнять правовые акты, регулирующие языковые вопросы. В настоящее время требуют уточнения и четкой формулировки основные принципы этнонациональной и в ее русле языковой политики Российского государства, этноязыкового права. Для марксистской идеологии была характерна плюралистическая языковая политика, «в научной литературе превалировало мнение о том, что в СССР функционирует гармоническая модель организации языковой действительности – для всей страны язык межнационального общения плюс 130 языков коренных народов СССР, которые развиваются в соответствии с социальными и культурными потребностями народов»¹⁸³. Чем же руководствуется теперь российское государство при решении языковых вопросов? Политикой плюрализма, демократизма, интеграции, ассимиляции или сегрегации? Необходимы разработка и проведение в жизнь концептуально новой линии в национальной политике. М. Н. Губогло считает, что пока этнический фактор отодвигается руководством страны на второстепенные колеи государственного переустройства, но, по его мнению, в законодательных решениях по национальным вопросам важно «сочетание государственного патернализма и общественной инициативы, в том числе в виде этнической мобилизации самих народов»¹⁸⁴.

Различные языковые обострения и конфликты можно предотвратить, если проводить не только умелую государственную языковую политику, но и вести прогнозирующие исследования, обеспечивать законодательную базу государственной национальной политики разнообразной достоверной информацией. Умелая языковая политика должна быть основана на объективном учете психологических, социальных, лингвистических и политических факторов, не должна быть категоричной и поспешной, при ее проведении обязательны разъяснения, большая и тщательная работа.

§ 6. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Как и в далекие 20-е гг., сегодня идет дискуссия о проблемах и перспективах бурятской нации, бурятского языка. За сто лет многое изменилось, значительны перемены в социокультурном облике бурятского народа, а проблемы остались. Особенностью настоящего периода является то, что сейчас осознается, что необходимо возродить традиционные формы и стили искусства бурятского народа, активнее формировать, сохранять свою национальную культуру и язык. Большинство считают, что она должна развиваться самостоятельно в пределах границ Российского государства. Сегодня меньше ярых сторонников этнического развития бурят в тесной связи с культурами и языками монгольских народов. Поддерживается линия, принятая в 20–30-е гг. советским государством на формирование самостоятельной бурятской культуры и нации.

Между тем реальная языковая ситуация в Республике Бурятия относительно бурятского языка на данном этапе остается критической, процесс языковой ассимиляции бурятского населения не приостановлен, проблема возрождения бурятского языка не снимается, пока он не достиг статуса государственного языка. В последнее десятилетие эти вопросы стояли в центре внимания общественности, многих научных исследований и правительственных органов. В данный момент можно констатировать следующее: о том, что проблема существует, можно спокойно говорить, население поддерживает меры по языковому возрождению народов РБ. Медленно, но верно набирает темп процесс ретнизации этноса и этноязыка, постепенно идет формирование молодого поколения национальной интеллиген-

ции, которая занимается распространением своей культуры и языка. Насколько длительным будет этот процесс? Ведь любой малочисленный народ в окружении многомиллионного инокультурного населения без мощной государственной поддержки и даже просто при невмешательстве, естественно, теряет свои национальные черты, ассимилируется. Что необходимо предпринять, чтобы поддержать тот хрупкий перелом, те небольшие изменения, которые произошли в конце XX в.?

6.1. Защитниками процессов рэтинизации, языковой экологии чаще выступают специалисты-носители малых языков, особенно остро переживающие за их судьбы. Как полагает А. Г. Гюльмагомедов, сохранение языков могут обеспечить следующие мероприятия: 1) создание письменности на этих языках, 2) начальное обучение на этих языках, 3) становление литературы, вырабатывающей у носителей этих языков активное координированное двуязычие, трехязычие, 4) поддержка со стороны государства учреждений различных форм самостоятельного искусства народов, 5) проведение политики, направленной на поддержание компактного проживания носителей одного языка. Развитие языка происходит, если на нем создается профессиональная художественная литература, если он используется в качестве языка гуманитарных, возможно, и естественных наук, если имеет службы, обеспечивающие его чистоту, культуру речевого общения, если служит средством межнационального, межэтнического, а еще лучше и международного общения, т. е. он изучается как иностранный¹⁸⁵. Основами же знания языка являются потребность в нем и среда обитания.

Очевидно, что, если для языков типа селькупского и многих других, еще стоит проблема создания письменности, отсутствия кадров и учебников, для некоторых северных языков существенными являются факторы смертности или ухудшения экологии, то в бурятском языке имеются свои специфические задачи и проблемы. Что касается особенностей языковой ситуации Бурятии, то, как отмечают многие исследователи, основная задача на сегодня – это разработка национальной доктрины РБ и в ее русле идей развития культуры народов республики и их языков, т. е. механизмов регуляции базовых основ духовной жизни общества; определение пути, обеспечивающего сохранение языков, в том числе и бурятского, для конкретного случая со-

существования народов в РБ. Поскольку такие народы, как бурятский, объективно находятся в неблагоприятном положении, и для того чтобы достичь представителям данного этноса какого-либо социального успеха, необходимо хорошее знание языка более многочисленного народа.

Одна из основных трудностей в решении языковых задач на данном этапе – за относительно небольшой срок привести в соответствие ценностные ориентации всей языковой общности с языковой компетенцией отдельной ее части, поскольку в Бурятии, как и в большинстве национальных регионов страны, волевой выбор состоялся в пользу языка русского этноса, численно превосходящего другие этносы. Наблюдается одностороннее национально-русское контактное двуязычие, имеющее достаточно неутешительную перспективу для национального языка.

Общепризнано, что в многонациональном обществе выгодно использование одного крупного языка, такова тенденция мирового языкового развития, двуязычие становится нормой для многих стран мира. Одноязычными являются преимущественно массы крупных государств, США, России, Китая. В этом плане бурятское население республики соответствует общемировому стандарту и опережает русскоязычное: основная масса бурят двуязычна. Сельские буряты даже ставят задачу полноценного изучения иностранных языков, т. е. они стремятся к трехязычию. Практика показывает, что двуязычие не только полезная вещь: при параллельном усвоении языков степень их владения выше, поскольку успешное изучение второго литературного языка способствует углубленному усвоению своего литературного языка. В данном случае не ставится задача резкого ограничения функций русского языка, поскольку возможны обратная реакция и возникновение языкового конфликта. Кроме того, необходимо думать о сохранении всех видов контактов (экономических, политических, культурных) и связей внутри и вне республики, т. е. национально-русское двуязычие сохраняет свою социальную значимость.

Важно сделать престижным качественное функциональное знание 2–3-х языков на базе своего родного языка, а утверждение бурятского языка в родной национальной среде должно быть признаком жизненно важной проблемой. Развитие массового двуязычия будет способствовать развитию языков, в том числе и бурятского, увеличе-

нию его общественных функций, а знание языков, обычаев, традиций обычно приводит к расширению кругозора, повышению общей культуры, формированию языковой толерантности, совершенствованию культуры межнационального общения, преодолению идеологического, социально-психологического барьера отчужденности, противостояния национальных интересов, воспитанию взаимного уважения.

Однако для того, чтобы устанавливать паритетное двуязычие, как утверждает В. К. Журавлев, необходимо учесть «степень интеграции соответствующей нации, уровень нормированности, стандартизации национального литературного языка, степень владения национальной интеллигенцией своим родным языком, объем и качество классических текстов на данном языке»¹⁸⁶. Знание обоих языков должно быть социально востребованным, т. е. важно сформировать социально-ориентированное или функциональное двуязычие, которое отвечало бы потребностям личности, сформированным социально-экономическими, политическими условиями жизни республики, зависело от социальных потребностей общества и отдельных его индивидов. Нужно расширение сфер функционирования бурятского языка, поскольку, во-первых, даже отлично владеющие бурятским языком часто не могут найти сферу производственного применения родного языка, во-вторых, его правовой статус в настоящее время не соответствует уровню функционирования как государственного языка. В конечном же счете требуется создание языковой среды, так как основное условие выживаемости языка, если он является средством жизни данного этноса, средством адаптации народа к жизни. Тогда язык выживет, даже если на нем будут говорить 100–500 человек.

Чаще двуязычие бывает полезным для более сильных языков, т. е. существует опасность, что резкое увеличение социалемы бурятского литературного языка путем ее социально-этнического содержания приведет к расшатыванию его норм, внутренним изменениям под влиянием языка-донора, снижению культуры родной речи, полуязычию. Для «пострадавших» или «больных» языков типа бурятского двуязычие вообще может оказаться явлением отрицательным, так как фактически оно редко существует в чистом виде и в речи все осложняется языковым смешением, что в конце концов приводит к отступлению одного, более «слабого» языка. Чтобы этого не допустить, во-первых, ввести «управление процессом формирования двуязычия

(особенно раннего детского) – необходимое условие нормального развития языковой личности в условиях взаимодействия языков и культур»¹⁸⁷. Во-вторых, этому будут способствовать широкая разъяснительная работа, четкая организация осуществляемых мер, в-третьих, поощрение и стимулирование двуязычия путем создания всех условий для его функционирования, т. е. нужно принять систему мер (в первую очередь, правовых и экономических), которые бы поддержали принятый закон «О языках народов Республики Бурятия», способствовали решению задачи гармоничного развития паритетного двуязычия в республике, укреплению и расширению бурятской языковой среды.

6.2. Поскольку происходящие в языке изменения многоаспектны, в нем одновременно взаимодействуют пространственный, временной, социальный и функциональный факторы. Система основных, отвечающих внутренней природе языка, принципов, которыми следует руководствоваться, должна обеспечивать защиту языка, его носителя на протяжении всей жизни, во всю глубину и ширину языка. Должны соблюдаться: а) временная непрерывность в системе обучения: сад – школа – вуз, что особенно важно для городских детей, а также необходимо для поддержки языковых знаний сельских учащихся, поступающих в техникумы и вузы города; б) пространственная поддержка языка. Человек должен быть окружен информацией на родном языке: вывесками, наименованиями, объявлениями, газетами, телевидением, радио. Необходимы расширение «представительства» языка во всех сферах жизни, создание благоприятного социального пространства общения на родном языке на производстве, в транспорте, любом общественном месте, что вполне возможно.

На данном этапе развития для языков, подобных бурятскому, наиболее эффективно реализуется языковое законодательство в сферах народного образования, массовой коммуникации и духовной культуры, поскольку они массовые, их легче регулировать, структура языка в них более адекватна. Однако, как показал анализ языка средств массовой информации, да и в других сферах, не в полной мере используются потенциальные возможности бурятского языка. Не развит язык публичных выступлений, политиков, хотя традиции устного народного творчества, художественной литературы свидетельствуют о богатстве и красоте бурятского языка. Поэтому необходимо

активизировать его творческую деятельность в отношении новых терминов, понятий, слов, устанавливая при этом соотношение сознательного воздействия конкретных индивидуумов, писателей и целых социальных слоев на норму языка. Сегодня, как никогда, в бурятской языковой среде востребована роль интеллектуальной личности – лидера в судьбе становления лингвистических норм, так как требуются сознательное исправление и теоретическое осмысление традиционных понятий.

В отличие от XIX в. и даже XX в., когда эталоном считался язык художественной литературы, сейчас основным социолингвистическим пространством, аппаратом хранения и социализации норм литературного языка являются средства массовой информации. Именно через СМИ происходят каждодневное культивирование и закрепление основной формы существования языка как средства коммуникации. Отсутствие или недостаточное развитие «поддерживающих структур», – газет, телевидения, радио – ощутимо сказываются на использовании того или иного языка. Неудовлетворенность представительностью бурятского языка в СМИ высказывается многими учеными и общественными деятелями. Предлагается реформирование всей структуры республиканского телевидения, создание своего национального канала, по которому вещание полностью велось бы на бурятском языке, в крайнем случае, увеличение интервала вещания передач на бурятском языке на радио и ТВ, посвященных местной проблематике. В лучшем случае – создание нового информационного поля на бурятском языке, а также придание статуса государственного всем информационным службам, включая и Бурятское книжное издательство, поскольку успешная реализация поставленных задач непосредственно связана с издательско-полиграфическими возможностями республики. Прекращение вещания на русском языке, сокращение информационных и развлекательных программ, количества периодических изданий, книг на русском языке – одни из важнейших причин изменения языковых ситуаций в республиках бывшего СССР.

Главные факторы направленности национально-культурных интересов и пути формирования массового двуязычия – создание языковой среды периода социализации личности. «Передача языка детям играет более важную роль, чем абсолютное число говорящих на нем людей», – констатирует профессор языкознания Цюрихского универ-

ситета Карен Эбертс¹⁸⁸. Многие многонациональные государства пытаются укрепить позиции местных автохтонных языков в рамках церкви и системы образования, хотя и подчеркивают важность использования государственного языка.

Как свидетельствуют многочисленные исследования лингвистов, чем дольше идет обучение на родном языке в школе, тем в большей степени выпускники школ ориентированы на литературу на родном языке взрослыми людьми. Представители нацменьшинств бывшего СССР стремились обучать детей двум языкам – родному и языку общегосударственного статуса. Поскольку выбор языка обучения является прерогативой каждой национальности, она и должна определять пределы использования родного языка. Вся дошкольная и школьная подготовка детей должна быть направлена на достижение оптимального эффекта в обучении при сохранении этнической культуры¹⁸⁹.

Что касается образования в РБ, то, как полагают многие ученые и преподаватели школ и вузов, несмотря на многие положительные изменения, к сожалению, полностью «национальная бурятская школа» еще не функционирует, и право граждан РФ на получение общего основного образования на родном языке не реализовано. Согласно закону РФ и «Концепции национальной школы, научных, организационных механизмах ее реализации», под национальной школой понимается система образования детей и подростков, строящаяся на принципе включения их в родную этнокультурную традицию с целью становления новых поколений ее носителей и творческих продолжателей на основе полноценного владения родным языком. Необходимым условием признания национальной школы является родной язык обучения (изучения)¹⁹⁰. У нас обучение на родном языке ограничивается только начальными классами и только национальными школами (в 124 из 164, в 40 школах, перешедших на русский язык обучения, родному языку отводится четверть учебного времени), которые составляют 1/3 всех школ республики, т. е. фактически понятие «бурятская национальная школа» неполноценно. В это понятие включаются национальные лицеи и гимназии, в которых также в начальных классах ограничиваются изучением бурятского языка, литературы, истории края. Как показывают разнообразные исследования, и в этих учебных заведениях качество обучения оставляет желать лучшего.

Основная масса детей, которая до школы не говорила по-бурятски, не становится двуязычной после такого обучения.

Перед образовательными структурами республики ставится задача создания оптимальной и эффективной системы обучения языкам с сохранением предметов по этническим культурам, желательным также остается введение предмета по этноэкологии (включающей сведения об этногенезе народов республики, их языке, культуре). Эта система образования должна обеспечить не только качественное преподавание национального языка, но и усилить воспитательное значение родного языка, пропаганду его богатства и красоты, истории и культуры, демократических и прогрессивных традиций, обычаев и этикета бурятского народа, культивировать уважение к языку, стимулировать его использование в разных сферах общения, способствуя поднятию уровня культуры. Она должна включать разнообразные методики обучения, рассчитанные на различные социальные слои населения, начиная с детских садов и заканчивая взрослым контингентом, желающим освоить или усовершенствовать свои языковые знания. Возможно, для эффективного научно-методического обеспечения обучения бурятскому языку целесообразно создание проблемной лаборатории при Бурятском государственном университете или Центра по интенсивному обучению языкам, в задачи которых входило бы создание учебно-методических комплексов. Комплексы подходили бы к решению проблемы системно, оптимально с использованием всего многообразия обучающих средств.

Очевидно, что при обучении предпочтительно опираться на возбуждение естественного интереса к своему языку и языку своих близких, а не насильно насаждать знания, что довольно легко осуществить в детском возрасте. В детских садах и школах должно быть очень качественное и методически разнообразное образование вплоть до разработки языковых обучающих компьютерных программ. На уровне же высшего образования для реального осуществления процесса гуманитаризации образования во всех вузах Бурятии в качестве обязательных учебных дисциплин необходимо введение таких предметов, как русский язык, бурятский язык, факультативно – русская литература, бурятская литература и фольклор. В целях компенсации лингвистического неравенства и развития паритетного двуязычия в настоящее время можно говорить о введении бурятского языка в каче-

стве обязательного учебного предмета для всех постоянных жителей Бурятии, независимо от их национальной принадлежности. Особенно это касается вопросов организации обучения бурятскому языку взрослого контингента государственных служащих, которые по своим должностным обязанностям вынуждены постоянно контактировать с бурятским населением. Знание языка должно быть профессионально востребовано.

Т. В. Аргунова¹⁹¹ считает, что реализация приоритетных направлений (формирование национального самосознания, сохранение и развитие национальных культур, достижение современного уровня образовательного стандарта) возможна на основе оптимизации языковой базы обучения. В частности, она отмечает, что основополагающим принципом Концепции обновения и развития национальных школ Республики Саха является конституционное право обучения и воспитания учащихся на родном языке, роль которого есть основа развития интеллекта, формирования эмоциональной сферы, становления творческой личности, способной создавать национальные и общечеловеческие культурные ценности. Роль языка в последние десятилетия была неоправданно прииженена. В связи с этим повышается статус гуманитарных дисциплин. Проблема изучения языков в русле Концепции приобрела новые грани – целенаправленность изучения языков, понимание необходимости владения местными языками русскоязычным населением, расширился перечень изучаемых иностранных языков в средних и высших учебных заведениях.

6.3. Обычно решения языковых проблем могут определяться из политических, культурных, лингвистических и даже экономических соображений. Причем, если политические факторы и решения могут приниматься и меняться очень быстро; то культурные – намного медленнее, а лингвистические факторы имеют свойство самого длительного действия. Они соответствуют динамике эволюционных изменений в данных сферах, поскольку языковые процессы являются достаточно инерционными, характер и интенсивность их проявления обнаруживаются не сразу после вводимых реформ. Поэтому они требуют более внимательного и осторожного отношения, особой заботы, тщательного планирования. Темпы потери языка в 3–4 поколения можно сопоставить с темпами потери культуры. Скорее всего, культурная ассимиляция будет происходить на 2–3 поколения дольше, поскольку

культура более многокомпонентна. Эту мысль подтверждают слова В. В. Боброва: «То, что в пределах жизни 2–3-х поколений представляется незначительным, в последующем может в корне изменить качественные характеристики этноса»¹⁹².

Под языковой политикой нами понимаются принятие оперативных мер не без вмешательства в процессы речевого развития и использование возможностей управления стихийно происходящими процессами, факторами, которые могут модифицировать языковую структуру. Языковое же планирование в масштабах региона должно воздействовать, во-первых, на функциональный статус языка, во-вторых, на структуру, точнее, стандартизацию и нормализацию, поскольку язык может исчезнуть двумя путями. а) с увеличением числа билингов, когда носители малого языка сокращают его употребление, постепенно обходясь без него, не видя в нем необходимости и б) с внутренними изменениями языка под влиянием либо языка-донора, либо доминирующего языка. Процесс стандартизации в сочетании с ростом этнического самосознания способствует повышению статуса языка, его престижу, под которым понимается соответствие образу «современного» языка. Максимальной же точкой функционального развития языка является достижение им статуса международного языка, хотя чаще всего международный престиж определяется политическими, экономическими границами, научно-техническим потенциалом, торговыми связями государства, в котором язык существует. Кстати, политическая ориентация России и Республики Бурятия на Восток косвенно может способствовать поднятию престижа бурятского языка, более частому его использованию в проведении официальных встреч, собраний, съездов, конференций.

Языковые проблемы неразрывно связаны с проблемами сохранения этноса, его культурой, которая является глобальным интегрирующим фактором социального развития. Некоторые ученые решение проблемы сохранения культуры и языка видят в приобщении к какой-нибудь близкородственной культуре, чаще культуре более многочисленной нации, народности. Агван Доржиев, Б. Барадин, Г. Цыбиков, Ц. Жамцарано и другие общественные деятели начала XX в. считали, что для сохранения бурятской культуры необходимо приобщение к буддийской, общемонгольской культуре, отрыв от которой им представлялся равным национальной гибели. Сегодня активным сторон-

ником этой идеи является Ш. Б. Чимитдоржиев. Он полагает, что у всех монголов единая древняя культура, корнями уходящая в центральноазиатскую цивилизацию, единая письменность – классическое старомонгольское вертикальное письмо. Все это нужно поддерживать и развивать. Хотя в современных условиях это затруднительно. На современном этапе можно хотя бы создать единое культурно-информационное поле для трех бурятских субъектов Федерации, что позволит решить часть проблем этнической Бурятии.

Необходимы осознание и пропаганда того, что своя культура на своем языке есть часть, и немалая, мировой культуры и приобщиться к ней или внести вклад мы можем только через свою культуру на своем языке. Своеобразие и ценность каждой нации состоят в ее самобытной культуре, чем и надо гордиться. Имеется мнение по выходу из языкового кризиса: вписать культуру и язык бурят сразу в мировое информационное пространство. Однако для этого необходимо иметь мощную государственную экономическую базу, авторитет и престиж языка и культуры, поскольку «в условиях межкультурного взаимодействия этносов, находящихся на разных стадиях развития материальной культуры, возможно замедление темпов воздействия на систему знаковых элементов духовной культуры этноса-потребителя с помощью мер, направленных на адаптацию собственных вербальных структур к вторгающимся информационным потокам. Но для этого требуются значительные усилия в области научного обеспечения и соответствующее руководство средствами массовой информации»¹⁹³, в том числе языком, поскольку идет адаптация языка к современным информационным потокам.

Поскольку одним из интегрирующих факторов является экономика, а основой знания языка – потребность в нем, то знание обоих государственных языков должно восприниматься как социально-экономическая необходимость. В частности, одним из финансово-экономических рычагов решения проблемы двуязычия (возможно, самым дорогостоящим, но зато самым эффективным) может быть 10–15 %-ная надбавка преподавателям бурятского языка, а также работникам сфер обслуживания и специалистам, работающим с населением, за знание национального языка, особенно городским русским чиновникам выборных должностей. При этом государство должно гарантировать право изучения бурятского языка и финансировать обу-

чение. В Канаде официально отводится и финансируется примерно 900 часов франкоязычных курсов. Экономическая заинтересованность, финансовый контроль и социальное продвижение по служебной лестнице в зависимости от знания обоих языков будут существенно способствовать развитию паритетного двуязычия, росту престижа бурятского языка. Однако при этом речь должна вестись не о национальной принадлежности, а о профессиональных качествах, знании государственных языков. Русскому лицу, владеющему бурятским языком, следует отдать предпочтение перед незнающим свой родной язык бурятом. К сожалению, преодоление экономических трудностей тесно связано с решением проблемы административного шовинизма: «Административный шовинизм – феномен, широко распространенный, а насильственное навязывание небольшому народу другого языка всегда может быть оправдано и оправдывается – как борьба с проявлениями национализма данного небольшого народа»¹⁹⁴.

Экономический фактор тесно связан с расширением применения бурятского языка в официальной сфере: в делопроизводстве, публикации различных нормативных, правовых актов, так как на начальном этапе необходимы будут значительные средства, во-первых, на создание довольно обширной структуры по переводу всех документов на бурятский язык, во-вторых, на издание пособий по делопроизводству, словарей делового и производственного общения, языка политиков и общественных деятелей, судопроизводству, поскольку до сих пор проблемным остается вопрос о функционировании бурятского языка как языка государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Усилению позиций бурятского языка, распространению бурятской грамотности могут способствовать религиозная монолитность, возрождение буддизма, национальных праздников, обычаев. Процессы, протекающие в культуре, религии, естественно, тесно взаимосвязаны с процессами, происходящими в языке. Синкретизм религий, появление двоеверцев, троeverцев приводит к языковому билингвизму, трилингвизму. Возрождение религиозной идеологии на базе буддизма и шаманизма должно привести к языковому возрождению, возможно, и к языковой консолидации. Но уже не на прежнем уровне, поскольку процесс ассимиляции, интернационализации зашел слиш-

ком далеко. При смешении языков, культур исчезают многие традиционные элементы. Есть риск возникновения полукультуры, полужычия, особенно, если этот процесс идет не вглубь, а вширь, и очень интенсивно. Поэтому, естественно, что этнический, религиозный и языковой факторы, в значительной мере совпадающие, необходимо рассматривать и решать в комплексе. Кстати, поднятие престижа народа как национальной общности признается многими гуманитариями. Довольно актуальны призывы о передаче коренным народам настоящих политических и экономических прав, национального суверенитета и права проживания на определенной территории.

Поднятию престижа бурятского языка может способствовать возникновение престижных специальностей, требующих знания этого языка (востоковедение, социальный и руководящий работник и др.).

6.4. Одни из причин сложности решения проблем национально-культурного развития – многодиалектность языка, относительно слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка.

Проблема литературного языка в бурятском, как и во многих малых языках России, видимо, еще долго будет актуальной. В некоторых языках законодательно признано равноправие всех литературных вариантов (у осетин – иранский и дигорский, у мордвы – эрзя и мокша, марийцев – лугово-марийский и горно-марийский). В бурятском языке признается целесообразным сохранение хориинской диалектной основы, хотя в последнее время допускаются для западных диалектов составление учебников, учебных пособий, ведение занятий на своем диалекте. Все больше говорится о необходимости использования в официальных документах, литературе, прессе элементов разных диалектов, возможно, в виде парных слов.

Решения внутренних языковых проблем большинство лингвистов малых языков предлагают примерно одинаковые – это опора на внутренние ресурсы своего языка, особенно в процессе пополнения лексического фонда, возвращение вышедших из употребления слов (в частности, слов религиозной тематики), диалектизмов, ввод в оборот терминов, созданных в период языкового строительства, упорядочение диалектно-лексической практики. Все осознают, что усиление общественных функций языка как языка обучения в общеобразовательной школе окажет сильное влияние на его внутривидовое

развитие. Очевидным является обращение малочисленного этноса в случае кризиса к генетически или гипрлогически родственному более крупному этносу и языку как союзнику возрождения. Поэтому в отличие от многих малых языков России, которым в данном случае не к кому обратиться, поддержкой бурятскому является монгольский язык, обслуживающий близкородственный народ, что в некоторых случаях усиливает позиции бурятского языка на функциональном уровне.

Важнейшим каналом функционального развития любого языка является сфера служебного общения и делопроизводства. В связи с этим стоит задача создания учебно-методической, справочно-информационной базы двуязычного делопроизводства, включающей серии конкретных пособий по бурятскому языку по отраслям (связь, торговля, транспорт), в которые вошел бы минимальный объем материала с целью общения с клиентами, возможностью дать объявление, а также пособий типа «Делопроизводство на бурятском языке», «Инструкция по делопроизводству» и др. Поскольку выбор языка делопроизводства зависит от жанра документа и характера речи, то возможен постепенный переход к бурятскому языку в делопроизводстве официальных поздравлений (чему способствует, кстати, наличие в нем богатейшего жанра юролов), приказов, объявлений, документов, заявлений, объяснительных записок. Все это будет способствовать совершенствованию официального делового стиля бурятского языка. Параллельно с разработкой пособий желательно составить четкую программу постепенного внедрения двуязычия в делопроизводство отдельных отраслей и районов.

Вероятно, именно сейчас необходимо возродить терминологическую комиссию, в функции которой должно входить не только создание нормативных терминологических словарей, совершенствование бурятской терминологической системы, в целом развитие терминоведения, но и контроль за соблюдением нормативных правил, принятие и оповещение о появлении новых терминов и инноваций, обусловленных общественно-политическими и культурными процессами, а также выработка критериев их оценки и рекомендаций о целесообразности введения в общее употребление. При этом можно использовать уже наработанную в 20–30-е гг. (когда язык был универсальным средством общения и развития) терминологию, богатейшую диалект-

ную и общемонгольскую, профессиональную лексику, имеющую свою узкую терминологию – потенциальный резерв языка, и уже активно употребляемую русскую и интернациональную терминологию. Но, естественно, необходимо соблюдать баланс собственно бурятских, монгольских и русских терминов, поскольку терминотворчество – процесс сознательный и контролируемый. Очень важно ознакомиться с опытом подобной работы в Монголии и Китае (Внутренней Монголии), поскольку язык проживающих там бурят, насколько известно, сохранил свои архаичные формы. Хотя в последние годы испытывает сильное влияние китайского языка.

В работе терминологической комиссии большая роль должна отводиться радио и телевидению в создании официальной-делового стиля, отборе и закреплении часто встречающихся терминов, наиболее естественно существующих в языке. Возможно функционирование этой комиссии в виде совета на национальном канале телевидения. В сферу деятельности будут входить не только анализ, но и рекомендации по внесению изменений в литературный бурятский язык, а также контроль за происходящими языковыми изменениями.

Естественно, терминология должна стать предметом особого внимания лингвистов. Важно выбрать жизненно важные сферы человеческой деятельности, в которых эту работу необходимо осуществить в первую очередь. Вероятно, это сферы образования, медицина, общественно-политическая сфера. Разрабатываемые термины нужно вводить в первую очередь в учебных заведениях.

Все эти меры должны привести к уточнению и выработке критериев нормативной оценки языковых факторов, разработке научных основ бурятской терминологии, созданию официального делового, научно-учебного стилей, что будет способствовать созданию теоретических разработок и практических пособий по культуре речи. Работа терминологической комиссии способствовала бы регулярному контролю исполнения правительственных решений, анализу происходящих языковых изменений, внесению (раз в пять лет) соответствующих изменений и дополнений в Конституцию РБ (пункты о языках народов РБ) и закон «О языках народов Республики Бурятия». Данное предложение отчасти совпадает с удачным, но, к сожалению, нереализованным предложением о создании комиссии по языкам народов Бурятии при Правительстве (см. Приложение 3 к Постановлению

Правительства РБ № 241 от 09.07.96), которая должна быть создана для научно-практического обеспечения, функционирования и развития языков в соответствии с законом РБ «О языках народов РБ», а также для установления важнейших норм бурятского литературного языка (терминологических, орфографических, орфоэпических и др.).

6.5. В связи с тем, что государственный язык может выполнять свои функции только в литературной форме, вопрос о едином бурятском литературном языке требует более фундаментального и относительно быстрого рассмотрения. Существует мнение, что в современной языковой ситуации во многих малых языках едва ли возможно формирование интердиалектного койне, которое может послужить основой литературного языка. Но на это нет времени, язык исчезнет быстрее, чем будет создано койне. У носителей диалектов нет в этом потребности, им легче перейти на русский или другой язык, который они хорошо знают¹⁹⁵. Поэтому необходимо разработать и принять всеми субъектами РФ*, где компактно проживают буряты, концепцию языковой политики в области литературного бурятского языка с ясно сформулированными принципами и определением обязанностей всех, кто должен решать существующие проблемы. Обширная территория проживания бурят ограничивает возможности их естественного контактирования, поэтому отсутствие концепции, принципиальных решений в области дальнейшего развития бурятского литературного языка пагубно сказывается на всей языковой ситуации республики и этнической Бурятии. Важно установить, является ли бурятский литературный язык одним языком, в котором богатство диалектных различий может рассматриваться лишь как стилистический потенциал, источник его обогащения либо он – один язык лишь на уровне системы норм, что мы имеем на сегодняшний день. В случае принятия бурятского литературного языка как единого во всем его многообразии необходимо будет принять единые, общие для всех нормы и определить статус диалектных различий в данной системе норм. Возможно принятие такого решения: литературный язык и диалекты будут находиться в отношениях взаимодополнения. В частности, таковой ва-

* Кстати, отсутствие поддерживающих законодательных актов по бурятскому языку в Читинской и Иркутской областях является тормозом в деле сохранения и развития языков проживающих на этих территориях бурят. Только Республика Бурятия несет эту нагрузку и пытается как-то выправить ситуацию.

риант предлагается Д. Д. Ошоровым: «Деление сфер функционирования литературного языка и диалектов имеет место в мировой практике, ... за бурятским литературным языком оставить сферу культуры, образования, научных исследований, художественной литературы, СМИ, делопроизводства, а в быту и производственной сфере – родные диалекты». Он же говорит о возможности признания крупных диалектов (западного и селенгинского) самостоятельными языками¹⁹⁶.

Вопрос о взаимоотношениях литературного языка и диалектов обсуждается не один десяток лет и не только языковедами. Историк Г. Л. Санжиев¹⁹⁷ отмечает, для того чтобы бурятский литературный язык стал понятным и близким для иркутских бурят, предстоит пройти 2–3 переходных этапа постепенного включения их диалектов в общий литературный язык. Не менее сложным и длительным этот процесс будет и для представителей сонголо-сартульского и других говоров. Он предлагает задачу овладения и развития бурятского литературного языка сделать национальной идеей всего бурятского народа, т. е. в основе консолидирующего процесса бурят как нации положить создание единого бурятского литературного языка.

В некоторой степени можно согласиться с бурятскими историками и философами, которые подходят к решению общенаучных вопросов более глобально, что в настоящее время и в плане дальнейшего развития нации, и в плане нравственно-этическом, воспитательном, бурятскому и русскому народу не хватает общенациональной идеи, общенациональных духовных ценностей, без чего не может быть социального прогресса¹⁹⁸. Однако языковая консолидация может рассматриваться только как одно из условий этнической консолидации (хотя эти два процесса тесно взаимосвязаны и можно предположить, что окончательное формирование единого литературного языка возможно только при условии полной консолидации бурят и, наоборот) и сохранения бурят как нации. Как свидетельствуют опросы, язык пока не осознается как элемент национальной принадлежности. Действительно, «диалекты – не помеха в овладении языком». Наше обследование показало: носители разных диалектов, изучавшие бурятский язык в школе, демонстрируют хорошее владение и литературным языком, и своим диалектом. Что касается неприятия бурятского литературного языка носителями разных диалектов за то, что в качестве его основы был взят хоринский диалект, то нужно учесть, что бурят-

ский литературный язык – это не только хоринский диалект. В его основе лежат три компонента: старомонгольская письменность, фольклор и хоринский диалект. Но при создании литературного языка происходит отвлечение от диалектной основы, и данный факт нужно разъяснять.

Имеются предложения о развитии бурятского литературного языка «в одной семье всех монгольских народов»¹⁹⁹ и возвращении к старомонгольской письменности. Ш. Б. Чимитдоржиев определяет эти факторы в качестве первоочередных задач по возрождению культурных ценностей бурятского народа²⁰⁰. Можно согласиться, что переход на латиницу, затем – на кириллицу был отрицательным явлением для языка, что старомонгольская письменность, как и арабское письмо, и китайская или японская графика, есть не только великое культурное достояние народов, пользующихся ими, но и важный художественно-эстетический компонент этой культуры. (Культуроведческий аспект графетики восточных языков общепризнан, ведь не зря японцы и другие народы воздерживаются от попыток реформирования письменности.) Однако в современных геополитических условиях такой переход не реален. Говоря о соотношении бурятский литературный язык – монгольский язык, необходимо отметить важность изучения этого соотношения, его роли в процессе интегрирования и становления родственных языков, значения в возникновении и развитии единой лексико-семантической основы, его удельного веса на фоне существующего разнообразия и единичных особенностей. При этом важно больше внимания уделять научно обоснованному совместному терминотворчеству, изучению интегрирующих, а не дифференцирующих процессов и явлений в языках, с учетом того, что неперенным условием развития любой культуры и языка является оптимальное сочетание преемственности и инноваций, т. е. соблюдение баланса.

По нашему мнению, проблема литературного языка во многом сводится к его слабой социальной базе, причем при относительно высоком образовательном уровне бурятского населения. Большинство занято в сферах с функционально первым русским языком, на русский язык общения перешли наиболее образованные, «передовые» отряды бурятского народа, интеллигенция, руководство. Известно, что в наибольшей степени национальный уклад проявляется в мыш-

лении и творчестве одаренных талантами мыслителей, поэтов, писателей. «Национальность есть явление, по преимуществу, интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную «подоплеку» народа»²⁰¹. Поэтому очень важно, чтобы литературным бурятским языком владела интеллигенция Бурятии, которая должна создавать, хранить и передавать национальный литературный язык. Любой язык является потенциально полифункциональным и при определенных условиях может применяться в той или иной сфере общения, может получить всестороннее развитие. Носителям языка необходимо ему помочь, чтобы он в полной мере отражал все аспекты общественного развития.

Ресурсы бурятского языка еще не исчерпаны, он активно живет в селах республики, но очень многое будет зависеть от руководства, от научной и творческой интеллигенции, от города, столицы Бурятии – Улан-Удэ, пользующегося большим авторитетом у жителей РБ. В принципе можно было ожидать, что, как в случае с Англией, где Лондон стал очагом становления общенационального литературного английского языка, Улан-Удэ, куда стекаются миграционные потоки бурятского населения из Иркутской и Читинской областей, мог бы сыграть значительную роль в консолидации бурятской нации, а улан-удэнское городское койне – в становлении литературного бурятского языка. Такие же процессы, по свидетельствам очевидцев, происходят в Якутске. Однако при переезде в г. Улан-Удэ основная масса бурят переходит на русский язык общения. Несостоятельными являются предложения об использовании в качестве базы общелитературного бурятского языка складывающиеся койне пригородов г. Улан-Удэ (Иволга, Эрхирик), часто представляющие собой носеления мигрантов из разных районов республики. Как показало обследование, динамика перехода на русский язык в пригородах даже сильнее, чем в городе.

Состояние и дальнейшее развитие литературного языка зависят от количества текстов на этом языке, их содержания. Несмотря на то, что в новых культурно-исторических условиях наблюдается понижение интереса к чтению литературы и более востребованными являются тексты СМИ, реклама, деловые тексты, существенную часть культурного достояния любого народа составляют литературные тексты, которые необходимо не только сохранять, но и преумножать, а при

преподавании языка в школе и в вузе особое внимание уделять словесности, устным народным сказаниям (творчеству), художественным текстам, особенно классическим. Как видно из опросов, отсутствие разнообразной литературы на бурятском языке, изданной современно и красочно, ощущают все слои бурятского населения, начиная с малолетних, только начинающих говорить детей (первыми книжками у бурятских детей оказываются книги-раскладушки, комиксы на русском языке) и заканчивая специалистами-бурятоведами. Нет пока в бурятской литературе произведений, отражающих современную действительность бурятского народа, что заметно сказывается на общем состоянии бурятского языка и культуры в целом. Из истории народа выпадает интереснейший период, не находящий отражения в художественном произведении. Эти явления способствуют падению интереса к изучению родного языка, чтению книг, журналов, газет. Отдельный и большой, а точнее, больной вопрос – бурятские словари и грамматики, которые должны издаваться регулярно и в достаточном количестве.

* * *

Рассуждая о приемлемости тех или иных подходов к решению проблемы или принимая те или иные законодательные акты и документы, необходимо учитывать всю совокупность факторов, обращая особое внимание на отрицательные, ограничивающие социальную базу и коммуникативное пространство бурятского языка, его языковую компетенцию. Помимо общеизвестных демографических (низкая степень этнической однородности, невысокий процент бурятской национальности в республике, территориальная раздробленность бурятского этноса и др.), этнопсихологических и языковых (многодиалектность, относительно слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка) факторов, можно отметить усиливающийся процесс внутренней и внешней миграции, в том числе бурятского сельского населения в города. В городе, считается, легче найти работу, а это приведет к увеличению билингвов и русскоязычных бурят. Стремление к сохранению языка характерно, как предполагают многие социолнгвисты, для традиционного аграрного общества, сельский социум является основой исторической культуры и генофонда нации. «Для многих малых народов, – утверждает Дж. Эд-

вардс²⁰², – существует неизбежная дилемма: либо продолжать жить отсталой сельской жизнью, либо отказаться от своего языка», поскольку языковой статус индивидуума в современном городе определяет получение им работы и различных материальных благ. Решая эту дилемму, мы осознаем, что трудно создать идеальные условия для развития этноса, его языка, сохранения этнической чистоты. Невозможно обойтись без заимствований элементов культуры, языковых, различного рода контакты неизбежны, но нам не хотелось бы, чтобы бурятский язык существовал только как показатель этнической самобытности, как транслятор развивающихся элементов национальной культуры. Поэтому отмечая, что сегодня все-таки общими усилиями кое-что для бурятского языка делается и постепенно, но очень медленно набирает темп процесс восстановления языка, хочется предупредить: решительные меры обычно принимаются при коренной ломке общественных отношений и стимулировавшийся в 20–30-е гг. бум в развитии языков был затем резко приостановлен. Нельзя допустить, чтобы решения, законы, постановления, концепции, принятые в 90-е гг. (пусть не всегда рациональные) для спасения национальных языков, не получили дальнейшего развития. Необходимо углубление процесса возрождения и развития национальных языков, в связи с чем, наряду с постоянным анализом языковой политики, ошибок и поправок в законодательных актах и документах, параллельно следует расширять «представительство» языка в различных сферах жизни, поскольку развитие любого литературного языка тесно связано с расширением его социальной базы.

Стремление любого народа к максимальному развитию социальных функций своего языка понятно и оправдано, поскольку таким образом совершенствуются и развиваются все стороны языка, идет пополнение лексикой и терминологией, развиваются функциональные стили. Если рассматривать этот процесс в науке, то совершенствуется научный, научно-популярный, научно-публицистический стиль, пополняется терминология, которая расширяет общеупотребительную лексику. На каждом этапе функционирования носители языка сами должны уделять ему внимание и создавать условия, способствующие дальнейшему совершенствованию, расширению и обогащению тех возможностей, которыми язык располагает. Это, конечно, требует больших усилий самого народа, для чего он должен, во-первых, знать о существующих проблемах, во-вторых, осознать их, в-третьих, ре-

шать проблемы с любовью, т. е. необходимо воспитание любви к родному языку. Отношение к себе, своему этносу тесно связано и с отношением к своему языку. Доказано, что более высокая оценка качеств своего этноса респондентами свидетельствует о степени этнической солидарности. Чем выше оценка своего этноса, его качественных характеристик (умные, сильные, трудолюбивые), тем сплоченнее этнос. Заниженная оценка своего этнического статуса способствует его разобщенности, добровольной сдаче позиций. В связи с этим стоит задача создания в республике благоприятной лингвокультурной среды, формирования культуры гражданина Бурятии, которая подразумевает развитие и поддержку культуры и языка своего народа, своего соседа, воспитание отношения к языку как к национальному достоянию. Выполнение такой задачи возможно, если к ее решению подключатся все: Правительство, законодательные органы, религиозные деятели, школа, СМИ, наука. Задача правительства и науки – поиск конструктивных решений проблемы, привлечение максимального числа участников, в том числе и сельских районов республики.

Как пишет Дж. Элвардс, «для спасения погибающего языка или расширения функций более «благополучного» языка меньшинства необходим весь комплекс мер, прежде всего социально-экономических; вырванные из контекста отдельные стороны, например, развитие школьного обучения, неэффективны». Как и во всех государствах, образование у нас контролируется центральной властью, не учитывая интересы национально-региональных меньшинств, т. е. национальная школа не обеспечивает защиту национальных интересов.

Сохранение и развитие титульного языка Бурятии – это повседневная, осознанная всем населением республики работа, рассчитанная на многие годы. Нужна большая разъяснительная работа, популяризация языка, главным образом, через средства массовой информации, поскольку языковая проблема – весьма деликатная область, требующая очень корректного подхода. Относительно благоприятная межнациональная обстановка в Бурятии в принципе не отрицает возможность этнолингвистических конфликтов, или точнее, языкового конфликта как повода для межнационального. Поэтому очень важно, определяя перспективу дальнейшего сосуществования бурятского и русского языков на данной территории, дать четкий прогноз и систему управления тенденциями их развития для того, чтобы избежать какого-либо конфликта на языковой почве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Величайшая мудрость естественного мироустройства – многообразие культур и языков. В языке заключены философия народа, история, культура, дух, его душа. Язык – составная (и довольно существенная) часть этнической культуры, один из основных признаков этноса. Он – уникальнейшее средство воспитания, передачи знаний, морально-этических норм, культуры. Умрет язык – умрут устное народное творчество, сказания, традиции, т. е. произойдет утрата культуры, без которой нет народа. Именно язык является основой внутриэтнического единства. «Способность языка удовлетворять коммуникативные и культурные потребности всей этнической общности на каждом этапе ее развития объясняет его восприятие каждым членом этноса, независимо от сословно-классовой принадлежности, как присущего ему по природе общего достояния»²⁰³. Долг каждого поколения народа – сохранить и преумножить национальные ценности, существующие именно на данном языке и передать их следующему поколению.

Несмотря на эти общеизвестные и прописные истины, в мире существует множество языков, состояние и положение которых внушают опасения, многие из них находятся на грани вымирания. Очевидно, что данный процесс обусловлен политическими, экономическими и социальными причинами: «Лингвистическое неравенство отражает и укрепляет экономическое и социальное деление внутри общества»²⁰⁴.

Обострение межнациональных отношений в 80–90-х гг., этнические конфликты вызвали возросший спрос на выявление реального положения дел в сфере межнациональных и этнолингвистических отношений и позволили снять своего рода запрет на изучение этих проблем. Так, проведенное на стыке веков сравнительное социолингвистическое исследование бурятского языка способствовало установлению современного состояния, тенденций и перспектив развития бурятско-русского двуязычия, бурятского языка среди различных групп населения РБ и отчасти этнографической Бурятии. К сожалению, факты свидетельствуют, что даже такой относительно крупный язык, как бурятский, находится в критическом положении. Пока он остается коинкурентоспособным только в семейной сфере, причем в

семьях с мононациональным составом. В современных условиях при данной языковой политике, с учетом ряда вышеизложенных факторов и мер, которые необходимо принять для возрождения, возможность его выживания относительно велика. Хотя сдвиги в проблеме возрождения бурятского языка незначительны, можно указать, что главным позитивным моментом изменений последних лет является то, что произошла переоценка роли национального и языкового факторов в сознании жителей РБ и вопрос о двуязычии спокойно обсуждается и дискутируется. Исчез языковой нигилизм. Произошел психологический сдвиг в сознании людей, что проблема существует, ее надо решать, а национальный язык надо знать. Очень важно, что это произошло в сознании русского населения республики, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что все меньше противников внедрения бурятского языка как предмета обучения в городских школах и садах. В первые годы введение обучения бурятскому языку в школах города вызвало обостренные дискуссии и подспудное недовольство русскоязычного населения. Опросы последних лет²⁰⁵ показали, что около 60 % русских, причем коренных русских, ассоциирующих себя гражданами Бурятии, а не приезжие, переехавшие в последние годы, положительно отвечают на вопрос о желании изучать язык коренной национальности. Опрос молодежи подтверждает это стремление. Положительные языковые изменения произошли на общероссийском фоне и тесно связаны с наблюдаемым во многих районах Сибири возрождением этнического самосознания и религиозной формы сознания. Рост уровня религиозности (или восстановления скрытой формы) населения приводит к взаимотерпимости, взаимному уважению культур, религий, традиционных мировоззрений, взаимопроникновению. Подспудно осознается, что «явно или скрыто, не желая интегрироваться в язык и культуру соседей, индивид нарушает не столько этические, сколько социальные нормы. В результате в рамках единого социума вырисовывается несколько достаточно обособленных друг от друга больших групп – языковых коллективов, отличающихся не по этическим признакам, а по владению или невладению соответствующими языками. Конечно, они объединены знанием мажоритарного языка межэтнического общения, однако знание только его не всегда удовлетворяет требованиям эффективной социальной коммуникации: при использовании частью социума другого языка коммуникативные

связи прерываются. Подобная дезинтеграция может приводить к возникновению, поддержанию и нарастанию социальной напряженности в рамках единого, но разноязычного социума»²⁰⁶.

Пока сохранению языка во многом способствует значительная территориальная разбросанность проживания бурятского населения, которая, с одной стороны, не способствует консолидации и языковому единению, но, с другой, помогает сохранению языка хотя бы в виде диалектов, консервации традиционных лингвокультурных контактов. В данном случае основными факторами языковой сплоченности народа выступают СМИ и образование, факторы, способствующие охвату больших территориальных пространств при отсутствии необходимого уровня непосредственного контактирования.

В таких условиях перед бурятскими исследователями стоит задача – найти путь, обеспечивающий сохранение языка при сосуществовании народов в Республике Бурятия, или решить проблему устойчивого этноязыкового развития с учетом того, что это направление – закономерное изменение языка в социальных условиях. Для чего необходимо: а) выявить тенденции изменения национального самосознания, проходившие сначала в процессе интернационализации, а затем демократизации общества, в связи с чем установить условия сохранения устойчивости процесса этнолингвистического развития; б) уточнить параметры допустимых изменений в этнолингвистическом развитии, которые не повлекут разрушительные последствия для количественных и качественных характеристик языка, а именно определить ассимилятивный порог, за которым уже будет невозможна ревитализация языка; в) выявить возможности субъективного воздействия на процессы этнолингвистического развития, попытаться построить личностную модель двуязычия с опережающим развитием на родном языке и функциональным владением языком межнационального общения.

Бурятский народ и его язык имеют свой путь развития, который определяется историей, настоящим и, надеюсь, будущим. Этот путь очень непростой, на всех этапах развития всегда определялся сложными мировыми интеграционными и дезинтеграционными процессами, проходившими и проходящими в данном регионе, процессами, которые очень динамичны и все более ускоряются.

¹ Балханов И. Г. Двужычие в процессе межэтнической интеграции. Улаи-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1998. С. 80; Бабушкина Н. С. Двужычие: социальный аспект и тенденции (на материале Республики Бурятия): Канд. дис. Улан-Удэ, 1997.

² Мангатаева Д. Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 24.

³ Ескевич Л. Ф. Что говорят цифры о национализации школ // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 61.

⁴ Дарбеева А. А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М., 1984. С. 40–43; Щапов А. П. Собр. соч. доп. том к изд. 1905–1908 гг. Иркутск, 1937. С. 119–121.

⁵ Цыбиков Г. Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры // Бурятияведение. 1–3 (5–7). Верхнеудинск, 1928. С. 23.

⁶ Кудрявцев Ф. Из истории бурятского учительства в Прибайкалье 50–60 гг. XIX в. // Жизнь Бурятии. 1927. № 4–6. С. 66–67.

⁷ Данилов А. К итогам культурного строительства в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 10. С. 89.

⁸ Данилов А. Там же.

⁹ Цит.: Нимасв Д. Д. Буряты: диалектика этнического и государственного // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 14 со ссылкой на «Первую перепись населения Российской империи 1897 г.». – СПб., 1905; М., 1904, 1905.

¹⁰ См.: Ескевич Л. К вопросу о введении всеобщего начального обучения в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 41.

¹¹ Козьмин Н. Восток и бурят-монголы // Жизнь Бурятии. 1924. № 6. С. 4.

¹² Данилов А. Указ. соч.

¹³ Из доклада зав. Табангутской 4-классной школы. 10 февр. 1923 г., ф. 533, оп. 1, д. 6, л. 22.

¹⁴ Поппе Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. Л., 1933. С. 93–94.

¹⁵ Оширов А. За революционную монгольскую письменность // Жизнь Бурятии. 1929. № 3–4. С. 41.

¹⁶ Поппе Н. Н. Указ. соч. С. 44.

¹⁷ По переписи 1926 г., 41,2 % населения республики составляли буряты (215926 человек из 524104), русские – 55,2 % (289205 человек). (Бурятия в цифрах. Статистико-экономический справочник. 1927–1930 гг. Верхнеудинск, 1931. С. 8–24).

¹⁸ Курас Л. В., Базаров О. Д. Вопросы этнокультурного развития народов Бурятии в программах общественных движений и политических партий // Материалы «Круглого стола и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединении по вопросу «О ходе реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации». Улан-Удэ, 1999. С. 27.

¹⁹ Аманжолова Д. А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 324.

²⁰ Там же. С. 315.

²¹ См.: И. А. На путях культурной революции. (Нац. вопрос) // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12.

²² Ф. Р-354, оп. 1, № 30.

²³ Ескевич Л. Ф. Что говорят цифры о национализации школ // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 65; Козьмин Н. Указ. соч.

²⁴ Цит.: Кудрявцев Ф. Русский язык в школах нац. меньшинств РСФСР // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 137.

²⁵ Цит.: Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С. Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 326.

²⁶ Козьмин Н. Указ. соч. С. 4.

²⁷ Головачев И. Перспективы реализации бурят-монгольского языка в учреждениях республики // Жизнь Бурятии. 1924. № 6. С. 117.

²⁸ Ф. 1, оп. 1, д. 900, 213 л., л. 48–49, 1926–1930.

²⁹ Головачев И. Указ. соч. С. 119.

³⁰ Бодрино Батор. О вовлечении бурят в госаппараты и в производство // Жизнь Бурятии. 1929. № 6. С. 46–47.

³¹ Тезисы по докладу т. Дашидондова на III сессии ЦИК СР КНД БМАССР. Ф. 1, оп. 1, д. 1642, 1931–1934 гг., л. 33.

³² Ф. 1, оп. 1, д. 3466, 1940 г., 285 л.

³³ Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 140–141.

³⁴ Цит.: Тезисы по докл. т. Егунова Н. П. Основные вопросы национально-культурного строительства в западных аймаках. Ф. 1, оп. 1, д. 1744, 1931 г.

³⁵ Сибирский П. К истории общественно-революционного учительства Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 4–6. С. 68.

³⁶ См.: Тайны национальной политики ЦК РКП: Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923. М., 1992. 208 с.

³⁷ О достоинствах латинского и недостатках старомонгольского алфавита см.: Хабаев И. П. Новый бурят-монгольский алфавит // Бурятия-ведение. 1930. № III–IV (11–12). С. 18–23.

³⁸ Ф. 1, оп. 1, д. 864, л. 79.

³⁹ Там же. Л. 82.

⁴⁰ Ф. 1, оп. 1, д. 1578, 1931 г., л. 135. Резолюция совещания «О современном состоянии бурят-монгольского языкознания».

⁴¹ Ф. 1, оп. 1, д. 2268, 1934 г., л. 28. Из докл. записки Б. Тагмитова М. Н. Ербанову по латинизации бурят-монгольского алфавита.

⁴² Алпатов В. М. Об эффективности языкового законодательства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Мат-лы Всерос. науч. конф. (М., 1–3 ноября 1994 г.). М., 1994. С. 17.

⁴³ Федоров А. И. Национально-языковые проблемы в Сибири и их решение // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 102–109.

⁴⁴ Цыдендамбаев Ц. Б. За дальнейшее развитие бурят-монгольского литературного языка // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958. Вып. 3. С. 6.

⁴⁵ Ф. 1, оп. 1, д. 864, 1926 г., 201 л.

⁴⁶ Шагдаров Л. Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 3–10; Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 146.

⁴⁷ Цыдендамбаев Ц. Б. За дальнейшее развитие бурят-монгольского литературного языка // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958.

⁴⁸ Доржиев Д.-Н. Д. Старобурятский язык. АДД. Улан-Удэ, 1994.

⁴⁹ Алпатов В. М. Об эффективности языкового законодательства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Мат-лы Всерос. науч. конф. (М., 1–3 ноября 1994). М., 1994. С. 15–16.

⁵⁰ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 202.

⁵¹ Чимитдоржиев Ш. Б. Возрождение бурятской культуры в контексте развития монгольского мира // Материалы «Круглого стола» и выездного заседания Комитета Народного Хурала... Улан-Удэ, 1999. С. 45.

⁵² Журавлев В. К. Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 434–444.

⁵³ Исаев М. И. Языковос законодательство как составная часть национально-языковой политики государства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 91.

⁵⁴ Самсонов Н. Г. Развитие двуязычия в Республике Саха // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. М., 1996. С. 352.

⁵⁵ Исаев М. И. Решение языковых проблем малочисленных народов СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 217.

⁵⁶ Подобные постановления принимались регулярно в 1948, 1961, 1978, 1983 гг.

⁵⁷ Бабушкина Н. С. Двуязычие: социальный аспект и тенденции (на материале Республики Бурятия): Канд. дис. Улан-Удэ, 1997. С. 62.

⁵⁸ Из доклада М. Н. Ербанова на 1-м культ.-нац. совещании БМАССР от 21 сент. 1926 г. Ф. 1, оп. 1, д. 864, 221 л., л. 9, 1926 г.

⁵⁹ Замула И. Ю. О численности и жизни бурят в Верхнеудинске в XIX веке // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций. Улан-Удэ, 2000. Т. 4. С. 68.

⁶⁰ Ескевич Л. К пятилетним перспективам культурно-социального развития // Жизнь Бурятии. 1928. № 4–6. С. 113.

⁶¹ Ирмаев Д. Д. Буряты: диалектика этнического и государственного // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 16.

⁶² Ф. 1, оп. 1, д. 5520, 1952 г., л. 92.

⁶³ Из письма и. о. министра просвещения РСФСР Н. Александрова первому секретарю ОК КПСС БурАССР А. У. Модогоеву. Ф. 1, оп. 2, д. 84, 1965 г., 66 л., л. 15.

⁶⁴ Цыдендамбаев Ц. Б. За дальнейшее развитие бурят-монгольского литературного языка // Сборник трудов по филологии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1958. С. 9.

⁶⁵ Из ст. Исхаковой З. А. Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. С. 68–81.

⁶⁶ Елаев Н. К. Бурятская школа: история, проблемы, опыт национализации. Улан-Удэ, 1994.

⁶⁷ Решение Республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы бурятских школ». Ф. 1, оп. 40, д. 151, 1979, 21 л., л. 1.

⁶⁸ Там же. Л. 5.

⁶⁹ Шагдаров Л. Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 6.

⁷⁰ Шагдаров Л. Д. Там же. С. 10.

⁷¹ Бадмаев А. Р. Современная языковая ситуация в Бурятии // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 33.

⁷² Шагдаров Л. Д. Там же. С. 8.

⁷³ Шагдаров Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 147.

⁷⁴ Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976.

⁷⁵ Бадмаев А. Р. Языковая ситуация у бурят // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 3–9.

⁷⁶ Бойко В. И. Народности Севера: языковые процессы (к концепции развития). Новосибирск, 1987. С. 21–22.

⁷⁷ Ф. 1, оп. 1, д. 93, 1981, 15 л.

⁷⁸ Ошоров Д. Д. Двуязычие в бурятской школе // Байкал. 1989. № 6. С. 66–71.

⁷⁹ Урбанаева И. С., Михайлов Т. М., Рандалов Ю. Б., Бураев И. Д. Национальный вопрос в Бурятии. Улан-Удэ, 1989. С. 18.

⁸⁰ Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира: Энциклопедическое издание. М., 1997. С. 37–51.

⁸¹ Шагдаров Л. Д. Там же. С. 146.

⁸² Шагдаров Л. Д. Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. С. 11–37.

⁸³ Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. Бурятский язык // Государственные языки Российской Федерации. М., 1996 (?). С. 53.

⁸⁴ Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. Языковедческие исследования (с 1958 г. по настоящее время) // Гуманитарные исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1997. С. 142.

⁸⁵ Введение в этническую психологию: Уч. пособие. СПб., 1995. С. 30.

⁸⁶ Михайлов Т. М. Бурятский этнос: история, современность и проблемы // Материалы «Круглого стола» и выездного заседания Комитета Народного Хурала... Улан-Удэ, 1999. С. 29–35.

⁸⁷ Щерба Л. В. О понятии «смещение языков» // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 64.

⁸⁸ Герасимова К. М. Рассудит время // Правда Бурятии. 1997. 4 июня.

⁸⁹ Подробнее о процессе нормализации в бурятском языке см.: Дарбеева А. А. Нормализация бурятского языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996. С. 366–382; Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.

⁹⁰ Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Респ. инф.-изд. центр, 1990.

⁹¹ По данным сборника «История, культура, экономика Бурятии. К 1000-летию эпоса «Гэсэр». Улан-Удэ, 1995. С. 8–9.

⁹² Мангатаева Д. Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995. 131 с.

⁹³ Карнышев А. Опираясь следует на то, что нас объединяет, а не разъединяет // Бурятия. 1996. 10 дек.

⁹⁴ Рандалов Ю. Б. Об изменениях в социальной структуре бурятского населения // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: Мат-лы научно-практической конф. Улан-Удэ, 1996. С. 13.

⁹⁵ Митупов К. Б.-М. Ребята, давайте жить дружно // Аргументы и факты. 2001. № 5.

⁹⁶ Фрумкина Р. М., Мостовая А. Д. Овладение неродным языком как обучение знаковым операциям // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 91.

⁹⁷ Никольский Л. Б. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 131.

⁹⁸ Из статьи Э. Ярневской «Пронгран ли бой с историей? Или заметки с научной сессии Бурятского института общественных наук БНЦ СО РАН» // Правда Бурятии. 1994. 19 мая.

⁹⁹ Рандалов Ю. Б. Основные положения Концепции возрождения бурятского народа, его культуры. Улан-Удэ, 1996.

¹⁰⁰ Бабушкина Н. С. Двужычие: социальный аспект и тенденции (на материале Республики Бурятия): Канд. дис. Улан-Удэ, 1997. С. 82.

¹⁰¹ Алексеева В. М. Меры по реализации Концепции государственной национальной политики. Реализация Концепции государственной

национальной политики // Материалы «Круглого стола» и выездного заседания Комитета Народного Хурала... Улан-Удэ, 1999. С. 10.

¹⁰² Из выступления Л. Б. Мантракова «Изучение бурятского языка в Усть-Ордынском бурятском национальном автономном округе» на региональной конференции, посвященной 80-летию Ц. Ц. Цыдыпова. Улан-Удэ, 1999.

¹⁰³ Информ-полис. 2000. № 12.

¹⁰⁴ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.

¹⁰⁵ Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2000.

¹⁰⁶ Дондуков У.-Ж. Ш. К вопросу о повышении статуса государственного бурятского языка // Бизнес-Олзо. 2000. № 48.

¹⁰⁷ Бадмаев А. Р. Современная языковая ситуация в Бурятии // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 37–38; Дарбеева А. А. Развитие общественных функций монгольских языков. М.: Наука, 1969. С. 58.

¹⁰⁸ Вахтин Н. Б. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере. (Предварительные результаты исследования) // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 56.

¹⁰⁹ Урбанаева И. С., Михайлов Т. М., Рандалов Ю. Б., Бураев И. Д. Национальный вопрос в Бурятии: Препринт. Улан-Удэ, 1989. С. 1.

¹¹⁰ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 643.

¹¹¹ Ковачец А. Употребление языков этнических групп в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 191.

¹¹² Хайров Ш. В. О языковой ситуации в Карелии // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. (М., 22–25 октября 1996 г.). М., 1996. С. 420.

¹¹³ Михальченко В. Ю., Солнцев В. М. Языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 57.

¹¹⁴ Мусин И. Х. Социолингвистические аспекты речевого поведения в условиях двуязычия. АКД. М., 1990.

¹¹⁵ Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Этносоциология: пройденное и новые годы // Социальные исследования. 2000. № 4. С. 13.

¹¹⁶ Тишков Н. С. Очерки теории и политики этничности. М., 1997. С. 17.

¹¹⁷ Елаева И. Э. Тезисы к докладу на УС ИМБиТ СО РАН.

¹¹⁸ Нерознак В. П. Язык охраняется государством // Русская речь 1992. № 2. С. 3.

¹¹⁹ Алпатов В. М. Рец. на книгу J. Edwards. Multilingualism. L.; N. Y., 1994. 237 p.; Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 132.

¹²⁰ Михайлов Т. М. Национальное самосознание и менталитет бурят // Современное положение бурятского народа и перспектива его развития: Мат-лы науч. конф. Улан-Удэ, 1996. С. 24.

¹²¹ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия в условиях реформ. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 107.

¹²² Дырхеева Г. А., Будаев Б. Ж., Бажеева Т. П. Указ. соч. С. 31.

¹²³ Шахнарович А. М. Раннее двуязычие: внутренний и внешний аспекты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. (М., 22–25 октября 1996 г.). М., 1996. С. 446.

¹²⁴ Бабушкина Н. С. Двуязычие: социальный аспект и тенденции (на материале Республики Бурятия): Канд. дис. Улан-Удэ, 1997. С. 88.

¹²⁵ Бертагасв Т. А. К вопросу о взаимовлиянии языков (о монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969; Дарбеева А. А. Бурятско-русское двуязычие // Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976; Дондуков У.-Ж. Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974; Цыдендамбаев Ц. Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 49–54; Цыдендамбаев Ц. Б. Влияние русского языка на развитие бурятского // Труды БКНИИ. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 100–111; Шагдаров Л. Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 3–10.

¹²⁶ О терминологических группах, заимствованных из русского языка в бурятский см.: Шагдаров Л. Д. Сближение бурятского языка с другими языками народов СССР // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.

¹²⁷ Цит.: Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 92.

¹²⁸ Дарбеева А. А. Бурятская терминология // Формирование терминологии на титульных языках Российской Федерации и СНГ. М., 2000. С. 41.

¹²⁹ Цыдендамбаев Ц. Б. Общественно-политическая герминология в бурят-моигольском языке // Записки Бурятского НИИКЭ. Улан-Удэ, 1947. С. 8–9.

¹³⁰ Цыдендамбаев Ц. Б. Основные итоги и ближайшие задачи изучения бурятского языка // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 3–10.

¹³¹ Будагов А. Р. Введение в науку о языке. М., 1965. С. 135.

¹³² Шагдарова Д. Л. Заимствованные слова в переводах художественных произведений с русского языка на бурятский // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992. С. 75.

¹³³ Беликов В. Н., Никольский Л. Б. Культурологический и социолингвистический аспекты изучения лексики заимствований в восточных языках // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока. (Социолингвистический аспект) М.: Наука, 1991. С. 5–17.

¹³⁴ Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 91.

¹³⁵ Шагдаров Л. Д. Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. С. 23.

¹³⁶ Цыдендамбаев Ц. Б. Итоги и пасущные проблемы языкового строительства в Бурятии // Филологические запски. Улан-Удэ, 1973 / Тр. Ин-та общ. наук. Вып. 19. С. 61–87.

¹³⁷ Цит.: Чемоданов Н. С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975. С. 10.

¹³⁸ Бертагаев Т. А. Бурятский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. С. 32.

¹³⁹ Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира. Монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, японский язык, корейский язык. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 37–51.

¹⁴⁰ Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 80–82.

¹⁴¹ Дырхеева Г. А., Будаев Б. Ж., Бажеева Т. П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999.

¹⁴² Проблема двуязычия в свете общественного мнения // Правда Бурятии. 1998. 27 мая.

¹⁴³ Бертагаев Т. А. Влияние русского языка на развитие фонетической системы литературного бурятского языка // Уч. зап. БМПШ. Улан-Удэ, 1947. Вып. 1; Бертагаев Т. А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1948. Вып. 1; Боржонова А. Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4; Шагдаров Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск: Наука, 1984; Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1967; Шагдаров Л. Д. Сближение бурятского языка с другими языками народов СССР // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 12–27; Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира. Монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, японский язык, корейский язык. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 37–51; Санжина Д. Д. О функционировании бурятского языка в условиях двуязычия // Исследования по русско-бурятской филологии. Улан-Удэ: БГУ, 1997. С. 71–79.

¹⁴⁴ Шагдарова Д. Л. Русские заимствования в бурятском литературном и разговорном языках // Аборигены Сибири: проблемы изучения языков и культур. Новосибирск, 1995. С. 255.

¹⁴⁵ О типах фразеологических заимствований см.: Цыденжапов Ш.-Н. Р. Влияние русской фразеологии на развитие фразеологической системы бурятского языка // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 76–78.

¹⁴⁶ Дарбеева А. А. Развитие национально-русского двуязычия: Кол. моногр. М.: Наука, 1976. С. 179.

¹⁴⁷ Шагдаров Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 148.

¹⁴⁸ Дырхеева Г. А. Статистико-комбинаторная характеристика сочетающихся согласных в бурятском языке // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 86–103.

¹⁴⁹ Бертагаев Т. А. К вопросу о взаимовлиянии языков (о монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 127.

¹⁵⁰ Щерба Л. В. О понятии «смешении языков» // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 72.

¹⁵¹ Вахтин Н. Б. Языковой сдвиг и упрощение языка: точка зрения носителя и точка зрения лингвиста // Язык и общество на пороге нового

тысячелетия: итоги и перспективы: Тез. докл. междунар. конф. (М., 23–25 октября 2001 г.). М., 2001. С. 12.

¹⁵² Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 27.

¹⁵³ Уфимцева Н. В. Структура языкового сознания русских: 70-е – 90-е гг. // Этническое и языковое самосознание. Мат-лы конф. (М., 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 151–154.

¹⁵⁴ Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994.

¹⁵⁵ Харташкина Р. Х. О взаимодействии русского и бурятского языков на уровне говоров // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992. С. 121–130; Элиасов Л. Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.

¹⁵⁶ Шагдаров Л. Д. Бурятский язык // Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Изд-во «Academia», 1995. С. 58.

¹⁵⁷ Бертагаев Г. А. Лексика современных монгольских языков. М., 1969.

¹⁵⁸ Бастич Й. Сербско-хорватский язык: языковая политика в Боснии и Герцеговине // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991 (АН СССР. Научный совет «Язык и общество»). С. 85.

¹⁵⁹ Дарбесса А. А. Развитие национально-русского двуязычия: Кол. мон. М.: Наука, 1976.

¹⁶⁰ Phillipson R., Skuttnab-Kangas T. Linguistic Human Rights, Their History, Essence and Formulation. A Contribution to the International Symposium on Linguistic Human Rights. Tallinn, 1991. P. 18, 20; цит.: Дьячков М. В. Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 124.

¹⁶¹ Иванов В. Н. О некоторых характерных чертах взаимодействия культур (региональный аспект) // Историко-этносоциологические исследования. Региональные проблемы. Новосибирск, 1998. С. 6.

¹⁶² Ураксин З. Цит. по статье С. Кудряшова «Язык мой – друг мой» // Правда Бурятии. 1998. 19 марта.

¹⁶³ Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 21.

¹⁶⁴ Кстати, о метаморфозах конституционного определения прав народов в советский период см.: Губогло М. Н. Указ. соч. С. 140–141.

¹⁶⁵ Edwards J. Multilingualism. L.; N. Y., 1994. P. 89; цит. по рец. В. М. Алпатова // Вопросы языкознания. 1997. № 1.

¹⁶⁶ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 205–206.

¹⁶⁷ Зорин В. Ю. О законоотворческой работе Комитета Государственной Думы по делам национальностей за 1994–1995 гг. // Аналитический вестник. Вып. 35. М., 1995. С. 11. Цит.: Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законоотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 101.

¹⁶⁸ Там же. С. 187.

¹⁶⁹ Дьячков М. В. Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 123.

¹⁷⁰ Михальченко В. Ю., Солнцев В. М. Языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 59.

¹⁷¹ Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С. Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 328–329.

¹⁷² Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В., Цимбурский В. Этнос и политическая власть // Век XX и мир. 1989. № 9. С. 18. Цит.: Олейникова О. Д. Национальная идея и суверенитет личности // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 25.

¹⁷³ Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В. П. Нерознак. М., 1995. С. 9.

¹⁷⁴ Цит.: Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законоотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 97; Арутюнов С. А. Какое право нужно сегодня малым народам? // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах: Тез. докл. М., 1997. С. 33.

¹⁷⁵ Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств (и пояснительный доклад) // Изд. Совета Европы, 2000. П. 101 доклада.

¹⁷⁶ Там же. П. 107 доклада.

¹⁷⁷ Закон «О языках народов РСФСР» // Российская газета. 1991. 11 декабря.

¹⁷⁸ Правда Бурятии. 1997. 11 апреля.

¹⁷⁹ По мнению М. Н. Губогло, «до сих пор нет сколько-нибудь вразумительной научно-обоснованной дефиниции национального права, удовлетворительной в классическом смысле» // Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 142.

¹⁸⁰ Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. В. П. Нерозник. М., 1995. С. 9–10.

¹⁸¹ Алпатов В. М. Языковая политика в современной Японии // Язык и общество на пороге нового тысячелетия. Итоги и перспективы: Тез. докл. междунар. конф. (М., 23–25 октября 2001 г.). М., 2001. С. 74–75.

¹⁸² Баскаков А. Н. Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 33.

¹⁸³ Михальченко В. Ю. Реализация национально-языковой политики в Республиках Прибалтики // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 423.

¹⁸⁴ Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 100.

¹⁸⁵ Гюльмагомедов А. Г. Сохранение и развитие языков как категориальные понятия лингвозкологии // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Мат-лы Всерос. науч. конф. (М., 1–3 ноября 1994). М., 1994. С. 71–72.

¹⁸⁶ Журавлев В. К. Экология языка и культура // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 440.

¹⁸⁷ Шахнарович А. М. Раннее двуязычие: внутренний и внешний аспекты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. (М., 22–25 октября 1996). М., 1996. С. 445.

¹⁸⁸ Спасти, пока не вымерли // Правда Бурятии. 1999. 24 июля.

¹⁸⁹ Гуриев Т. А. Семья и проблемы обучения родному языку // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 62–63.

¹⁹⁰ См.: Тармаева Г. А. Какой быть бурятской национальной школе // Бурятия. 1999. 22 декабря.

¹⁹¹ Аргунова Т. В. Функционирование языков в школах Республики Саха // Историко-этносоциологические исследования. Региональные проблемы. Новосибирск: Наука, 1998. С. 49.

¹⁹² Бобров В. В. К проблеме устойчивости этносоциального развития // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Цэрис, 1997. С. 13.

¹⁹³ Там же. С. 17.

¹⁹⁴ Берков В. П. Спасение исчезающих языков России // Вестник СпбГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1994. С. 37.

¹⁹⁵ Крючкова Т. Б. Соотношение объективных и субъективных факторов в процессе создания письменности на современном этапе // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. М., 1996. С. 257.

¹⁹⁶ Ошоров Д. Д. Язык наш... // Правда Бурятии. 1996. 5 марта.

¹⁹⁷ Санжиев Г. Л. Нужны государственные программы национально-культурного развития народов // Материалы «Круглого стола» и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по международным и региональным связям... Улан-Удэ, 1999. С. 21.

¹⁹⁸ Мантатов В. В., Мантатова С. А. Стратегия устойчивого развития Байкальского региона: роль интеллигенции // Интеллигенция. проблемы гуманизма, народа, власти. Ч. 2. М.; Улан-Удэ, 1994. С. 115.

¹⁹⁹ Шаракшанов Б. Я. Язык мой – друг мой // Правда Бурятии. 1995. 7 октября.

²⁰⁰ Чимитдоржиев Ш. Б. Была ли цивилизация у буряг? Улан-Удэ, 1996. С. 35.

²⁰¹ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология национального. Спб., 1922. С. 6.

²⁰² Из рец. В. М. Алпатова на J. Edwards. Multilingualism. L.; N. Y., 1994. 237 p. // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 133.

²⁰³ Никольский Л. Б. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 131.

²⁰⁴ Дорэ Л.-Ж. Возрождение или вымирание языка в Канадской Арктике // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 62.

²⁰⁵ Бабушкина Н. С. Двухязычие: социальный аспект и тенденции (на материале Республики Бурятия): Канд. дис. Улан-Удэ, 1997. С. 82.

²⁰⁶ Дьячков М. В. Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 123.

Уважаемый друг!

Данная анкета предназначена для изучения языковой жизни нашей республики.

Ваши ответы очень помогут нам в исследовании

- Город (село) _____
1. Год рождения _____
 2. Пол _____
 3. Национальность _____
 4. Вы родились в городе _____, в селе _____, районе _____
 5. Место обучения: _____, факультет _____, специальность _____, класс _____
 6. На каком языке Вы преимущественно говорили до поступления в школу:
 - А) бурятский
 - Б) русский
 - В) на обоих
 - Г) другой язык _____
 7. Какой язык Вы считаете своим родным языком? _____
- Родной язык отца – _____, матери – _____
8. Если Вы знаете бурятский язык, то Вы:
 - А) знаете его с детства?
 - Б) изучали его в школе?
 - В) изучаете его в техникуме, институте?
 - Г) (другие случаи) _____

9. Если Вы изучаете (или изучали) его в школе (техникуме, институте), удовлетворены ли Вы процессом обучения?

А) да. Б) нет. В) мне безразлично, как преподается бурятский язык.

10. Хотели бы Вы знать его в совершенстве?

А) да. Б) нет. В) мне безразлично.

11. Почему Вы изучаете (изучали) бурятский язык?

А) потому что считаю его родным.

Б) потому что его преподавали в школе.

В) потому что мне нравится изучать языки.

Г) потому что заставляют родители.

Д) потому что он помогает в общении с друзьями, родственниками.

Е) потому что он позволяет ознакомиться с достижениями бурятской национальной культуры, религии и т. д.

Ж) (другие причины) _____

12. Если Вы владеете бурятским языком, в каких случаях Вы переходите на русский язык общения:

А) в учебном заведении.

Б) в общественных местах (магазин, транспорт,

служба быта и др.).

В) когда собеседник не понимает Вас.

Г) когда, по Вашему мнению, более престижно разговаривать на русском языке.

Д) постоянно говорю по-русски, перехожу на бурятский в случаях общения с _____
Е) (другие ситуации)

13. В каких случаях Вы пользуетесь бурятским литературным языком?

- А) постоянно.
- Б) когда читаю книги, газеты, журналы.
- В) когда хожу в театр.

Г) я пользуюсь только своим диалектом.

Д) когда общаюсь с родственниками, знакомыми – носителями других диалектов.

Е) (другие случаи)

14. Если Вы не знаете или плохо знаете бурятский язык, хотели бы его изучать?

- А) да. Б) нет. В) мне безразлично.

Г) _____

15. Если Вы не знаете и не хотите изучать бурятский язык, то почему?

- А) он мне неинтересен.
- Б) считаю, что он мне не пригодится в жизни.
- В) считаю, что у него мало перспектив.

Г) на нем не с кем общаться и в нем нет необходимости.

Д) испытываю трудности в изучении языков.
Е) (другие причины)

16. Если Вы не знаете бурятский язык, были ли в Вашей жизни случаи, когда Вы жалели об этом и когда?
А) дома, в быту.

Б) при общении с родственниками, друзьями – бурятами.

В) в общественных местах, на улице, в транспорте, в магазине.

Г) при чтении литературы, газет, журналов.

Д) при посещении театра

Е) при просмотре и прослушивании теле- и радиопрограмм.

Ж) при посещении дацанов, культурных мест.

З) на торжественных мероприятиях (свадьбах, юбилеях и др.).

И) таких случаев не было.

К) (в других ситуациях)

17. Как Вы считаете, является ли язык признаком национальной принадлежности?

- А) да. Б) нет. В) не знаю.

18. Как Вы считаете, должен ли Президент Бурятии знать бурятский язык?

- А) да. Б) нет. В) не знаю.

19. Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети знали бурятский язык?

А) да. Б) нет. В) мне безразлично.

20. Как Вы относитесь к тому, чтобы исебуряты изучали бурятский язык?

А) положительно. Б) отрицательно. В) затрудняюсь ответить.

21. Как Вы считаете, что объединяет бурятский народ?

А) происхождение.

Б) внешность.

В) культура, обычаи, традиции, история.

Г) родная Земля, природа, территория.

Д) религия.

Е) язык.

Ж)

22. Знаете ли Вы, что есть закон «О языках народов Бурятии»?

А) да. Б) нет.

23. Как Вы считаете, данный закон:

А) это важный и нужный акт.

Б) в нем нет необходимости.

В) мне безразлично.

24. Какими формами бурятского и русского языков Вы владеете?

	Бурятский				
	Оч. хор	Хор	Удовл.	Плохо	Не владею
Понимаю					
Говорю					
Читаю					
Пишу					

Русский				
Оч. хор.	Хор.	Удовл.	Плохо	Не владею

26. Как Вы относитесь к введению государственного бурятского языка в:

	Положительно
1) образование	
2) делопроизводство	
3) обществ. места (магазин, трансп., сфера облсл. и др.)	
4) СМИ	

	Безразлично
Отрицательно	

Лингвокультурологический вопросник

1. Какие Вы знаете газеты, которые выходят на бурятском или смешанном бурятско-русском языке?

2. Какие эпосы бурятского народа Вы знаете?

3. Переведите, пожалуйста: Здравствуйте!

Как Вас зовут?

Меня зовут....

Сколько Вам лет?

Как поживаете?

Заходите к нам.

Извините, пожалуйста.

Ничего-ничего.

Я по-бурятски не понимаю.

Я по-бурятски понимаю, но не говорю.

Я учусь в школе (университете).

Где Вы родились?

Где живут Ваши родители?

Мои родители живут в...

По профессии мои родители...

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Старый друг лучше двух новых.

Атан тэмээн ангас гэбэ,

Аргамжын үзүүр ялас гэбэ.

(Сахилгаан)

Аха дүү хоёр

Бэе бэээ хүсэжэ ядаа

(Һара, наран)

Что бы Вы хотели добавить к своим ответам?

Ваши пожелания и мнения по данной анкете и языковой ситуации в Бурятии. Большое спасибо за помощь!

Всего Вам наилучшего!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.....	3
§ 1. Из истории вопроса.....	5
§ 2. Буряты, бурятский язык и культура, факторы национально-языкового развития.....	40
§ 3. Социолингвистический аспект проблемы: тенденция и динамика развития двуязычной ситуации в Бурятии.....	66
§ 4. Лингвистический аспект взаимодействия бурятского и русского языков.....	92
§ 5. Языковая политика, языковое законодательство и государственный бурятский язык.....	120
§ 6. Что делать?.....	144
Заключение.....	166
Примечания и библиография.....	169
Приложение.....	183

*Использованы материалы (§ 3),
полученные в результате исследования,
проведенного при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 00-04-00264а)*

Галина Александровна Дырхеева

**БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2002 год

Редактор *А. А. Ананина*

Художник *Д. Т. Олоев*

Корректор *Г. В. Кашина*

Компьютерная верстка, макетирование *Н. В. Агеева, Н. Д. Жамбаева*

Лицензия ЛР № 040936 от 13.01.1999 г.

Подписано в печать 20.01.2002 г. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 300. Заказ № 26.

Редакционно-издательский отдел Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН
ВЫПУСТИЛО В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Андреев Г. В. и др. Магматические и метаморфические породы Бурятии и связанная с ними рудная минерализация.

Базарон У. В. Низкочастотная сдвиговая упругость жидкостей.

Даржаева С. И. Региональное недропользование: проблемы и перспективы.

Кислов Е. В. Иоко-Довыренский расслоенный массив.

Кислов Е. В. Памятники природы Кяхтинского района.

Кислов Е. В. Памятники природы Тункинского национального парка.

Кислов Е. В. Памятники природы Северобайкальского района.

Кочева Т. В. и др. Машинное орнаментирование.

Методология определения экологических затрат региона.

Могзоев А. М. Предпринимательство и внешнеэкономическая деятельность.

Могзоев А. М. Инвестиции в развитие экономики стран Восточной Азии и России.

Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия в условиях реформ.

Николаева И. Г., Хобракова В. В., Арьяева М. М. Пятилистник кустарниковый.

Никифоров К. А. и др. Теория и парогазовая технология получения силикатной керамики.

Плюснин А. М., Гунин В. И. Природные гидрогеологические системы, формирование химического состава и реакция на техногенное воздействие.

Рипп Г. С. и др. Позднемезозойские карбонатиты Западного Забайкалья.

Рипп Г. С. и др. Халютинское месторождение барий-стронциевых карбонатитов.

Руднева Н. А. Тяжелые металлы и микроэлементы в гидробионтах Байкальского региона.

Семенов А. П. Пучки распыляющих ионов: получение и применение.

Убашеев И. О. Природные лекарственные средства при повреждениях органов и тканей.

Убугунова В. И., Убугунов Л. Л., Корсунов В. М. Пойменные почвы экосистем Центральной Азии.

Убугунов Л. Л. и др. Оптимизация макроэлементного питания орошения картофеля в Бурятии.

Убугунов Л. Л. и др. Эколого-агрохимические основы повышения плодородия аллювиальных луговых почв.

Убугунов Л. Л. и др. Эколого-агрохимическая эффективность осадков городских сточных вод и цеолитов.

Чимитдоржиева Г. Д. и др. Биологическая активность каштановых почв бассейна озера Байкал при применении на них отходов различных производств.

Цыбжитов Ц. Х., Цыбжитов А. Ц. Почвы бассейна озера Байкал: В 2 т.

Заявки на интересующие книги просим направлять по адресу: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8. Изд-во БНЦ СО РАН, книжный киоск.

35.00.